

ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ:

Никогда не теряйте вдохновения!

Живите, творите, создайте!

Памятник Сергею Есенину

---

*О жизни и творчестве скульптора Григория Потоцкого
читайте на стр. 41*

История Зимнего дворца

<i>Денис Логинов</i>	У истоков создания архитектурного шедевра 4
----------------------	--

Неизвестное об известном

<i>Виктор Елисеев</i>	Бабушка великого поэта 14
<i>Юрий Осипов</i>	«Русский Дюма» 90
<i>Алла Зубкова</i>	Маргарет, которая придумала Скарлетт 116

Рассказ

<i>Екатерина Зверева</i>	Тараска 20
--------------------------	-------------------------

Замечательные современники

<i>Виктор Ом</i>	Григорий Потоцкий. Творец Любви и Добра 41
<i>Александра Бушева</i>	Владимир Винокур: «Я делаю и буду делать все, чтобы дарить людям хорошее настроение» 59
<i>Елена Воробьева</i>	Евгений Жуков: «Несмотря на сложные времена, творчество продолжается, и это замечательно!» 65
<i>Марина Бойкова</i>	Лидия Козлова-Танич. «Я верю в чудеса — потому они со мной и происходят 108

Поэзия

<i>Анатолий Коротков</i>	Стихи 51
--------------------------	-----------------------

Эссе

<i>Екатерина Маркова</i>	Незванный гость 54
--------------------------	---------------------------------

Это интересно

<i>Ирина Опимах</i>	Кики — королева Монпарнаса 71
---------------------	--

Мир увлечений

<i>Елена Чулкова</i>	Была бы шерстка, а прялка найдется... 80
----------------------	---

В память о нем

<i>Альберт Лиханов</i>	Борис Пастухов: сотрудничество 101
------------------------	---

Итоги конкурса

<i>Наталья Мальцева</i>	Письмо читателя — 2-е место 128
<i>Вячеслав Молчанов</i>	Письмо читателя — 3-е место 129

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Смерть надевает маску 130
--------------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Ведущий солист балета
театра им. Станиславского
и Немировича-Данченко Евгений Жуков.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.01.2022

« В августе 1892 года Варвара Пащенко переехала к Бунину в Полтаву. Родители ее так и не дали согласия на семейный союз, поэтому они стали жить в гражданском браке. Увы, их совместная жизнь оказалась далеко не безоблачной. Она была полна не только радостями, но и постоянными взаимными упреками, размолвками. Бунин и Пащенко были по своему характеру и духовным интересам совсем разные люди. Поэтому не удивительно, что, в конце концов, они расстались.

Виктор **Елисеев** «Ее любил Бунин»

« Главным «детищем» Николая Михайловича Карамзина, безусловно, является «История государства Российского», написанием которой он занимался до конца своей жизни, фактически прекратив деятельность журналиста и писателя. Это было, конечно, не первое описание истории России, до Карамзина об этом писали В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, однако именно Карамзин открыл историю России для широкой образованной публики...

Денис **Логинов** «Историк государства Российского»

« Она была любовницей наследника английского престола, будущего короля Эдуарда VII, и перипетии их связи обсуждала вся страна. Ее талантом актрисы, остроумием и изяществом восхищались Сара Бернар, Марк Твен, Киплинг, Сомерсет Моэм, а Оскар Уайльд именно для нее написал одну из своих самых блистательных пьес «Веер леди Уиндериер».

Алла **Зубкова** «Джерсийская лилия»

« Нет в советском кино фигуры более загадочной и трагической, нежели Изольда Извицкая. В 25 лет к ней пришла мировая слава — фильм Григория Чухрая «Сорок первый» буквально взорвал X международный кинофестиваль в Каннах. Жюри и зрителей актриса поразила: красавица со светло-изумрудными глазами, с копной вьющихся каштановых волос блестяще справилась со сложной драматургией. Тогда Изольду Извицкую называли «советской актрисой №1». И никто не мог даже подумать, что через каких-то 14 лет ее будет ждать такой трагический финал...

Андрей **Колобаев** «Великолепная Изольда»

« Мы всегда помним первых. И это правильно. В 1963 году, всего лишь через пару лет после полета Юрия Гагарина, открывшего человечеству дорогу к звездам, в космос отправилась Валентина Терешкова, став первой в мире женщиной-космонавтом. 6 марта этого года Валентине Владимировне исполняется 85 лет, и все россияне, естественно, пожелают этой уникальной и замечательной женщине здоровья и активного долголетия.

Ирина **Леонтьева** «Пять минут: полет нормальный!»

У истоков создания АРХИТЕКТУРНОГО ШЕДЕВРА

Мы привыкли употреблять название Зимнего дворца в единственном числе. И многие даже не догадываются о том, что на самом деле их было пять. Правда, после 1764 года остался единственный, который до основания все-таки не сносили, а продолжали его совершенствовать. А началась история строительства дворца во времена Петра I и продолжалась при Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине II.

Всего за период 1711–1764 годов в городе на разных участках возводились те самые пять Зимних дворцов. Первоначально Петр I поселился в построенном на скорую руку в 1703 году недалеко от Петропавловской крепости одноэтажном доме. Такой у великого реформатора был вкус: роскошь он не жаловал.

Петр владел участком между Невой и Миллионной улицей (на месте нынешнего Эрмитажного театра). В 1708 году здесь, в глубине участ-

ка, был построен деревянный «Зимний дом» — небольшой двухэтажный дом с высоким крыльцом и черепичной крышей. В 1712 году были выстроены каменные Свадебные палаты Петра I. Этот дворец стал подарком губернатора Санкт-Петербурга Александра Даниловича Меншикова к свадьбе Петра I и Екатерины Алексеевны.

В 1716 году архитектор Георг Маттарнови по приказу царя приступил к постройке нового Зимнего дворца, на углу Невы и Зимней канавки, которую тогда называли «Зимне-домным каналом». В 1720 году Петр I со всем своим семейством переехал из летней резиденции в зимнюю, а пять лет спустя в этом дворце он скончался.

Но история Зимнего дворца только начиналась.

Императрица Анна Иоанновна посчитала дворец слишком маленьким и в 1731 году поручила его перестройку Ф.Б. Растрелли, который предложил ей свой проект переустройства. По этому проекту требовалось приобрести стоявшие в то время на месте, занимаемом нынешним дворцом, дома, принадлежавшие графу Апраксину, Морской Академии, Рагузинскому и Чернышеву.

Анна Иоанновна проект одобрила, дома были скуплены, снесены, и весной 1732 года началось строительство. В 1735 году оно было завершено, и Анна Иоанновна переехала в новый дворец.

Четырехэтажное здание включало в себя около 70 парадных залов, более 100 спален, галерею, театр, большую капеллу, множество лестниц, служебные и караульные помещения, а также комнаты дворцовой канцелярии.

Здесь 2 июля 1739 года состоялось обручение принцессы Анны Леопольдовны с принцем Антоном-Ульрихом, и сюда после смерти Анны Иоанновны привезли малолетнего императора Иоанна Антоновича, который пробыл во дворце до 25 ноября 1741 года, когда Елизавета Петровна взяла власть в свои руки.

По высочайшему указу императрицы для ловли большого количества мышей в недостроенном дворце из Казани было доставлено 30 котов, которые пополнили кошачью популяцию дворца, зародившуюся от кота, привезенного Петром I из Голландии. Традиция содержать котов для охраны от грызунов пережила века — в 2008 году в подвалах дворца проживало 50 котов, для которых был создан специальный фонд друзей котов Эрмитажа.

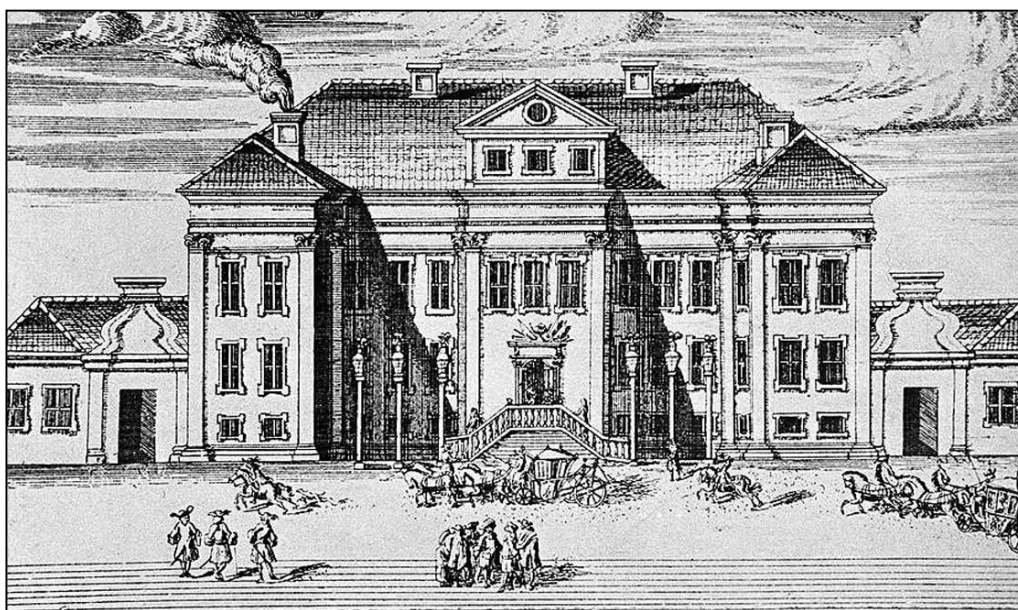
В 1752 году императрица приняла решение о расширении Зимнего дворца, после чего были выкуплены соседние участки Рагузинского и Ягужинского. К концу года она пожелала увеличить высоту дворца с 14 до 22 метров. Растрелли был вынужден переделывать проект здания, после чего решил строить его в новом месте. Но Елизавета Петровна отказалась от перемещения дворца, и ар-

хитектор принял решение строить здание заново, новый проект был подписан Елизаветой Петровной в 1754 году.

«Понеже в С.Петербурге наш Зимний Дворец не токмо для приему иностранных министров и отправления при Дворе во уреченные дни праздничных обрядов, по великости нашего императорского достоинства, но и для умещения нам с по-

к тому делу возможно, считая с начала сей 1754 и будущий 1755 годы, и чтобы сие учинено было немедленно, дабы не упустить нынешнего зимнего пути для приготовления припасов к тому строению».

Четвертый (временный) Зимний дворец был построен в 1755 году на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки. Через семь лет он был разобран, так как шло к завер-

Первый Зимний дворец, построенный Петром, оказался мал и был перестроен

требными служителями и вещьми доволен быть не может, для чего мы вознамерились оный наш Зимний Дворец с большим пространством в длине, ширине и высоте перестроить, на которую перестройку по смете потребно до 900.000 рублей, какой суммы, расположа оную на два года, из наших соляных денег взять невозможно. Того для повелеваем нашему Сенату сыскать и нам представить, из каких доходов такую сумму по 430 или 450 тысяч рублей на год взять

шению строительство пятого по счету здания дворца, ставшего в то время самым высоким жилым зданием в Санкт-Петербурге. Елизавета Петровна не дожидая до окончания строительства, принимал работу уже Петр III. К этому времени была закончена отделка фасадов, но многие внутренние помещения еще не были готовы. Летом 1762 года Петра III свергли с престола, и строительство Зимнего дворца было окончено уже при Екатерине II.

В первую очередь императрица отстранила от работ Растрелли. Отделкой интерьеров дворца теперь занимались архитекторы Ю.М. Фельтен, Ж.Б. Валлен-Деламот и А. Ринальди под руководством Бецкого.

По первоначальной, сделанной Растрелли, планировке дворца самые большие парадные залы находились на 2 этаже и выходили окна-

занимали северо-восточное крыло, а в юго-восточной части между жилыми покоем и устроенной в восточном дворе «Большой церковью» была перекинута галерея.

В 1763 году императрица переместила свои покои в юго-восточную часть дворца, под своими комнатами она приказала разместить покои своего фаворита Г.Г. Орлова (в 1764–1766 годах для Орлова был

ми на Неву. По замыслу зодчего, путь к громадному Тронному залу, который занимал все пространство северо-западного крыла, начинался с востока, с Иорданской или, как она прежде называлась, Посольской лестницы, и пролегал через анфиладу из пяти аван-залов (из них три средних зала составили впоследствии Николаевский зал).

В юго-западном крыле Растрелли поместил дворцовый театр «Оперный дом». Кухни и прочие службы

возведен Южный павильон Малого Эрмитажа, соединенный с покоем Екатерины галереей на арке).

В северо-западном ризалите был обустроен Тронный зал, перед ним появилось помещение для ожидания — Белый зал. Позади Белого зала разместили столовую. К ней примыкал Светлый кабинет. За столовой следовала Парадная опочивальня, ставшая через год Алмазным покоем. Кроме того, императрица приказала обустроить для

себя библиотеку, кабинет, будуар и две спальни.

В 1764 году Екатерине II были переданы из Берлина 317 ценных картин общей стоимостью в 183 тысячи талеров из частной коллекции живописи Йоханна Эрнста Гоцковско-го (1710–1775) в счет его долга князю Владимиру Сергеевичу Долгорукову. Из этих 317 картин (принято считать, что их было лишь 225) в основном

По указу Екатерины II, которая сочла неуместным хождение публики в Эрмитаж через ее собственные покои, была создана галерея-перемычка с Зимним дворцом — Аполлонов зал, — при помощи которой посетители могли миновать царские апартаменты.

Тогда же Кваренги возвел и новый Тронный (Георгиевский) зал, открытый в 1795 году. Старый же был пере-

голландско-фламандской школы первой половины XVII века, переданных в Россию и положивших начало собраниям Эрмитажа, здесь сохранилось, по меньшей мере, 96 полотен. Картины размещались в уединенных апартаментах дворца, получивших французское название «Эрмитаж» (место уединения).

В 1780–1790-х годах работы по отделке дворцовых интерьеров продолжили И.Е. Старов и Дж. Кваренги.

делан на ряд комнат, предоставленных для покоев только что женившемуся великому князю Александру.

В 1826 году по проекту К.И. Росси перед Георгиевским залом построили Военную галерею, в которой разместились написанные в течение почти 10 лет Д. Доу 330 портретов генералов — участников войны 1812 года.

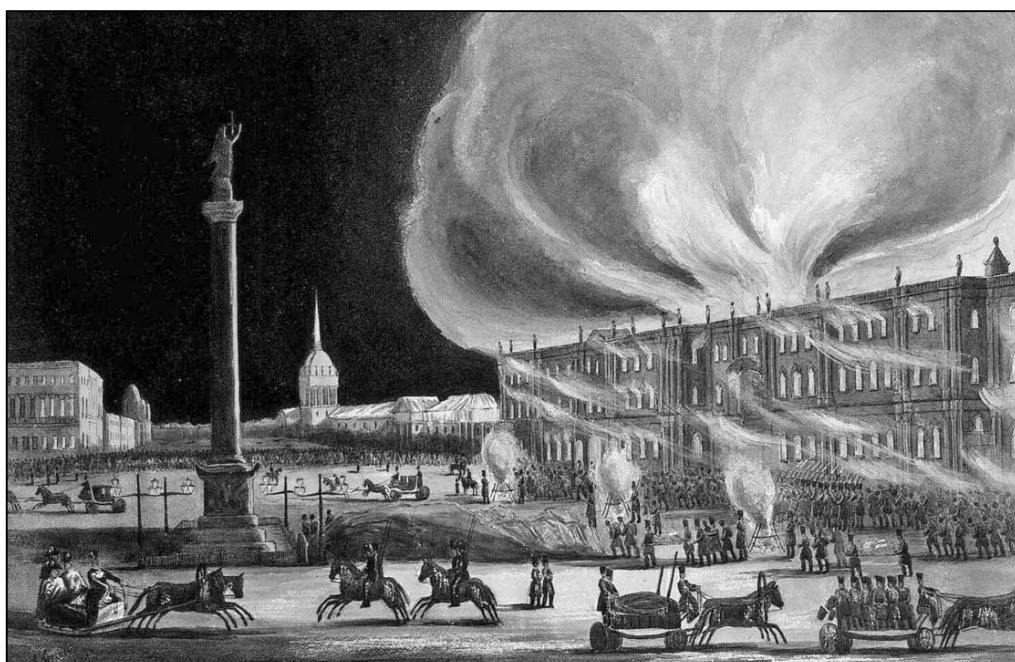
В начале 1830-х годов в восточном корпусе дворца О. Монферран

оформил Фельдмаршалский, Петровский и Гербовый залы.

В 1837 году во дворце случился пожар. Потушить его не могли три дня, все вынесенное из дворца имущество было сложено вокруг Александровской колонны. При пожаре, по официальным данным, погибли 13 солдат и пожарных. Восстановительные работы потребовали громадных усилий, однако дворец был

ловины, ранее занимаемые членами императорской семьи, покинувшими Зимний дворец по причине замужества или переезда в другие дворцы, а также ушедшими из жизни.

В первой Запасной половине до 1828 года жила императрица Мария Федоровна, а с июля 1839 по 1844 год — великая княгиня Мария Николаевна и герцог Максимилиан Лейхтенбергский.

*Пожар
в Зимнем
дворце*

возрожден за два года. Работами руководил В.П. Стасов, который использовал новые конструкции перекрытий и кровли.

Впервые название Запасная половина Зимнего дворца появилось в процессе восстановления именно после этого пожара. Каждая Запасная половина включала необходимый набор помещений для временного проживания гостей Высочайшего двора. Как правило, в запас переходили по-

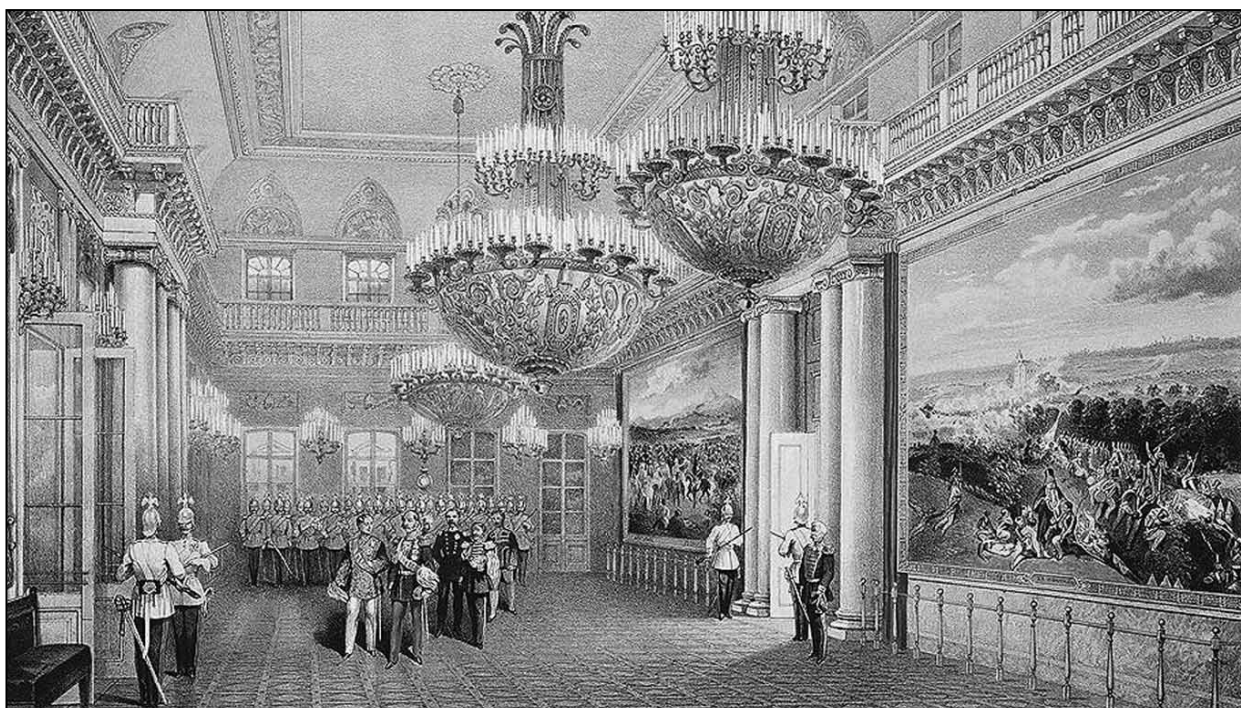
Вторая Запасная половина занимала второй этаж юго-восточного ризалита. Изначально на этом месте располагались личные апартаменты Петра III и Екатерины II, а также Павла I, после смерти которого императорская половина перешла в разряд запасной с названием «Прусско-ко-ролевские комнаты».

Третья Запасная половина занимала часть второго этажа западного

корпуса с видом во двор. Здесь жили дети Николая I.

Четвертая («Детская») анимала первый этаж северо-западного ризалита. Вход был устроен со стороны набережной и далее через винтовую Детскую лестницу (она, к сожалению, не сохранилась). Запасной эта половина стала называться после выезда из Зимнего дворца дочерей Николая I — Александры

Александра II — Мария, Сергей и Павел, а потом часть помещений, предназначенных для великой княжны Марии, заняла Варвара Нелидова. С 1894 по 1897 год здесь временно проживала дочь Александра III великая княгиня Ксения Александровна с супругом, пока они не переехали в собственный особняк на набережной Мойки. С 1897 года в некоторых залах квартировали гоф-

(в 1844 году) и Ольги (в 1846 году). С 1856 года до переезда в собственный Николаевский дворец здесь жил великий князь Николай Николаевич. Созданные после пожара интерьеры А.П. Брюллова частично были изменены А.И. Штакеншнейдером.

Пятая Запасная половина занимала первый этаж юго-западного ризалита. Вначале тут жили дети

мейстерина императрицы Александры Федоровны княгиня Елизавета Нарышкина, «мадам Зизи», и обергофмейстерина светлейшая княгиня Мария Голицына.

Шестая Запасная половина занимала третий этаж западного корпуса. Здесь проживала светлейшая княгиня Юрьевская — вторая, морганатическая, супруга императора Александра II.

Седьмая Запасная половина находилась в здании Большого Эрмитажа.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

8 апреля (по другой версии — 11 апреля) 1762 года на Пасху состоялся обряд освящения дворца, на следующий день в него въехал императорский двор.

в костюмах эпохи царя Алексея Михайловича.

9 января 1905 года во время шествия колонн рабочих к Зимнему дворцу была расстреляна мирная рабочая демонстрация, что послужило началом революции 1906–1907 годов..

В августе 1914 года после начала Первой мировой войны часть культурных ценностей из дворца, в том

*Интерьеры
Зимнего
дворца*

5 февраля 1880 года народоволец С.Н. Халтурин произвел взрыв в Зимнем дворце с целью убийства Александра II, при этом было убито одиннадцать солдат из караула и пятьдесят шесть ранено, но ни император, ни члены его семьи не пострадали.

11–13 февраля 1903 года в Зимнем дворце состоялся знаменитый костюмированный исторический бал

числе Галерея драгоценностей, была вывезена в Москву, однако Картинная галерея осталась на месте.

В середине октября 1915 года во дворце был размещен военный госпиталь имени цесаревича Алексея Николаевича. Под госпитальные палаты были отведены залы Невской и Большой анфилад, а также Пикетный и Александровский залы.

Во время революции 1917-го года дворец был занят войсками, перешедшими на сторону восставших.

С июля того же года дворец стал резиденцией Временного правительства, которое объявило о национализации царских дворцов и образовало художественно-историческую комиссию по приемке ценностей Зимнего дворца. В сентябре часть ху-

штурмом взяли дворец и арестовали Временное правительство.

30 октября (12 ноября) 1917 года народный комиссар просвещения А.В. Луначарский объявил Зимний дворец и Эрмитаж государственными музеями. В течение нескольких месяцев в комнатах первого этажа дворца располагался Наркомпрос. В парадных залах начали устраи-

художественной коллекции была эвакуирована в Москву.

В ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года, в дни Октябрьской революции, революционные солдаты и матросы окружили дворец, который охраняли гарнизон юнкеров и женский батальон. Северо-западный ризалит дворца был обстрелян картечью из орудий Петропавловской крепости. В 02 часа 04 минуты ночи 26 октября (8 ноября) восставшие

взять кинематографические сеансы, концерты, лекции, собрания.

В 1918–1919 годах дворец назывался Дворцом Искусств. Здесь открылись первые после революции выставки произведений живописи из оставшихся в Петрограде картин, а также экспозиция «Заупокойный культ Древнего Египта».

11 января 1920 года в залах первого и второго этажей дворца состоялось официальное открытие

Государственного музея Революции. К ноябрю того же года завершился процесс возвращения эвакуированных в Москву художественных ценностей, и для публики открылись залы Картинной галереи и другие экспозиции Государственного Эрмитажа. Совместно два музея просуществовали в здании дворца до 1941 года.

от обстрелов артиллерии Вермахта и бомбардировок Люфтваффе, в общей сложности в них попали семнадцать артиллерийских снарядов и две авиационные бомбы. Были повреждены Малый тронный (Петровский) зал, разрушена часть Гербового зала и перекрытия Растреллиевской галереи, нанесен ущерб Иорданской лестнице.

22 июня 1941 года, после начала Великой Отечественной войны, в подвалах дворца были оборудованы двенадцать бомбоубежищ, в которых постоянно проживали около двух тысяч человек. Во дворце была укрыта часть не эвакуированной музейной коллекции Эрмитажа, культурных ценностей из пригородных дворцов и различных учреждений Ленинграда.

В годы Великой Отечественной войны строения дворца пострадали

7 ноября 1944 года дворец был частично открыт для посещения. Восстановление залов и фасадов дворца продолжалось долгие годы после войны.

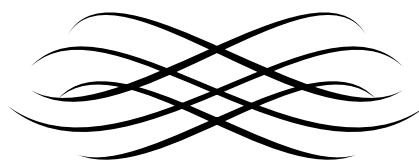
В настоящее время Зимний дворец вместе с Эрмитажным театром, Малым, Новым и Большим Эрмитажем составляет единый музейный комплекс «Государственный Эрмитаж». □

Бабушка ВЕЛИКОГО ПОЭТА

*«Люблю от бабушки московской
я слушать толки о родне...»*

А.С. Пушкин.

*Мария
Алексеевна
Пушкина*

В 1771 году на Липские железодобывательные заводы прибыл капитан морской крепостной артиллерии О.А. Ганнибал. Осип Абрамович должен был осмотреть заводы, основанные еще Петром Великим. Его отец, Абрам Петрович (арап Петра), генерал от артиллерии, дал ему до-

машнее специальное артиллерийское образование. Прибыв на Липские заводы, своим первым долгом Осип Абрамович считал нанести визит местному помещику Алексею Федоровичу Пушкину, участнику русско-турецкой войны 1735–1739 годов, с которым находился через

свою сестру Елизавету в дальнем родстве. Здесь он впервые и встретился с Машенькой, старшей дочерью Алексея Федоровича. Ей шел 27-й год, и по тогдашним меркам она уже считалась «старой девой».

Но представитель тогдашней светской молодежи, с ее веселой и беззаботной жизнью, проводивший некогда время во всевозможных кутежах и проматывая деньги отца, со временем залез в солидные долги. Старый арап, живший в это время в своем имении близ Петербурга, лишил непутевого сына содержания и строжайше запретил являться ему на глаза. Вот Осип Абрамович, чтобы поправить свои финансовые дела, и решил не просто приударить за Марией Алексеевной, а сделать официальное предложение. Родители с радостью дали свое благословение, и 9 ноября 1772 года молодые соединились законным браком. Венчание проходило в Вознесенском соборе — тогдашнем главном соборе поселка Липских железоделательных заводов. Испытывала ли какие-то чувства к Ганнибалу Мария Алексеевна? Сейчас трудно сказать об этом. Сохранилось ее прошение на имя императрицы Екатерины II, в котором она утверждает, что «была выдана в замужество за Ганнибала от родителей моих». Московские родственники Пушкиных были недовольны этим браком, и кто-то из кузин Марии Алексеевны даже сочинил по этому поводу иронический стишок:

*Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапур.*

(Князь Визапур был выходцем из Индии, поэтому совсем темнокожий. Несмотря на это, Екатерина II жаловала его чином полковника, и он служил в лейб-гвардии гусарском полку.) Поскольку и Осип Абрамович, как сын арапа, был тоже темнокожим, то этим объясняется такое стихотворение московских кузин Марии Алексеевны.

Вскоре молодая чета отправилась в Суйду — имение старого арапа — и на коленях просила прощения за столь скоропалительный брак. От сурового взгляда Абрама Петровича молодая невестка упала в обморок...

Молодые какое-то время жили в Муроме. Кредиторы предъявили иски к моту Ганнибалу, и Марии Алексеевне пришлось продать свое имение в Ярославском уезде, чтобы выплатить долги и спасти мужа от позора. Позже, видимо, по ее настоянию, Осип Абрамович вышел в отставку с чином «флота артиллерии капитана второго ранга», и чета поселилась в одном из своих имений в Псковской губернии. Здесь и появилась на свет дочь Надежда, которой суждено было подарить России Александра Сергеевича Пушкина.

Имение, где жили Ганнибалы, располагалось недалеко от столицы, и Осип Абрамович под разными благовидными предложениями покидал молодую жену и дочь. Вско-

ре в семье начались скандалы и ссоры, и однажды он просто сбежал от жены с дочерью и отца. Позднее Мария Алексеевна писала в Псковскую духовную консисторию: «Муж мой, возвратясь в дом к отцу, недолгое время жил в порядке, но, следуя дурным своим склон-

ревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался». Случилось это 5 ноября 1777 года.

А вскоре Мария Алексеевна узнала, что ее непутевый муж, выдав себя за вдовца, повенчался с молодой

Имение, где жили Ганнибалы, располагалось недалеко от столицы, и Осип Абрамович под разными благовидными предлогами покидал жену и дочь. Вскоре в семье начались скандалы и ссоры, и в результате он однажды просто сбежал от жены. По совету свекра Мария Алексеевна отправилась на поиски непутевого муженька, нашла его в селе Красном, уговаривала вернуться и возобновить их брак, но он наотрез отказался, и ей с дочерью Надей пришлось уехать к своим родителям

ностям, часто заслуживал гнев родительский, и чтобы оно избавиться, бежал из дому, оставя отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся».

По совету свекра она отправилась в столицу на поиски непутевого муженька, нашла его в селе Красном, где он жил у своего зятя майора А.О. Маза, и стала уговаривать мужа вернуться к отцу, возобновить брак, но он наотрез отказался, и Мария Алексеевна с дочерью Надей вернулась к своим родителям. Позднее в одном из прошений она писала: «Будучи так нагло покинута с малолетней дочерью и оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в де-

новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой. Брачный союз был скреплен в доме у Толстой приглашенным туда местным священником, при участии двух местных помещиков в качестве венчальных отцов. Все это свидетельствовало о том, что стороны желали сохранить брак в тайне. Однако этого не произошло. Брат Марии Алексеевны Михаил Алексеевич вскоре узнал об этом венчании и специально поехал в Псков к местному архиерею Иннокентию, которого проинформировал о таком неблагоприятном поступке Ганнибала. Архиерей посоветовал Марии Алексеевне написать прошение в Псковскую конси-

сторию о вторичном венчании ее мужа при живой жене. Такое прошение ею было написано, и на его основании началось консисторское следствие. Осипу Абрамовичу строжайше было запрещено сожителство с Устиньей Толстой. Но Ганнибал такое решение оспорил и упорно пытался доказать, что его первая жена якобы... умерла, и об этом он узнал из письма, которое ему в Красном «подал неизвестный солдат». Мало того, он даже представил это письмо от якобы брата Марии Алексеевны Михаила, который писал Ганнибалу: «...что сего ноября 3-го дня жена ваша, живучи в Москве, скончалась; дочь же вашу я взял с собою в известные вам деревни Воронежской губернии; прошу меня уведомить, у нас ли дозволите ей жить, или к себе возьмете; на оное ожидать буду от вас ответа...» Михаил Алексеевич Пушкин, ознакомившись с этим письмом, заявил, что оно написано не его рукой. Псковская консистория 19 января 1781 года закончила дело Ганнибала, признав его сожителство с Толстой незаконным, и наложила на виновного епитимью: год содержать его в монастыре, а затем в течение шести лет под наблюдением его духовного отца нести наказание. Но не таким оказался Осип Абрамович. В сентябре 1781 года он послал жалобу на имя императрицы. Государыня затребовала его консисторское дело, чтобы ознакомиться с ним. Кстати, даже многие род-

Пушкин Алексей Федорович

ственники Ганнибала встали на сторону его живой жены. И среди тех, кто поддержал Марию Алексеевну, был родной брат Осипа Абрамовича — генерал-поручик Иван Ганнибал. Началась долгая тяжба. Но, в конце концов, 10 января 1784 года Екатерина II издала рескрипт: «Марию Пушкину Осипу Ганнибалу почитать законной женой; Учиненный второй брак с Толстою уничтоженным и ее за законную ему не признавать; За учиненное Ганнибалом преступление во второй брак при живой жене, вместо наложения на него церковной епитимии, послать его на кораблях в Средиземное море, дабы он службою с раскаянием своим содеянное

*Мария
Алексеевна
Пушкина
и Осип Абрамович
Ганнибал*

преступление заслужить мог. Что принадлежит до Ганнибаловой жены по отце Марии Пушкиной, о доставлении ей на прожиток из мужнего имения, то, так как она в письме к своему мужу написала, что от него и от наследников его на содержание свое ничего требовать не будет, то затем и ныне ей, при живом муже, как на то и закону нет, из имения его ничего определять не следует. Назначенную самим Ганнибалом в поданном ея величеству прошении четвертую часть его недвижимого имения отдать в ведомство дворянской опеки, дабы она употреблена была в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери».

В опеку были взяты деревни Кобрино и мыза Руново со 110 душами крепостных. Опекунами Надеж-

ды Осиповны Ганнибал были определены брат Осипа Абрамовича, генерал-майор Петр Ганнибал, и родной брат Марии Алексеевны полковник Михаил Алексеевич Пушкин. Позднее Осип Абрамович завалит жалобами о несправедливом разделе имений. А бабушка великого поэта навсегда покинет с дочерью Надеждой Липецк, продаст часть своих имений и дом в Липецке брату Юрию Алексеевичу Пушкину. Сама поселится в столице, где ее дочь Надежда получит под ее руководством прекрасное домашнее образование, будет в совершенстве владеть французским языком, а в светском обществе ее будут называть «прекрасной креолкой».

28 сентября 1796 года Надежда Осиповна Ганнибал обвенчалась

с Сергеем Львовичем Пушкиным. Семья поселилась в Москве, и здесь же родился великий поэт России. А Мария Алексеевна усердно занималась воспитанием внуков. Позднее поэт напишет:

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
об отдаленной старине,
Могучих предков правнук бедный,
люблю встречать их имена
в двух — трех строках Карамзина.*

«Нижегородско-липецкая» бабушка поэта действительно была первой его наставницей в русском языке. Именно благодаря ей он выучился читать и писать. Залезал в ее рабочую корзинку, смотрел, как она занималась рукоделием, слушал ее рассказы про старину... Мария Алексеевна обожала своего внука, но при этом однажды сказала о нем своей знакомой Е.П.Янковой: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко свой урок сдает порядком, то его не расшевелишь, то не прогонишь играть с детьми, то вдруг развернется и расходится, что ничем его не уймешь, из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится».

Умерла Мария Алексеевна Пуш-

кина-Ганнибал 27 июня 1818 года на руках внука Александра Сергеевича. Похоронили ее рядом с непутевым мужем О.А. Ганнибалом в Святогорском монастыре. Здесь же в 1836 году была похоронена и Надежда Осиповна Ганнибал-Пушкина. А через год здесь найдет свой вечный покой и наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин. □

Тараска

Тараска родился пасмурным февральским утром со всеми очевидными признаками синдрома Дауна: узкими глазами, маленькими ушами и высунутым языком. Он закричал не сразу, и акушерке пришлось активно пошлепать его по красной сморщенной спинке. Лишь тогда он впервые вздохнул, но не закричал при этом, а тонко, жалобно запищал, будто выражал обиду на судьбу за то, что наградила его зачем-то лишней хромосомой.

Марии, матери малыша, полной женщине с крупными, грубоватыми чертами лица, сначала ничего не сказали, но ребенка кормить не принесли. Лишь через сутки главный врач роддома зашел к ней в палату, присел на край кровати, заботливо попаравив на роженице одеяло, без долгих предисловий сообщил о том, каким родился ее сын, и посоветовал оформить ребенка в Дом малютки. Он долго и нудно убеждал Марию, что вылечить мальчика все равно не удастся и что в специальном учреждении ему будет гораздо лучше. «Поймите, — говорил главврач, — ребенок с таким диагнозом не способен осознавать реальность. Он даже не поймет, что мамы нет рядом. Кроме того, эти дети, к сожалению, долго не живут. А у вас вся жизнь впереди. Вы можете еще родить. Крепкого. Здорового».

Женщина повздыхала, поплакала, но отдать сына в Дом малютки отказалась. «Кошка и та своего котенка не бросит. Что ж я, хуже кошки? Уж какого Бог дал», — рассудила Мария и в положенный срок забрала ребенка домой, окрестив его Тарасом в честь своего покойного деда, который решительно забрал внучку к себе, когда ее родители после долгих скандалов развелись, и каждый стал по-новому выстраивать свою единственную и неповторимую жизнь, где дочке — напоминанию о жизни старой — не на-

шлось места. Фамилию ребенку Мария дала свою, поскольку отец мальчика, работавший на том же заводе, что и она, был женат, а Тараска получился, что называется, случайно, после бурной вечеринки в честь юбилея завода.

Марии в личной жизни как-то не везло, замужем она никогда не была и в свои тридцать семь понимала незавидную перспективу остаться старой девой, поэтому беременности, хоть и незапланированной, обрадовалась и ребеночка ожидала как избавление от тоскливого женского одиночества.

Однако ее надеждам не суждено было сбыться. Сын у нее появился, но в силу своих особенностей не смог стать желанной жизненной опорой. Тараска сам ежеминутно нуждался в заботе и внимании. Он с трудом ел, плохо прибавлял в весе и почти не спал ночами: все время хныкал и по-кошачьи пищал, доводя свою измученную маму до полного иступления. Головку держать он начал гораздо позже своих здоровеньких ровесников, а самостоятельно ходить научился только к трем годам.

Все свободное время Мария посвящала сыну. Она уволилась с завода и устроилась уборщицей в соседний магазин. Когда ходила мыть полы, за Тараской приглядывала соседка Любовь Ивановна — одинокая пенсионерка на инвалидности, страдавшая болезнью, прозванную в народе «слоновостью» за пугающе толстые, как у слона, распухшие ноги.

Когда Тараске исполнилось семь лет, к Марии в дом пришла комиссия из городского отдела народного образования. Строгая женщина с гладко зачесанными волосами, закрученными на затылке в огромный пучок, показывала Тараске картинки с зайчиками, птичками и цветочками, просила рассказать, что нарисовано, какого цвета птички, сколько зайчиков сидит под кустом. Рядом стоял солидный мужчина в очках, с толстой папкой и, склонив набок голову, внимательно наблюдал за мальчиком. Картинки Тараске понравились. Он радостно смеялся и хлопал в ладоши, но не ответил ни на один вопрос.

— Он что у вас, немой? — спросила чиновница Марию.

— Да нет, — замялась та, — что-то лепечет.

— Лепечет, — недовольно повторил мужчина и захлопнул папку, показывая, что все ему в этой семье абсолютно понятно. — А вы в развивающие игры с ним играете?

— В какие игры? — опешила Мария.

Чиновница многозначительно посмотрела на напарника и осуждающе — на Марию:

— Нехорошо, Мария Дмитриевна. Вам же сообщали о курсах для родителей детей-даунов. Почему вы их не посещали? Вам что, до своего ребенка никакого дела нет?

Мария, задохнувшись от обиды, издала негодующий возглас и выплеснула на комиссию всю горечь, накопившуюся за эти годы:

— Курсы, говорите, не посещала? Да, курсы — дело хорошее! Только куда же я ребенка-то дену?! У меня родственников нет, приглядеть за сыном некому. А за ним глаз да глаз нужен! То в розетку влезет, то чайник с кипятком на себя опрокинуть норовит. Я по пятам за ним хожу! А вы мне — «дела до ребенка нет»! Как язык у вас повернулся?! Вам лишь бы претензии предъявлять! А помощи никакой нет! Участкового врача лишний раз зайти не допросишься!

Толстые стекла очков холодно блеснули в сторону раскрасневшейся от крика женщины, и «высокая комиссия» удалилась с видом оскорбленного достоинства, начертав напротив Тараскиной фамилии безапелляционную резолюцию: «Необучаем». А Мария, повалившись на диван, выла в голос, и старенький диван трясся от ее рыданий. Тараска ползал по полу, сосредоточенно катая машинку, и, казалось, не интересовался происходящим, только вдруг на секунду остановился и, глянув на всхлипывающую мать, еле слышно промяукал: «Таласка холосый».

Говорил он мало, а если и лепетал что-то, то так картавил и проглатывал половину звуков, что понять его могла только мать. Может быть, именно поэтому в разговоре с чужими он предпочитал отмалчиваться, но одну фразу — «Таласка хоросый» — произносил неизменно, возможно, подсознательно чувствуя неоднозначное отношение к себе окружающих и стараясь реабилитироваться в их глазах.

Тараска жил в своем, только ему понятном мире. Казалось, он совсем не обращает внимания на то, что происходит вокруг, и смотрит лишь куда-то внутрь себя. Порой он затевал странные игры — игры с самим собой, поскольку друзей у него не было: соседские мальчишки отказывались играть с «дурачком». На улице прохожие удивленно поглядывали на нескладного мальчишку с маленькой округлой головой, который, надувая щеки, изо всех сил пытался и выделял руками странные вращательные движения. Глупые прохожие! Они и не догадывались о том, что это вовсе не Тараска, а важный локомотив, который мальчишка видел на вокзале. В другой раз Тараска, старательно топя короткими ножками, маршировал взад и вперед по тротуару, представляя себя стойким оловянным солдатиком, сказку про которого ему не раз читала мать.

Конечно, на него брезгливо показывали пальцами, кидали вслед обидные реплики, дразнили, смеялись. Смеялись полноценные и здоровые, считавшие себя умными и счастливыми. А он, несчастный Тараска-дурачок, в ответ никогда не злился, а только недоуменно щурил узкие глаза и спешил отойти в сторону.

И таким странным ребенком, не превосходившим по уровню интеллекта пятилетнего малыша, Тараске суждено было остаться на всю жизнь. В шко-

лу он не ходил, писать и читать не умел. Считал только до десяти, и то благодаря упорным усилиям соседки Любови Ивановны, которая когда-то работала воспитателем в детском саду и, приглядывая за мальчиком в отсутствие матери, научила его путем бесконечных повторений элементарному счету.

Когда Тараска подрос, то стал ходить с матерью в магазин, где она мыла полы, и мало-помалу приучился помогать продавщицам — изо всех силенок таскал коробки с товаром, протирал прилавки, подметал склад. За это ему давали что-нибудь из продуктов — пачку творога, пакет молока или коробку недорогих конфет, а он в ответ растягивал в широкой улыбке пухлые губы, кивал головой и произносил традиционное: «Таласка холосый».

Мария на судьбу никогда не жаловалась, только Любовь Ивановна с беспокойством стала замечать, что та частенько бывает под хмельком. Сначала это было почти незаметно, но затем стало доходить до откровенных запоев. В такие периоды Мария переставала выходить из дому и, прикончив очередную бутылку, заваливалась спать, а просыпалась только для того, чтобы вновь приложиться к горлышку. Порой это тянулось по нескольку дней, и, если бы не сердобольная Любовь Ивановна, которая, еле передвигая распухшие ноги, приходила в квартиру соседки и кормила ее сына, Тараска рисковал умереть с голоду, потому что ни за что на свете не отважился бы подойти к кухонной плите. Он с раннего детства до панического озноба, до истерических судорог боялся огня и столбенел от страха даже при виде крохотного язычка свечи, а на кухню не заходил вообще, так как там располагалась пугающая голубыми огоньками пламени плита, на которой вечно что-то булькало, скворчало, шипело — словом, таило непредвиденную для Тараски опасность.

Так и протекала нехитрая Тараскина жизнь, не знающая ни особых огорчений, ни заметных радостей. Но однажды Тараска словно очнулся от внутреннего оцепенения и высунул голову из той скорлупки, куда с самого рождения прятался от непонятного и часто жестокого внешнего мира. Он возвращался из магазина, держа в руке пачку печенья, полученную в благодарность за усердно вымытый в подсобке пол, а по двору шла ОНА... Впрочем, она по этому двору не раз проходила и раньше, поскольку жила с Тараской в одном доме, но он, по обыкновению погруженный куда-то внутрь себя, совсем ее не замечал, а тут вдруг замер на месте, не в силах оторвать глаз от пышного облака золотых волос... Она же спокойно прошла мимо него и исчезла за дверью своего подъезда.

Любовь Ивановна, коротавшая во дворе на лавочке однообразные пенсионерские будни, заметила обескураженный Тараскин вид и усмехнулась: «Ну, что так смотришь? Не узнаешь? Это же Валентина. Валя Евдокимова.

Соседка наша. Красавица, правда?» Тараска посмотрел на дверь подъезда, за которой скрылась девушка, и протянул нараспев: «Ва-я», а затем добавил: «Ка-са-ви-са»... Это было самое длинное слово, когда-либо сказанное им.

А Валентина и не заметила, каким взглядом проводил ее Тараска. Он часто гулял во дворе один, ни к кому не подходил, ни с кем не заговаривал, и девушка привыкла воспринимать его как некий неодушевленный предмет. В отличие от некоторых других жильцов дома Валентина никогда не обижала местного «дурачка», в глубине души искренне сочувствовала его матери, но все же относилась к нему с определенной долей брезгливости и даже немного побаивалась, хотя Тараска никогда не давал повода к подобным опасениям: вел себя вполне прилично и смирно. Но он был не такой, как все, этот странный полуюноша-полуребенок, и уже это внушало некий страх.

Как же Валентина испугалась, когда при очередной встрече во дворе Тараска с ней заговорил! Подойдя к подъезду, она остановилась, отыскивая в сумочке ключи от квартиры, а, подняв глаза, вздрогнула: прямо перед ней стоял Тараска и протягивал плитку шоколада. «Ва-я, тебе соколада. Вкусьюно!» От неожиданности девушка отпрянула и, не зная, как себя вести, торопливо процокала каблучками к другому подъезду. Ее остановила Любовь Ивановна, не покидавшая свой пост на лавочке даже в дождливые дни.

— Не бойся, милая! — обратилась она к Валентине. — Такие, как он, люди особые. Их Боженька любит. Они ведь страдания принимают за нас, за все грехи людские! Это мне мама покойная говорила. Так что не брезгуй убогеньким. Лучше здоровых бойся, от них чего хочешь ожидать можно. А этот — добрая душа, безгрешная. Одно слово — Ангел.

Слова соседки взволновали Валентину. Она растерялась, искоса взглянула на «ангела». Тот стоял в стороне, обиженно надув пухлые губы. Ветерок шевелил редкие белесые волосенки на круглой, как репка, голове, на лице читалось явное недоумение. Он так стремился понравиться — изо всех сил тарацил бесцветные глаза, улыбался во весь рот, старательно кивал — и что же? Почему она убежала? Тараска шмыгнул носом и приготовился зареветь. Валентине стало жаль его. Она сделала несколько нерешительных шагов навстречу, и Тараска, забыв обиду, вприпрыжку подбежал к ней и снова протянул шоколад. Когда девушка взяла шоколадку, он обрадовался и гортанно засмеялся. Валентина кивнула ему и поспешила к дому, а вслед ей неслось: «Таласка холосый!»

С тех пор между золотоволосой красавицей и местным «дурачком» установились дружеские отношения. Тараска не умел пользоваться часами. Он жил как бы вне времени и вне пространства, но час возвращения Валентины из института чувствовал безошибочно и минут за пятнадцать до этого

выскакивал во двор. Появление своей знакомой он встречал с восторгом, граничащим с тихим ликованием. И Валентина уже не боялась Тараску, а охотно останавливалась поболтать с ним минутку-другую. Девушка жалела его так же, как бывает жаль бездомного котенка или спиленное деревце. Она не все понимала из его радостного лепета, но ему было достаточно и того, что она смотрела на него и улыбалась. От этой улыбки сердце Тараскино замирало и билось так же часто, как и тогда, когда его водили к зубному врачу. Только на этот раз бежать, куда глаза глядят, совсем не хотелось, напротив, хотелось смеяться, прыгать, танцевать — словом, открыто выражать свой восторг.

Часто Тараска приберегал для Валентины маленькие подарки из тех, что получал за помощь в магазине. Промяукав «Ва-я, пивет», он тут же совал прямо ей в руку печенье, шоколад или конфету и приплясывал на месте от удовольствия, видя, как Валентина удивлялась и преувеличенно восторженно восклицала: «Ой, что это?! Неужели это мне?!»

Однажды Тараска с особым нетерпением дожидался Валентину у подъезда, а когда она появилась, чуть не ткнул ей прямо в лицо пестрый пушистый клубок, оказавшийся малюсеньким котенком, у которого только-только прорезались щелочки-глазки.

— Ва-я! Киса! Пусыста! — захлебываясь восторгом, залепетал он. — На! Тебе!

— Ой, мамочки! Прелесть какая! — восхитилась Валентина и прижала котенка к своей розовой щечке. Тот открыл крошечный ротик и тоненько пискнул, будто детская игрушка.

— А как его зовут? — спросила она.

— Не зна-аю.

— Смотри-ка, а ведь он на тебя похож! Маленький, несмышленный! И глазки такие же! Ну, посмотри! Видишь? А знаешь, что? Давай назовем его Тараской! Ты — Тараска, и он — Тараска. Согласен?

И новоиспеченный кошачий тезка затараторил в знак радостного согласия:

— Таласка холосый! Таласка холосый! Холосый!

То, что «холосый Таласка» при виде Валентины расцветает, как подснежник под лучами весеннего солнышка, тут же заметили вездесущие соседи и начали подтрунивать над девушкой: «Валюшка, где жениха своего потеряла?» или «Иди домой, невеста! Жених давно заждался!» Но Валя была выше подобных не всегда добрых и уместных шпилек.

А через пару месяцев она вообще перестала замечать окружающих. В ее глазах цвета майской зелени засверкали ранее невиданные золотые искорки, а с лица не сходила задумчивая улыбка. С каждым днем все дальше

и дольше приходилось Тараске ожидать свою знакомую у подъезда. Все реже и реже останавливалась она с ним поболтать. Поздоровается, подмигнет — и только ее видели. А причиной такой перемены явилась долгожданное исполнение заветной Валиной мечты. Она влюбилась... И пришел конец одиноким девичьим вечерам в обнимку с любовным романом.

Они познакомились в институте на фестивале КВН. Антон был капитаном команды с непонятным интригующим названием, которое с трудом произносил даже ведущий фестиваля, — «Интеграл Дюамеля». «Интегральщики» выступали ярко, задорно, весело и под шквал аплодисментов и одобрительные свистки болельщиков благополучно вышли в финал.

Антон сразу понравился Вале. Высокий, атлетически сложенный капитан уверенно держался на сцене, умело парировал реплики соперников, неподражаемо танцевал нижний брейк и, в довершение ко всему, окончательно покорила сердца девушек чувственным исполнением серенады.

Должно быть, и Антон не остался равнодушным к восхищенному взгляду златокудрой нимфы во втором ряду, потому что после завершения игры попросил приятеля — однокурсника Валентины — познакомить его «вон с той девушкой». После знакомства бравый капитан отправился провожать ее, а Валя специально повела его самой длинной дорогой. Во время прогулки Антон из кожи вон лез, чтобы произвести впечатление — острил, рассказывал анекдоты, пародировал популярных певцов. Валентина смеялась до слез и мысленно огорчилась, когда самая длинная дорога оборвалась у родного подъезда. Не сдержав легкого вздоха сожаления, она стала прощаться, как вдруг Антон порывисто шагнул к ней, смело обнял и стал обжигать поцелуями ее щеки, лоб и губы. У девушки перехватило дыхание, но со сладким стыдом она ощутила, что впервые ей не хочется освободиться из крепких мужских объятий. Неожиданно для себя застенчивая тихоня обвила руками шею своего пылкого провожатого... Вряд ли избалованный женским вниманием капитан понял тогда, что это был ее первый поцелуй.

Так возник в жизни Валентины далеко не книжный любовный роман, сюжет которого увлекательно было вписывать на страницы своей девичьей судьбы. Антон, с присущей ему неуемной энергией, напоминал праздничный фейерверк и был совсем не похож на буднично однообразных прежних знакомых Вали. Через пару недель девушка поняла, что думает о нем постоянно и уже не просто ждет очередного звонка, а в ожидании не отходит от телефона.

Антон звонил часто. Они встречались, гуляли, вместе ходили на репетиции «кавезновских» игр. В компании Антона Валя стала появляться в кафе и ночных клубах, куда раньше не заглядывала вовсе. Парню льстило, что его друзья смотрят на точеную Валину фигурку с интересом и плохо скрываемой завистью, нравилось, что за необыкновенный цвет пушистых волос ее прозвали Златовлаской.

Но с Златовлаской оказалось не все так просто, как предполагал Антон. Почувствовав, что девушка к нему равнодушна, и поспешив окончательно укрепить свои в этом деле позиции, он поздним вечером пригласил Валентину к себе домой «на чашку чая». Валя же перевела разговор на другую тему, как бы не поняв «тонкого» намека. Привыкший к бурному обожанию своих поклонниц, капитан ухмыльнулся про себя («Тоже мне, недотрога!»). Однако очень скоро он понял, что в любой компании может полностью доверять своей подруге, как проверенному партнеру по сцене, зная, что тот не подведет и не переметнется в другую команду, даже если там предложат более высокий гонорар. И Антон почувствовал ранее неведомое ему чувство уважения к своей новой знакомой.

...Стоя у подъезда, Тараска вглядывался в каждого показавшегося вдалеке прохожего, надеясь поскорее увидеть знакомую фигурку своей соседки. Он не встречался с Валентиной почти две недели. Сначала болел — температурил и заходился резким кашлем, а когда выздоровел, и ему разрешили гулять, жители двора затеяли традиционный субботник, результатом которого явились аккуратные кучки перепрелых осенних листьев, дымящихся в импровизированных кострах. Остатки осени тлели несколько дней, и Тараску, впадающего в истерику при виде всего горящего, нельзя было выманить на улицу и калачом. Сегодня же, выглянув в окно, он обнаружил, что опасность миновала, сжигать больше нечего, и радостно выкатился к подъезду, заботливо проверив, не выпал ли из кармана курточки шоколадный батончик, заботливо припрятанный специально для Валентины.

Наконец ожидания Тараски увенчались успехом: Валя, неописуемо хорошенькая в своей новой кремовой курточке, спешила к дому. Всем своим неказистым существом Тараска потянулся в ее сторону и, залюбовавшись выбившейся из-под розового беретика непослушной челкой, не сразу заметил, что шла Валентина не одна, а с высоким парнем, который уверенно держал ее под руку.

А дальше случилось невероятное. Поравнявшись с Тараской, Валентина даже не взглянула в его сторону. Она прошла мимо, продолжая веселую болтовню со своим спутником.

Тараска несколько мгновений стоял как вкопанный, словно не верил, что такое могло произойти, затем выхватил из кармана шоколадный батончик и со злостью растоптал его на темном от дождя асфальте.

Мария поспешила открыть дверь в ответ на шквал резких, прерывистых звонков. Тараска прошмыгнул в свою комнату и, как зверек, забился в угол за кроватью. Он просидел там до самого вечера, но не ревел, а только шумно вздыхал. С этого дня его перестали видеть у подъезда.

Валентина в глубине души чувствовала себя неуютно оттого, что смалодушничала при встрече с Тараской. Видимо, он очень на нее обиделся, но что поделаться? Девушка впервые устыдилась своей дружбы с «дурачком». Она не знала, как может отреагировать на это Антон, и предпочла скрыть, что общается со своим не совсем обычным соседом, и что именно он подарил ей замечательного пушистого котенка, которого она назвала в его же честь. Впрочем, Валина совесть, забившая, было, тревогу, быстро успокоилась, поскольку ее хозяйка была полностью поглощена совсем другими чувствами.

Валя и Антон встречались почти каждый день. Скоро все привыкли везде видеть их вместе. И когда Антон поделился с Валентиной давно лелеемыми планами о том, что через год он уедет в Москву поступать в театральный институт, девушка не задала традиционного женского вопроса «А как же я?» Ей даже в голову не приходило, что они могут расстаться.

Антон по-прежнему гордился красотой своей Златовласки, уважал ее за порядочность и принципиальность. Однако он находил Валентину скучноватой, особенно когда она чересчур увлекалась пересказом прочитанных книг. В ней не было той смелой бесшабашности, которая позволила бы, например, в разгар вечеринки станцевать на столе зажигательную ламбаду или сорваться среди ночи из дому и приехать прямо в его жаркие объятия. С Валею было хорошо, удобно, надежно, но как-то уж очень предсказуемо. Антон понимал, что из нее, наверное, получилась бы идеальная жена, но он пока не задумывался о женитьбе...

Прошло около двух месяцев. Тараска продолжал зарабатывать в магазине конфеты и шоколадки, но больше не прятал их в потайной карман. Он стал реже появляться во дворе, а если выходил погулять, то вел себя абсолютно по-прежнему: ни с кем не разговаривал, лишь что-то бормотал себе под нос. Валентина уже и не помнила, когда видела его в последний раз. Она вообще ничего не видела, кроме темно-карих глаз Антона. Соседи Валентины, привыкшие к регулярным появлениям видного молодого человека, судачили, что, должно быть, не за горами и свадьба.

В тот день команда «Интегральщики» во главе со своим капитаном праздновала победу на очередном фестивале. Было далеко за полночь, когда Антон, разгоряченный успехом и несколькими бокалами шампанского, отправился провожать Валентину домой. У подъезда молодые люди еще несколько минут оживленно болтали, а когда наступило время прощального поцелуя, откуда-то из кустов неожиданно выскочила маленькая фигурка. В темноте Валентина не сразу узнала своего приятеля. А Тараска что-то быстро и неразборчиво залепетал. При этом жестикулировал, надувал щеки, показывал пальцем на Антона, хватался за голову. Он очень, очень старался объяснить

Валентине причину такого волнения, однако от возбуждения еще больше коверкал слова, и понять его было невозможно.

— Кто это? — спросил Антон.

Валя не ответила. Она никак не могла разобраться, чего от нее хочет Тараска, и раздраженно повторяла:

— Ты что?.. Что случилось?.. Не понимаю!..

— Кто это?! — снова воскликнул Антон.

— Это мальчик из нашего дома, — пояснила, наконец, Валентина. — Он больной. Иди! Домой иди! — приказала она Тараске и распахнула дверь подъезда: — Домой!

Тараска только молча опустил голову. Он так много важного хотел сказать Вале, но она ничего, совсем ничего не поняла!..

Если бы он умел говорить, как все, он бы рассказал по порядку весь сегодняшний день. С самого утра ему сказочно повезло! Одна из продавщиц магазина подарила ему настоящий полицейский жезл, с помощью которого сотрудники дорожной инспекции останавливают проезжающие машины. Тараска тут же отправился на проезжую часть. Встал у обочины шоссе и начал с упоением махать жезлом. Ни одна из машин не притормозила в ответ на его сигналы, но это его нисколько не расстроило. Он чувствовал себя настоящим регулировщиком и был на седьмом небе от счастья. Однако в самый разгар бурной деятельности жезл замер в руках Тараски. Пешеходную дорожку пересекли две фигуры, одна из которых показалась ему знакомой. Он подался вперед, желая получше разглядеть пешеходов, и понял, что один из них — тот самый высокий парень, который часто приходит к Валентине. Тараска неоднократно наблюдал за этими встречами из окна своей квартиры. Но на этот раз парень держал под руку совсем не Валю — ее Тараска узнал бы сразу. Там была совсем другая девушка. Но, несмотря на это, высокий прижимался к ней и что-то шептал ей на ухо. Вряд ли Тараска разобрался в таких морально-этических категориях, как «неверность» и «предательство», но он понял одно: высокий обижает Валю. Значит, ее необходимо защищать. Ей обязательно нужно все рассказать, и тогда она прогонит высокого и будет, как и раньше, замечать его, Тараску, говорить ему: «Привет, как дела?» и принимать сладкие подарки. Эта мысль окрылила маленького регулировщика, и он тут же покинул свой пост, спрятав жезл за пазуху.

Весь день Тараска проторчал во дворе. Боясь пропустить Валю, он даже не пошел обедать. Но Валентина задерживалась, и Тараска, воспользовавшись тем, что его мама после очередной дозы спиртного крепко уснула, спрятался за кустами и, проявив завидное упорство, прождал там до позднего вечера. Однако Валентина не оценила самоотверженности своего за-

щитника. Она рассердилась на него, прогнала домой, а сама осталась с высоким, хотя тот был недостоин ее дружбы.

Вот что мог рассказать Тараска, если бы природа не отняла у него этой возможности. Но ему, гонимому и непонятому, оставалось только шмыгать носом и идти спать. Тараске казалось тогда, что это самый горький, самый неудачный день в его жизни. Как он ошибался!..

Неделю спустя скоропостижно скончалась мать Тараски. Она умерла тихо и неожиданно — во сне. «Скорая», вызванная соседкой Любовью Ивановной, констатировала инсульт.

Тараска так и не понял, что остался круглым сиротой. Мать накрыли белой простыней и куда-то унесли. Квартира наполнилась незнакомыми людьми. Они ходили по комнате, разговаривали вполголоса, рылись на полках серванта. Тараска боялся чужих и предпочитал отсиживаться в квартире соседки. Любовь Ивановна была в эти дни особенно ласкова: кормила его блинами и, украдкой смахивая слезу, целовала в белобрысую макушку.

На похоронах Тараска шел за гробом матери, и ему казалось, что это какая-то странная игра, что скоро она закончится, мать откроет глаза, встанет, и они пойдут домой.

А утром следующего дня к нему заявили неожиданные гости — мужчина в очках и женщина с высокой прической — те самые, что несколько лет назад определили мальчика не способным к обучению. Мужчина за это время несколько полысел, и в его очках явно прибавилось количество диоптрий, но папку в руках он держал ту же самую. Женщина с пучком почти не изменилась и, пока Любовь Ивановна собирала Тараскины вещи, принялась расписывать все прелести его будущей жизни.

— Ты теперь будешь жить в санатории, — говорила она Тараске. — Знаешь, как там хорошо! За тобой будут ухаживать разные добрые тети. Подружишься с такими же мальчиками, как ты.

Оглушенный событиями прошедших дней, Тараска не возражал и не сопротивлялся, когда его выводили во двор и усаживали в машину. Любовь Ивановна крепко обняла его на прощание и перекрестила. Заметив на ее глазах слезы, мужчина с папкой укоризненно произнес:

— Да что вы! Словно на войну провожаете! Не переживайте. Ему там будет лучше, чем дома. Да и недалеко увозим. Будете приходить, навещать.

— Вряд ли, — вздохнула соседка и показала на свои багровые, отекающие ноги. — Не ходок я. До магазина-то еле-еле...

Ехать действительно пришлось недолго. Санаторий, сказочную жизнь в котором обещала Тараске чиновница, оказался психо-неврологическим интернатом, располагавшимся на соседней улице. Тараску передали из рук

в руки врачу в белом халате. Врач бегло взглянул на только что прибывшего подопечного и расписался в ведомости, словно получил с доставкой на дом новую мебель. Потом Тараску переодели в полинявшую от многочисленных стирок, но чистую пижаму и привели в большую комнату, похожую на больничную палату, с белыми стенами и раковиной в углу. Показали кровать, накрытую полосатым покрывалом, тумбочку. Остальные кровати, судя по смятым подушкам, были уже заняты.

Появление Тараски произвело оживление среди обитателей палаты. Пятеро старожилов интерната — худеньких, коротко стриженных и похожих друг на друга, как братья-близнецы, парнишек лет пятнадцати — обступили новичка и замычали что-то похожее на приветствие. Но Тараска, лишившийся матери и вырванный из привычной обстановки, словно не слышал того, что ему говорили, и даже ни разу не сообщил о том, что он — хороший. Его мозг отказывался воспринимать происходящее и впал в подобие коматозного состояния. Тараска сидел на краешке кровати, спрятав нос в воротник своей не по размеру широкой пижамы, и не реагировал на реплики воспитателей, так что приглашенный доктор, поведив молоточком перед глазами новичка, распорядился относительно дополнительных уколов и особых порошков.

Прошла неделя. Тараска по-прежнему пребывал в прострации: знакомиться ни с кем не желал, на вопросы не отвечал, от еды отказывался. Впрочем, это никого не волновало. Нянечка, обнаружив в очередной раз на тумбочке почти не тронутую тарелку с едой, равнодушно смахивала ее содержимое в таз с отходами. Соседи по палате, оставив тщетные попытки втянуть новичка в свои нехитрые игры, попросту перестали обращать на него внимание.

Но спустя несколько дней в спящем Тараскином мозгу искоркой сверкнула мысль, заставившая его встрепенуться и начать активные действия: «Домой!!!» Он ощутил непреодолимое желание как можно быстрее убежать из этого скучного, чужого места и очутиться дома, чтобы сидеть на мягком диване и смотреть по телевизору мультики про Простоквашино, а потом пообедать вместе с мамой и отправиться гулять. Ему казалось, что, стоит только убежать отсюда, и все будет по-прежнему, а плохое забудется, как страшный сон.

После «тихого часа» всем воспитанникам интерната полагалось идти гулять. И во время очередной прогулки Тараска, сделав вид, что покорно шагает в общей колонне по направлению к липовой аллее, слегка поотстал, а затем, никем не замеченный, шмыгнул в обшарпанную калитку, очутился за территорией интерната и бросился наутек. Он бежал со всей скоростью, на какую были способны его короткие ножки, бежал, пока окончательно не выдохся, и в спешке чуть не сшиб нескольких прохожих.

Тараска не знал, на какой улице находится, все дома вокруг были ему незнакомы, но сегодня словно само провидение покровительствовало беглецу. Неожиданно для себя он выбежал к зданию той школы, куда его когда-то не приняли учиться, и очень обрадовался: здесь он часто гулял вместе с матерью и хорошо помнил дорогу домой.

Очутившись у своего подъезда, Тараска облегченно вздохнул: теперь все неприятности позади! Он бодро поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка. Веселая трель разлилась по квартире. Щелкнул замок, и дверь открыла незнакомая ему женщина. Ее оплывшие глаза с остатками вчерашнего макияжа легли на него так тяжело, что он попятился.

— Ты чего пришел? — спросила незнакомка и нервным движением затянула пояс на домашнем халате. — Ты здесь больше не живешь. Уходи!

— Ма-ма! — гортанно протянул испуганный Тараска и с надеждой покоился на дверь, ожидая появления матери.

— Какая еще тебе мама?! Иди отсюда! Или ты вообще ничего не сообщаем?

Дверь родного дома захлопнулась перед самым Тараскиным носом. Растерявшись, он начал, было, спускаться вниз, пытаясь понять, откуда взялась в его квартире эта злобная, похожая на соседскую болонку женщина, но ни до чего не додумался и позвонил в квартиру напротив. Любовь Ивановна, как всегда с большим трудом доходившая до двери, открыла не сразу. Увидев нежданного гостя, она ахнула, схватила его за руку и втянула в прихожую.

Через несколько минут Тараска, сидя на табуретке, весело болтал ногами и грыз большое желтое яблоко, а Любовь Ивановна, взбивая яйца для особого омлета, дала волю чувствам. Она говорила и говорила, радуясь редкой возможности хоть кому-то излить душу, и ее несколько не смущало, что чавкающий собеседник мало что понимал из ее пламенного монолога.

— Сиротинка ты моя горькая! — причитала соседка. — Что, выгнали тебя? Выгнали!.. Бывают же люди без стыда и без совести! — Эту фразу Любовь Ивановна выкрикнула в сторону, явно адресуя ее жильцам за стеной. — Познакомился с родственничками, нечего сказать. Знаешь, кто там теперь живет? Тетка твоя. Двоюродная сестра твоей мамы покойной, царство ей небесное, страдалице. И ведь ни разу не казала сюда глаза свои бесстыжие! Знать вас не хотела, пока квартирой не запахло. Как же! Единственная наследница! А ребенок больной ей не нужен. Ребенка надо в дурдом отправить... Что, Тарасик? Как тебе там живется-то? Не обижают тебя?..

В ответ Тараска только улыбался и морщил круглый нос, похожий на пуговицу. Час спустя, наевшийся и счастливый, он заснул на соседкиной кровати мирным, спокойным сном. Любовь Ивановна долго смотрела на безмятежно спящую мордашку, на рассыпавшиеся по подушке белобрысые

волосенки, а затем, глубоко вздохнув, сняла телефонную трубку... К вечеру Тараску забрали обратно в интернат.

Мало-помалу Тараска привык к своей интернатской жизни. Он по-прежнему не произнес ни слова с момента переезда на новое место жительства, но дичиться соседей по палате перестал, дружелюбно кивал персоналу, а у буфетчицы ходил в любимчиках, потому что после завтрака, обеда и ужина помогал убирать со столов грязную посуду. Вот только игр в регулировщиков и сказочных персонажей Тараска больше не затевал. Унылотягучие вечера, лишённые всяких развлечений (в интернате не было даже телевизора), он предпочитал коротать у окна, разглядывая высокую темную ель, красиво запорошенную снегом, и маленьких юрких птичек, пытающихся кривыми клювами достать из коричневых шишек семена. Когда же становилось совсем темно и окно превращалось в черный непроницаемый квадрат, Тараска забирался с ногами на кровать и просиживал в такой позе долгие часы, наблюдая за тихой возней соседей по палате.

...В лимонном свете ночных фонарей мягко кружились крупные, мохнатые, похожие на тополиный пух снежинки. По опустевшей улице, хохоча и громко разговаривая, шли двое. Снег падал уже вторые сутки, и вокруг было празднично-светло. Девушка протянула вперед руку и, поймав на ладонь несколько снежинок, стала разглядывать их, восхищаясь стройностью и изяществом безупречно правильных линий. Это была Валентина. Рядом, бережно обняв ее за талию и поддерживая, чтобы не поскользнулась, шел Антон. Их отношения заметно укрепились. Сдержанная, рассудительная Валя положительно влияла на эпатажную, стихийно-неуправляемую натуру Антона, и тот, незаметно для себя, очень привязался к девушке, чувствуя в характере своей хрупкой Златовласки тот самый прочный стержень, которого ему самому часто в жизни не хватало. Валино влияние на Антона стало со временем таким ощутимым, что знаменитый капитан остепенился, стал серьезнее и даже постирал из памяти своего мобильного телефона добрую половину номеров особо навязчивых поклонниц. В глубине души Антон начал подозревать, что, кажется, влюбился, и эти подозрения отражались в счастливых Валентиновых глазах яркими радужными всполохами.

У подъезда Валиного дома парочка традиционно остановилась. На улице не было ни души, лишь в соседнем дворе пару раз мелькнули темно-серые тени, но влюбленные не обратили на них никакого внимания. Они были заняты только друг другом. В стороне, у сараев, догорал костерок, устроенный дворовыми мальчишками в закопченном, вкопанном прямо в сугроб эмалированном ведре. Днем мальчишки развлекались тем, что натолкали

туда бумаги, щепок, кусков старого гудрона и подожгли. Остатки костерка потихоньку дымили тонкой черной струйкой и изредка пускали в воздух оранжевые искорки. Валентина присела на корточки и подержала над огоньком озябшие руки.

Грубый, басовитый окрик заставил ее вздрогнуть. В двух шагах от нее стоял, выпятив грудь, Олег Ершов, по прозвищу «Леший» — личность, скандально известная не только всему двору, но и всему району.

Когда-то в далеком детстве Олег и Валя дружили и даже ходили в школу, взявшись за руки. Но потом их дороги разошлись. Ершов, как говорили, укоризненно качая головой, его учителя, связался с компанией отъявленных хулиганов и превратился из Олега в Лешего. Скоро его фамилию не только стали склонять на всех педсоветах, но и занесли в особую картотеку местного отделения полиции.

Валентина не боялась Лешего. Слишком живы были воспоминания о тех временах, когда маленький веснушчатый Олег преданно таскал ее портфель. Валя продолжала считать его своим приятелем даже тогда, когда «слава» о нем разносилась далеко за пределами школы. Однако бывший одноклассник доставлял девушке немало неприятностей, возымев на нее определенные виды. Леший не был в нее влюблен (это чувство было в принципе чуждо его эгоцентричной натуре), но ему для поддержания в среде дружков непрекаемого авторитета безумно хотелось представить утонченно-прекрасную Валентину в качестве своей девушки. Валя же никак не реагировала на его сальные ухаживания, которые сводились лишь к тому, чтобы отпустить несколько двусмысленных комплиментов и грубо настаивать на свидании в кафе или ночном клубе. Правда, в последнее время Леший, изрядно подуставший от категорических отказов Валентины перевести их детское знакомство в нечто большее, убавил свой пыл и нехотя отстал от девушки, а потом и вовсе куда-то исчез. Ходили слухи, что местный хулиган вляпался в очередную криминальную историю и скрывался от правосудия где-то за городом. Именно в этот период у Валентины как раз и начались романтические отношения с Антоном. Однако через несколько месяцев, к откровенному сожалению своих соседей, Леший снова объявился в городе и, узнав о том, что неприступная красавица вовсю крутит любовь с неизвестным парнем, пришел в ярость. Именно в таком состоянии он и сторожил у подъезда Валентину — долго, терпеливо, как волк, поджидающий добычу у своего логова.

Увидев Лешего, Валя почувствовала легкую тревогу: он был явно навеселе, и его мутные глаза с издевательским прищуром не обещали ничего хорошего. Леший сначала пристально разглядывал Антона, а затем, подойдя почти вплотную, громко сплюнул жвачку прямо ему под ноги и развязно прогнусавил:

— Ты чо, фуфлогон, обурел в корягу? Паси телок в своем огороде. А с этой, если еще раз увижу, на куски порву, понял? — Далее последовала отборная нецензурная ругань.

Антон напрягся и, сжав кулаки, двинулся на Лешего.

— Антошенька, не надо! — заволновалась Валя.

— Антошенька! — противно заржал Леший, раскрыв щербатую пасть.

— Ну, скотина, держись!

Взбешенный наглостью Лешего, Антон размахнулся, но Леший, чувствуя себя в драках как рыба в воде, легко увернулся, и кулак просвистел в сантиметре от его уха. Валя вскрикнула, а Леший заржал еще громче и противнее.

— Гляди, подруга, на кого променяла! — кинул он Вале. — На хрена тебе этот ботаник? В рыло дать и то не может. А теперь смотри, как надо.

Точный удар под дых заставил Антона согнуться пополам, второй удар ногой в челюсть опрокинул его в сугроб. А еще через секунду Леший, оседлав соперника, приставил к его горлу нож. У Валентины подкосились ноги. Глядя на лезвие ножа огромными от животного ужаса глазами, она не смогла даже вскрикнуть. Леший, наслаждаясь ее состоянием, нагнулся и прошипел Антону в самое ухо:

— А теперь, фуфлогон, слушай и запоминай. Сейчас ты встанешь и уйдешь отсюда по-тихому. Дернешься хоть раз — останешься в этом сугробе до приезда катафалка. Понял? Понял?! — ...И Валя увидела, как Антон едва заметно кивнул.

Леший спрятал нож. Антон с трудом поднялся и, как бы нехотя, стал отряхиваться от липкого снега. Валентина рванулась к любимому, но Леший остановил ее, схватив за длинную косу, спускавшуюся вдоль спины поверх беличьей шубки, в два приема намотал косу на руку и крепко прижал девушку к себе. Антон смотрел на все это тусклым и обреченным взглядом.

— Ну?! — потребовал Леший. — Вали отсюда! Быстро!

И статный капитан, юморист и балагур, завсегда с студенческими тусовок и любимчик молоденьких девочек, поправив на голове шапку, жалко поплелся прочь.

— Быстрее! Еще быстрее! Шевели копытами! — вошел в раж Леший, и Антон, еще чувствуя на своей шее обжигающее прикосновение стального лезвия, как дрессированный медведь, послушно засеменил по направлению к автобусной остановке.

— Антон! — крикнула вслед ему Валентина, ставшая заложницей Лешего.

Парень на ходу оглянулся, пробормотал: «Валюша, я вернусь, я скоро», — и исчез в темноте за домом. Леший, сунув пальцы в рот, обидно засвистел ему вслед и еще крепче прижал к себе девушку.

— Ну что, Валек, усекла, кто теперь твой хозяин? — жарко дышал он ей в затылок. — Хахаль твой — тю-тю! И зачем ты с такой падалью связалась?

— А ты-то чем лучше? — изо всех сил пыталась отстраниться от своего мучителя Валентина, но туго намотанная на руку коса причиняла острую боль от любого движения.

— Я? — усмехнулся Леший. — Я намного лучше. Сейчас ты в этом убедишься.

Одним рывком он развернул девушку к себе и впился в ее губы отвратно разящей перегаром пастью.

Внезапный резкий толчок между лопаток заставил Лешего обернуться. Перед ним стоял маленький человечек в оранжевой курточке и большой, сползающей на глаза ушанке. В дрожащих руках он держал пылающую огнем еловую ветку и воинственно размахивал ею...

...День не задался с самого утра. Во время завтрака Тараска случайно уронил на пол тарелку с манной кашей. Тарелка, естественно, разбилась, каша противно растеклась по полу, и буфетчица, словно забыв о том, что виновник этого инцидента — не кто иной, как ее главный помощник по уборке грязной посуды, наотрез отказалась выдать ему вторую порцию. Настроение у Тараски испортилось, и он, даже не допив свой любимый клубничный кисель, протопал в палату и прилип к окну. Однако привычную картину с елью и птичками ему увидеть не удалось. Промерзшее за ночь окно было разрисовано великолепными зимними узорами, и Тараске вспомнилось, как мать говорила ему о том, что это рисунки самого Деда Мороза. Тут же невыносимо захотелось праздника! Нового года! С сияющей разноцветными огнями елочкой! С запахом яблочного пирога из духовки! С подарками в ярких упаковках с бантиками! Тараска еще не успел понять, что ничего этого в его жизни никогда больше не будет, и от избытка чувств дружески хлопнул по плечу худенького, наголо бритого Мишку, лежащего на соседней койке. Но оказалось, что Мишка тихо плакал, жуя угол замусоленной подушки. Тараска захотел узнать причину такого неожиданного расстройств, как вдруг причина открылась сама, явившись в образе новой нянечки по имени Лариса. Заспанная и вечно всем недовольная, Лариса ненавидела интернат, куда была вынуждена устроиться после окончания медучилища в ожидании лучшего места. Сегодня она принеслась в палату как фурия. Ее густо накрашенные темно-синей тушью глаза метали молнии, а плотно сдвинутые брови обрзовали на лбу гневную складку. Под мышкой Лариса держала свежий комплект спального белья. Прошаркав по периметру палаты подошвами стоптанных тапок, новоявленная нянька остановилась прямо у Мишкиной кровати и звонко стукнула ладонью по голый мальчишечьей ноге. Судя по звуку,

удар был не слабый, Мишка протяжно взвыл и попытался укрыться под одеялом. Но неумолимая, хлесткая, как плеть, ладонь достала его и там.

— Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать, как ссаться! Идиот несчастный! Дебил! — зло приговаривала нянька в такт ударам.

Мишка, спасаясь от нее, дернулся и упал с кровати. Больно ударившись, он заплакал еще громче, задергался на полу всем своим тщедушным тельцем, как червяк на удочке, стараясь прикрыть руками голые ноги в ожидании новых ударов. А нянька сдернула с кровати одеяло с простыней и вышла из палаты, оставив Мишку хныкать на полу.

Тараска не раз слышал слова «идиот» и «дебил», в том числе и в свой адрес, — от мальчишек во дворе, от соседей и просто прохожих на улице. Не понимая значения этих слов, он по интонации чувствовал, что они недобрые, нехорошие, обидные. Но рядом обычно находилась мама, к которой можно было прибежать, уткнуться в плечо и пожаловаться на обидчиков. Мама в таких случаях гладила Тараску по голове и уговаривала: «А ты не злись на них, сынок. Они не понимают, что не тебя обижают, а себя. Глупые они, а ты у меня умница». Тараска успокаивался, и к нему снова возвращалось хорошее настроение.

Но сегодня мамы рядом не было. И, глядя на безутешно воющего Мишку, Тараска решил уйти из интерната. На этот раз — навсегда.

Схема уже была отработана. Во время прогулки он незаметно юркнул в знакомую низенькую калитку, ведущую на свободу. Хватились его только к обеду. Позвонили Любове Ивановне. Та заверила, что Тараска у нее не появлялся. О таинственном исчезновении пришлось сообщить в полицию...

А Тараска и не думал идти к соседке — догадался, что оттуда его отправят обратно в интернат. Он направился в магазин, где еще недавно работала его мать, и пробыл там до самого вечера. Продавщицы, конечно, удивились неожиданному Тараскиному появлению, но на их вопросы он не отвечал, просто кивал головой и улыбался. Зато он тщательно вымыл полы, до блеска надраил прилавки и за это был накормлен обедом.

Вечером, перед закрытием магазина, Тараске пришлось уйти. Но он уже продумал свое будущее до мелочей, решив, что днем будет работать в магазине и законно получать причитающиеся ему за это продукты (значит, с голоду умереть не придется), а ночевать можно в подъезде своего дома, в подсобке на пятом этаже, где дворничиха хранила метлы, совки и лопаты.

Он поднялся на пятый этаж и спрятался в тесной комнатушке, которая не запиралась, так как случаев посягательства на свой старенький инвентарь дворничиха не помнила. Конечно, спать там было негде и не на чем, но Тараске удалось найти две старые рабочие куртки, которые он бросил на пол и свернулся на них клубочком.

В эту первую ночь самостоятельной жизни Тараске спалось недолго. Он проснулся часа через два, повозился на тряпье, пытаясь улечься поудобнее. Было жестко, неудобно, ноги упирались в батарею, от курток пахло чем-то резким и неприятным. Сон куда-то испарился. Тараска повздыхал, посопел, нехотя поднялся и от нечего делать приник к грязному стеклу крошечного окошка. За окном была ночь. Но тусклый фонарь худо-бедно освещал кусочек улицы у самого подъезда и маленькую лавочку — излюбленный «партер» местных старушек. А у самой этой лавочки он разглядел расплывчатые очертания нескольких фигур, одну из которых узнал бы из тысячи. В следующую секунду короткие ножки уже торопились вниз по лестнице.

Тараска выскочил из подъезда. Он видел все: как Леший, оседлав Антона, угрожал ему ножом, как испугалась Валя, и как Антон скрылся в темноте, оставив девушку биться в корявых лапах Лешего. От страха Тараскино сердце заколотилось где-то у самого горла: Валя, его милая Валя была в опасности. Ему хотелось заорать во всю мочь и кинуться на Лешего, но детский мозг заработал с неожиданной взрослой ясностью. Тараска остро ощутил, что ему, маленькому и слабому, не победить великана Лешего, что голыми руками его не возьмешь. Он пошарил в карманах, но не нашел ничего, кроме смятого троллейбусного билета. Под ногами валялась еловая ветка, но такая тонкая и обдранная, что в качестве орудия борьбы никак не подходила. Тараска мгновенно обшарил глазами двор и наткнулся на остатки костерка, тлеющего в старом ведре. В любую другую минуту этот костерок показался бы ему кратером вулкана, изрыгающим смертоносную лаву, и заставил бы улепетывать во все лопатки. Но сейчас, пересилив ужас, он шагнул прямо к кострищу и, зажмурив глаза, сунул туда краешек еловой ветки, которая мигом превратилась в пылающий факел. С этим факелом в руках Тараска и бросился на помощь Вале.

...Леший замешкался лишь на мгновение. Он узнал Тараску — его, как местную достопримечательность, знали во всех окрестных дворах.

— Тебе чего? — недовольно спросил Леший, косясь на горящую ветку.

— Пус-ти Ва-лю, — неожиданно четко и твердо произнес Тараска. Это была первая фраза, сказанная им после смерти матери. Он долго и упрямо молчал, словно копил силы, чтобы в эту решающую ночь говорить с Лешим на равных. Но Леший не оценил такого героизма. Он видел перед собой лишь местного «дурачка», нескладного, неуклюжего и обычно очень миролюбивого. Однако сегодня этот тихоня словно с цепи сорвался и очень мешал Лешему, который был уже в предвкушении долгожданной победы над строптивой Златовлаской.

— Ты че, дебил, сбежал из дурдома? — прохрипел он.

— Пус-ти Ва-лю, — снова отчеканил Тараска, топнул ногой и вытаращил для пущей остротки глаза. Лешему эта картина показалась настолько по-

тешной, что он громко заржал и уткнулся в воротник Валиной шубы. Тараска вдруг увидел, как по Валиным румяным от мороза щечкам бегут хрустальные слезинки. Этого вынести он просто не смог.

— Ты похой! — объявил он Лешему.

— Отстань, идиот! — отмахнулся тот, но тут же взревел: «А-а-а! Гад!» — и выпустил девушку, потому что прямо ему в лицо полыхнуло обжигающее пламя. Тараска превратился в разъяренного зверька и ткнул веткой в нос агрессору. Однако он не знал, что имеет дело с матерым волчарой, который никому не прощает даже мелких обид. Леший выбил факел из рук Тараски и, вцепившись корявыми лапами в его шею, рванул за воротник. Легкое тельце перелетело через плечо Лешего, упало на дорогу и тут же скукожилось от безжалостных ударов крепких ботинок сорок шестого размера. Последнее, что слышал Тараска, — это истошный крик Вали...

...«Скорая» мчалась, вопя сиреной и заставляя встречные машины прижиматься к обочине. На выбоинах машину подбрасывало, и худенькое тело, распластанное на холодных, жестких носилках, вздрагивало, белесая голова, вся в ярко-бордовых пятнах запекшейся крови, послушно кивала в такт ревущему мотору. Хмурый пожилой фельдшер, торопливо освободив из рукава куртки бумажно-белую безжизненную руку, вставлял иглу в тоненькую, как речка на топографической карте, вену, пытаясь наладить капельницу.

После короткого осмотра Тараску с подозрением на внутреннее кровотечение стали готовить к экстренной операции. Медсестры, сочувственно перешептываясь, осторожно обмывали разбитое лицо, распухшие губы и подкладывали под спину специальный валик: вывихнутая лопатка торчала, словно маленькое крылышко.

Тараска не чувствовал боли: он был без сознания. Лишь на операционном столе перед самой подачей наркоза он очнулся, приоткрыл глазщелочки и тихо промяукал: «Таласка холосый». Операции он не перенес...

Похоронили Тараску без слез и сожалений. Двое кладбищенских рабочих четко и быстро выполнили свою привычную миссию, забросав землей неказистое тело несчастного «дурачка». Никого из родных и знакомых при этом не было. И с этой минуты судьба одинокой безымянной могилки была predetermined. Через год невысокий холмик зарос травой и сорняками, а спустя несколько лет и вовсе сровнялся с землей...

...Настольная лампа мягко освещала хрупкий силуэт миловидной девушки, склонившейся над учебником философии и пытавшейся вникнуть в суть экзистенциализма. Рядом, трогая мохнатой лапкой упавшую на страницы золотую прядь, смешно тарасчил глаза маленький пушистый Тараска... □

Виктор Ом

Григорий Потоцкий

Творец Любви и Добра

Помнится, познакомившись с этим удивительным человеком, я подумал: «Ваятель, однако, знает секрет безмятежности — как прижилась на лице добрая улыбка! Охраняет она светлое расположение духа и в дни, когда нет поводов для радости, а

просто течет время бытия — в беспредельную Вечность...»

Вспомнилось где-то прочитанное, что к Богу можно приблизиться только в душевной безмятежности ... Показалось, художник просто светится, источая радость. Он и

внешне был очень похож на добродушного гнома: серебристые волосы, такая же переливчатая борода, гипнотически завлекательная улыбка и космически бездонные, потаенные глаза — «красота в глазах смотрящего!»

Доброта и улыбка — характерное состояние обаятельного человека — блестящего скульптора и живописца Григория Викторовича Потоцкого!

Но!

Этот «сказочный гном» умудрился узаконить ДОБРОТУ — субстанцию весьма дефицитную в прагматичном современном мире...

Узаконил юридически — как настоящую организацию! И звучит она нынче не как предприятие ООО или фирма, а — Академия доброты!!!...

За долгую жизнь не приходилось слышать о таких «академиях»...

*Памятник
академику
А. Сахарову*

Вероятно, чтобы обозначить уровень притязаний и узаконить серьезность намерений, Григорий Викторович разработал и написал настоящий Манифест!

Вот некоторые положения «идейного концепта» — Международной Академии доброты:

«Мир соткан из противоречий, ведущих к конфликтам между людьми и государствами. Пора понять, что закон не совершенен — это застывшая несправедливость. Все сложные проблемы современности необходимо решать, используя принцип доброты. Там, где доброта, исчезают границы, зарождается понимание и любовь между людьми...»

В русском языке слово «доброта» кроме нравственной категории имеет и другое значение — слово «добро» означает «имущество», «богатство». Следовательно, быть добрым означает быть богатым.

Не случайно пословица гласит: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». На чем строятся отношения друзей? Прежде всего, на доброте. И я думаю, что именно в этом национальная идея России. Добрый — это умение помочь, разделить трудности с другими. И это главная, характерная черта русского человека... От духовного, социального кризиса сегодня Россию спасет только доброта...

Дипломами Академии награждены: Наталья Андрейченко, Юрий Кулачев, Алексей Петренко, Ирина

«Одуванчик» — символ мира и доброты в аэропорту Пулково, Санкт-Петербург

Муравьева, Эмир Кустурица, Жерар Депардьё, Пьер Ришар, Пьер Карден, Пауло Коэльо, Стивен Болдуин и многие другие.

Естественно, я, как президент Международной академии доброты и скульптор по профессии, задумался о том, как же должен выглядеть пластический образ Доброты?

Как-то ко мне в гости зашел известный сатирик, писатель Михаил Задорнов и попросил сделать памятник «Одуванчик» для Юрмалы.

Меня будто молния пронзила — найден символ! Одуванчик по народным поверьям символизирует силу Солнца и Света! Считается цветком верности, счастья. Его семена, улетающие от легкого дуновения, ука-

*Чарли-
Чаплин*

зывают и напоминают о быстротечности человеческой жизни! Этот «Одуванчик» представляет собой раскрытые ладони, на которых нарисованы широко распахнутые глаза...

Международная Академия доброты за двадцать лет провела огромную работу по утверждению идеалов доброты в русском обществе и в мире. Она зарегистрирована как общественная некоммерческая организация «Мир доброты». Все благотворительные проекты осуществляются,

в основном, за счет автора — скульптора Г.В. Потоцкого — и личных средств академиков.

Однако и веселый, смелый человек, этот Григорий Потоцкий! Мигом привлек к делу настоящих друзей... Известные люди разделили с ним симпатию к такой простой жизненной философии и стали членами Академии. Среди них — знаменитая актриса Наталья Эдуардовна Андрейченко, народный артист Юрий Дмитриевич Куклачев, создатель суперпопулярного Театра Кошек.

Академия быстро обрела известность и собрала под эфемерно-серебристый разброс сияющих крыльев Доброты хороших людей...

Недюжинный талант Потоцкого во многих сферах деятельности проявился многосторонне. Мастер дружен не только с глиной и металлом, красками и холстами, завораживает его магия слова! Навсегда запомнился монолог, который вдохновенно, на одном дыхании почти пропел Григорий Викторович — объяснение своего устремления к жажде жизни, к ее невероятным чудодейственным метаморфозам:

«...Мир фантастически, сказочно красив! Это — многозвучная, многокрасочная симфония! А если кто-то этого не замечает, стало быть, — непорядки в душе. Не загадка и не ребус, что угрюмым, злым и равнодушным все представляется бесцветным, серым, как и положено духовным дальтоникам.

Учиться настоящему пониманию красоты окружающей действительности лучше всего у малышей. Вот для них — все так ново! Им порой достаточно одного цветочка для радости и счастья... И во всем этом — столько искренности и любви!..

А ведь любовь и есть наивысшее выражение доброты и благодарности. Все в наших головах, все в наших представлениях. Бесконечно обожаю, дорожу каждой секундой бытия — красотой божественного творения!

К сожалению, в общественном мировоззрении еще не сформировалось понимание закона доброты и благодарности, как некоего мирового закона, знание которого очеловечивает и уничтожает в нас животное начало. А при нарушениях закона доброты и благодарения происходят все беды, как между людьми, так и между государствами. Когда мне пришла эта простая мысль, я сразу догадался — наверное, существует и два других слова, которые спасут мир... Так я открыл закон доброты и благодарности. Достаточно отдельно взятому человеку понять всю глубину слов «Доброта» и «Благодарность», и его жизнь полностью изменится. Потому что человек только тогда человек, когда он добрый.

А представляете, если эти два слова лягут в основу воспитания и образования, в основу государственной политики? Каких высот достигнет тогда человечество? Самая большая моя мечта, чтобы эти два слова «До-

брота» и «Благодарность», наконец, обрели свое подлинное гражданство в нашем сознании и обществе!..»

Особое место в сердце скульптора занимает Сергей Есенин. К 125-летию любимого поэта Григорий Викторович сделал скульптурную композицию «Реквием по Есенину» и выставил ее во дворике Московского музея поэта.

Фрагмент интервью Г.В. Потоцкого телеканалу «Культура» на церемонии открытия:

*Неистовый
протопоп*

«Когда возник этот образ, я понял: чтобы сказать правду о Есенине — это должен быть реквием по Есенину. Его жизнь — это распятие! Но не просто распятие, а распятие и вознесение! В его судьбе как в капле отразилась судьба русской истории, русского народа — я понял, что образ случился...

Есенин — это ангел со сломанными крыльями. Это — наша боль. Его поэзия — отражение великой печали и великой красоты русского народа!»

Работа над образом гениального поэта — плод давних и очень личных размышлений и вдохновений Григория Викторовича. По его словам, он... лет сорок размышлял над судьбой поэта русской природы и родной страны. Не простой... ее судьбы...

Он очень любит «поэтику» песнопевца России, еще с ранней юности был зачарован «вещим стихом сына крестьянской деревни». Многие строки сроднились с его душой, навсегда остались в памяти, поэтому часто всплывают в сознании, звучат, как страстная музыкальная мелодия... Так однажды и явился образ Ангела — Поэта, — трагическая, такая хрупкая человеческая доля русского стихотворца...

Здесь нужно остановиться, и вот для чего... Я с умыслом начал рассказ о художнике с его преклонения перед Добротой и Благодарением. Думаю, это — животворящая составляющая его сути — человека и ху-

дожника! Заложена и сформирована она его тяжелой судьбой. Когда я попросил Григория Викторовича рассказать о своей жизни, в нем сразу изменилось все — ритм речи, магическая улыбка на открытом добродушном лице, голос стал тихим, наполнился паузами и молчанием. Даже показалось, что он с трудом стал выговаривать слова...

«Я родился в ГУЛАГе 13 февраля 1954 года в семье молдаван, высланных в 1949 году в Курганскую область. На всю жизнь осталась в памяти землянка, в которой мы жили, точнее — существовали... Запомнились мрачные и темные, дождливые и холодные осенние вечера...

С потолка «земной норы» всегда капало, поэтому приходилось постоянно бегать по комнатухе, подставлять банки и ведра... Весной в нашу горестную обитель прорывался тающий снег (конечно, в виде воды!), а летом нас просто заливало, когда шли дожди...

Мамочка моя в пять утра уходила на работу в коровник, а я оставался на весь день совсем один. Но!.. Под закрытой «хлипкой дверью» был лаз, и я, в точности как собачонка, мог вылезать на улицу, а потом так же возвращаться в землянку, то есть — домой.

Моим закадычным дружкой стала кошка — Мурлыка. Она мне тогда казалась просто огромной. У нее были большие зеленые глаза. Иногда она приносила мне настоящую

В Москве, на территории музея Сергея Есенина открыт памятник. Автор — Григорий Потоцкий

мышку, и я с ней играл... Если мышка убегала, я истошно кричал и Мурлыка вновь возвращала ее мне. Сейчас я, конечно, понимаю, что по отношению к мышке это было жестоко... Но меня изумляло, какое глубокое взаимопонимание было между мной и кошкой! Часами разговаривал с ней, и мне казалось, что Мурлыка отвечает... У меня с кошкой был один мир. Она как будто всегда знала, чего я хочу, и я ей доверял... Мне кажется, мои отношения с кошкой были неким проявлением чуда — самой настоящей телепатией! Невидимая «ниточка доброты» сделала ее и меня одним целым...

То, что я родился и рос в ГУЛАГе, повлияло на здоровье: с 4 до 12 лет я подолгу находился в больницах... По несколько лет лежал в гипсе и перенес много операций...

В тот тягостный период я поневоле много размышлял. Когда в школе стали изучать Пушкина, меня поразило его понимание того, что «гений и злодейство» — вещи несовместимые. Вот и подумал, что всем только кажется, будто зло может быть гениальным. Зло все разрушает, а гениально только то, что человек создает. Добро создает! Значит, оно, и только оно может быть гениальным!..

Потом в течение жизни я невольно стал замечать все, что напоминало и говорило о магии Доброты.

Еще с детства запомнил одну притчу, которую мне рассказал отец:

... В четвертом веке у одного бедняка выросли три дочери. Так как у него не было денег, он не мог их выдать замуж, поэтому хотел продать в рабство — таковы были нравы того времени. Девушки громко рыда-

ли. Мимо их дома в это время проходил местный священник. Услышав слова отца и девичий плач, он остановился и подбросил в трубу денежку. Когда обнаружился этот подарок, отец смог выдать замуж дочерей. Это событие настолько поразило людей, что священника прозвали Николаем Чудотворцем. То, что он совершил, возможно, было одним из первых осознанных актов доброты. И люди поняли: быть добрым — значит, быть святым!..

*Памятник
академику
А. Сахарову*

А вот еще одна притча, — тихо продолжил Григорий Викторович. — Вот все почитают Святого Георгия Победоносца, но мне однажды рассказали его историю, отличную от других версий.

... В далекие времена на один античный город черной волной накатила напасть. Объявился огромный, чудовищный, злющий змий, который обложил данью город, требуя приносить ему каждое утро по красивой девушке и младенцу. На завтрак...

Взвыли, зарыдали от горя и ужаса горожане. И когда стало совсем уж невозможно, обратились они к Георгию за защитой. Он молча их выслушал, а поутру надел белую рубашу, помолился и пошел к змеиной пещере... Выскочил змий и грозно пыхнул на него жаром. А Георгий добрым, ангельским голоском говорит ему: «Змеюшка, дорогой! Родненький! Пойдем вместе!»

И ушли они далеко в горы. С тех пор, горожане никогда больше не видели змия.

И на всех ранних христианских иконах так и изображали Георгия Победоносца, уходящего далеко в горы, а за ним — бегущего как бы на тонкой веревочке змия, виляющего хвостом...

С веками веры становилось меньше — веревочка становилась толще. А когда веры вовсе не стало, она превратилась в копьё. И теперь изображают, будто Георгий копьём убивает змия, но ведь никакой битвы не было, и никто никого не уби-

вал! Разве зло можно победить злом?

Если кто-то думает, что добро может быть с кулаками, то он глубоко ошибается. Доброта защищает себя тем, что созидает, любит. Доброта — сама жизнь! И какие бы силы не пытались ее уничтожить, она, как желтые одуванчики, — вновь и вновь прорастет. И придет время, когда весь земной шар покроется этими желтыми одуванчиками доброты, а земля будет светиться ярче солнца. Потому что это — Свет Доброты!..»

Григорий Викторович опять помолчал, а потом вдруг вскинул

вверх голову, заиграли отблесками россыпи его длинных серебристых волос, и он, безмятежно улыбнувшись, прикрыл глаза... А я подумал: «Вот так, похоже, и выглядит «упоение» жизнью!» Вмиг все вокруг изменилось, унеслось печально — болезненное настроение, которое витало, пока он рассказывал горестную историю своего детства...

«...Болел я долго, около десяти лет. Если честно, вспоминать не очень хочется, старая боль оживляет убежавшее время, а возвращать его — плыть против течения. Ста-

новится еще больней и тяжелей... Но это — часть биографии, так что скажу без эмоций и тягостных переживаний только факты, а они таковы: у меня была тяжелая форма остеомиелита... я почти не ходил — отказывали ноги. Из всех тяжелейших лет особенно помню два года... Меня увезли в одну из больниц, за 300 километров от родителей... Там я лежал «на вязках», распятый, как на кресте, на кровати, и почти совсем не выходил на улицу. Невыносимо скучал, страдал без родителей, и только мечтал об одном — их увидеть! За два года им удалось приехать только один раз, на денек... Пытка была воистину тяжкая, жуткая...»

И когда Григорий стал учиться в Художественном училище им. М.Б. Грекова в Одессе, он все никак не мог вдоволь насытиться солнцем... Солнце, море, синь небес, головокружительное счастье молодости — вот что осталось от тех лет учебы. И, конечно, упоение красками, формами, открытостью цветов, радостью искусства!.. Вот там страстно влюбленный в искусство молоденький студент Григорий Потоцкий прочел и на всю жизнь запомнил и поверил словам великого французского писателя Ромена Роллана: «Творить — значит, убивать смерть!»

А в завершение — краткий набросок его творческого портрета:

Григорий Викторович Потоцкий — скульптор, живописец.

Выпускник Одесского художественного училища имени М.Б. Грекова, Академик Международной академии информатизации, Член Ассоциации искусств, работает в партнерстве с ЮНЕСКО.

Президент Академии Доброты.

Параллельно со скульптурой активно работает как живописец.

Он — член Союза художников России, член-корреспондент Академии художеств России, экспонировал более 200 выставок, из них более 120 экспозиций выставлялись в России, США, Франции, Мексике, Турции, Канаде, Непале, Латвии, Армении, Болгарии, Румынии...

Создал потрясающую галерею, включающую около 120 скульптурных бронзовых портретов выдающихся современников!

В последние годы занят большим международным проектом «Символ Мира и Доброты — Одуванчик». Уже открыты более сорока скульптурных произведений «Одуванчик», причем не только в нашей стране, но и по всему миру.

Художник, скульптор, патриот России и... вестник. Вестник добра и мира! Он по-прежнему всегда в работе. Сделал не просто много, а очень много!

Творческая жизнь, к радости близких, друзей, коллег и поклонников, продолжается, как продолжается и его постоянное стремление к любви и доброте... □

Анатолій Коротков

***

Было время — не было меня,
В Небесном и земном пространстве.
Затем зачат я был от страстного огня
Двух любящих сердец земного царства.

И вот уже живет во чреве плод,
А Дух Святой в него вселяет душу.
Плод развивается в среде целебных вод,
Срок ожидая выйти в мир наружу.

Пора наступит, жизнь в миру пройдет,
Износится вся плоть, и победят недуги,
А место для души Господь найдет,
Учтя ее пред Верою заслуги.

Не знаю, как еще сказать,
Что будет время, и меня не будет?
И как земное с Вечностью связать,
Когда оно меня совсем забудет?

У Господа на это есть ответ,
Но я его, возможно, не узнаю.
Однако мною дан давно обет:
Все, что от Господа, смиренно принимаю.

***

Нам жизнь дана, как дар от Бога,
Как поприще борьбы добра со злом,
И против лжи, которой стало много,
За правду Божью — с нею мы живем.

В борьбе же жизнь, любовью озаряясь,
Цветет под светом дел нашей любви.
А, победив грехи и к Богу возвращаясь,
Приносит утешение за скорби и мольбы.

Чтоб жизнь любить, подумай, что ты можешь,
Какую пользу принесешь другим?
Тогда поймешь, что жизни нет дороже,
Это сокровище, ты с ним неодолим.

Нельзя бездумно тратить дорогое,
Во все Божественный заложен смысл.
Одолевая ложь и зло земное,
Мы душу к Богу поднимаем ввысь.

Жизнь возлюби, ведь это поле битвы,
Где есть возможности сражаться за Христа.
Она в борьбе, поддержанной молитвой,
Даст силы устоять против греха.

За то, что жизнь свою доверил Богу,
Из рук Которого ее ты получил,
Тебе откроется свободная дорога
В жизнь бесконечную, какую ты просил.

ЛЮБОВЬ

Любовь — это чувство, оно в нас от Бога,
В душе ему место навек.
Его развивает судьба и дорога,
Которой идет человек.

Чем больше духовного входит в сознание,
 Тем ярче и крепче любовь.
 Она вдохновляет, ведет к созиданию,
 С душой освящается вновь.

Основа любви установлена Богом,
 И каждому мера дана.
 Ее не бывает ни мало, ни много,
 А сила любви от огня.

Огонь этот сердце в себе разжигает,
 А пламя от Бога берет.
 Согретая сердцем любовь расцветает,
 С душою по жизни идет.

Когда на Земле наша жизнь прекратится,
 В Небесное Царство душа отойдет,
 Духовная сила любви сохранится,
 Душа ее людям вернет.

МЕТЕЛЬ

Кружит белые снежинки
 Перед взором ветерок,
 То поднимет, как пушинки,
 То опустит на лужок.

Вдруг подул холодный ветер,
 Снег колючий закружил,
 Заметать стал все на свете,
 Словно этим только жил.

Вот уже не видно пятен
 На заснеженном лугу,
 Смысл, пока что, непонятен —
 Я представить не могу.

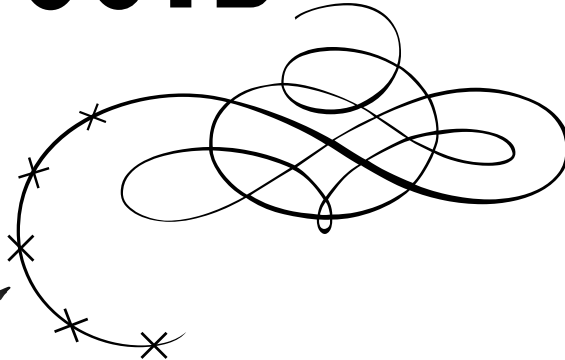
Переметы на дорогах,
 И сугробы во дворах.
 Все затихло понемногу,
 По домам вся детвора.

Но продлилось все недолго,
 Наступила вскоре мгла,
 И она, под видом долга,
 Все накрыла, что могла.

Что нас завтра ждет, и ночью —
 Снегопад или метель?
 Говорят пока неточно,
 Вот такая канитель!

Незванный Гость

*Петкевич
Тамара
Владиславовна*

Никогда в жизни ни к кому не напрашивалась в гости. То есть даже в голову не могла прийти такая дикость! Да чтобы я?! Да никогда в жизни! Это же так некорректно!

Вот уж никогда не стоит зарекаться! Поразилась себе, когда, позвонив незнакомому человеку, нагло напросилась в гости. Точно это была не я, или я, но словно под гипнозом... Позвонила и, услышав в ответ именно такой, как я и представляла, нежный, чистый голос, быстро представилась. А потом что-то нечленораздельно мычала, всхлипывала, бормотала... из

чего все же можно было не без усилий понять, что ради этой встречи я специально примчалась в Питер и, если мне откажут в свидании, буду бродить, как ополоумевший от любви гимназист, до рассвета под окнами и мечтать о дуэли с несуществующими соперниками...

После непродолжительной паузы я все же была допущена...

С букетом величиной с клумбу вошла в подъезд, предварительно позвонив в домофон. Услышала этот удивительный голос и пешком поднялась на шестой этаж. Но уже на тре-

тьем уловила, как наверху открылась дверь, и она вышла на лестничную площадку. И сразу — услышав мои шаги: «Клаустрофобия?» «Ага. Не езжу в метро и на лифтах.». И сверху — смех. Как задушевное журчанье ручья по каменистому доньшку. Увидела ее и ... Удивилась? Нет! Это слабо сказано! Обалдела! Я знала, что ей восемьдесят восемь, а меня встречала роскошная дама с прической кинозвезд 40-х годов. Волосы пушистые, цвета пшеницы, с густым валиком надо лбом, королевская стать и удивительный взгляд ласковых и очень ясных глаз. Взглянула и, точно в одну секунду

имеет дело с очень крупным писателем...

Все это стремительно пронеслось в голове, а Тамара Владиславовна уже вводила меня в квартиру, причитая над моим «сказочным» букетом. Усадила меня в кресло в гостиной, а сама стала расставлять цветы по вазам. Я не помогала. Меня словно вообще не существовало. Молча смотрела, как грациозно передвигается она по комнате на своих лодочках-шпильках, вслушивалась в ее легкое, ну совсем как у Бунина, дыхание, в тишину квартиры и пыталась связать, склеить в одно весь нечеловеческий

Я знала, что ей восемьдесят восемь, а меня встречала роскошная дама с прической кинозвезд 40-х годов. Волосы пушистые, цвета пшеницы, королевская стать и удивительный взгляд ласковых и очень ясных глаз...

разгадав всю меня до дна, приобняла и накрыла пряным шлейфом тончайших духов.

«На фоне звезд и страха» — почему-то в этот миг пронеслось в голове название ее последней книги. И тут же вспомнились слова Эльдара Рязанова о книге Тамары Петкевич «Жизнь — сапожок непарный». Как он начал читать Тамару Петкевич, понял, что про ГУЛАГ, и подумал: ну что еще можно прочитать про ГУЛАГ после Солженицына, Шаламова, Гинзбург? А дальше — не мог оторваться. Читал и плакал. Понял, что

кошмар ее жизни с этим неопишимо солнечным видением вне возраста. С удовлетворением оглядев вазы с цветами, она отправилась за водой, а я опять не кинулась ей помогать. Моя память лихорадочно перелистывала страницы только что прочитанной книги, великой летописи того крестного пути, который прошла эта женщина... Ее величество женщина... Еще раз изумилась тому, каким образом эта страшная книга вселяет не ужас, а светлое чувство гордости и радости за человека. Арест отца в 37-м и смерть его в лагере в 42-м,

арест самой Тамары и ее мужа в 43-м, смерть от голода мамы и сестренки в блокадном Ленинграде, семь лет лагерей, издевательства, голод, болезни, предательства близ-

ко прошептала: «Чувствуете, как чудно пахнут ваши фрезии. И как вы догадались, что я их обожаю?» Всклипы мои иссякли, и я начала икать, так истоно, громко и смешно, что мы обе

На фоне звезд и страха» — почему-то пронеслось в голове название ее последней книги, и тут же вспомнились слова Эльдара Рязанова о книге Петкевич «Жизнь — сапожок непарный». Как он начал читать Тамару Петкевич, понял, что про ГУЛАГ, и подумал: ну что еще можно прочитать об этом после Солженицына, Шаламова, Гинзбург? А дальше — не мог оторваться. Читал и плакал...

ких людей, рождение в лагере ребенка, которого отняли цинично и подло, приучив называть мамой чужую женщину, смерть в лагере любимого человека... Там, в зоне, она стала актрисой в театре, состоящем из таких же заключенных, как и она...

Я наткнулась взглядом на фотографию мальчика в изящной резной рамке и поняла, что это и есть Юра, тот самый Юрочка, которого украли, отлучили навсегда...

Тамара Владиславовна вернулась с кувшином, налила воду в вазы и легко опустилась в кресло напротив. С теплым вниманием глянули на меня ее необыкновенные лучистые глаза. И тут я неожиданно уткнулась в ее колени и зарыдала... Я ревела как белуга, а она молча гладила меня по голове, по плечам, и только когда мой дикий непотребный рев перешел в судорожные всхлипывания, тихонь-

рассмеялись, и Тамара Владиславовна отправилась за чашкой горячего чая.

Потом я пила чай с лимоном, силась унять свой неврастенический заход, а она подписывала мне только что вышедшую книгу «На фоне звезд и страха».

— Как же вам удалось достать мой телефон? — спросила она, протягивая книгу.

Я рассказала, что год назад попала в музей Дома на набережной. Поразилась тому, что так ничтожно мало знаю о годах репрессий, о людях, прошедших через этот ад, о лагерях, которых на карте страны такое великое множество, что кровь стынет в жилах... И так стало стыдно быть, мягко говоря, не в курсе. Прожила с этим ощущением несколько дней, а потом пришла к Ольге Романовне Трифоновой, директору му-

зея, и попросила взять меня на работу. В любом качестве. Ольга сначала удивилась, потом, подумав, приняла мою просьбу как должное и взяла меня экскурсоводом. Это было то, о чем я даже и мечтать не могла!

Я обложилась горами книг, документов, досье жителей рокового дома и читала, читала, чтобы суметь достойно проводить экскурсии и рассказывать пришедшим людям так, чтобы они понимали — ЗНАТЬ об этом страшном периоде в истории страны — значит, уже участвовать в том, чтобы это не могло никогда повториться. Ольга Романовна, казалось, ничуть не волновалась по поводу моего нового качества. «Актриса же, значит, достанешь каждого. И хватит уже обрастать событиями, биографиями, фактами. Пора включать чувство меры. Надо начинать экскурсии и постепенно добирать материал».

Вот так начался совсем для меня неожиданный кусок моей жизни. А потом... Татьяна Ивановна Шмидт — работник музея, дочь помощника Сталина Ивана Павловича Товстухи и бывшая жительница Дома на набережной, принесла мне почитать книжку Тамары Петкевич «Жизнь — сапожок непарный». Прочла? Не-ет! Прожила, проболела, промучилась каждой страничкой, каждой строчкой, каждым авторским вдохом и выдохом! Выпросила номер телефона у Татьяны Ивановны и помчалась в Питер...

Тамаре Владиславовне явно пришелся по душе такой непредсказуемый зигзаг в моей актерско-писательской судьбе. Она задала мне массу вопросов о нашем музее: кто кроме Татьяны Ивановны там работает, какая там у нас атмосфера, много ли людей приходит в музей, проявляют ли интерес студенты, школьники, кто

содержит этот уникальный и столь важный для страны памятник нашей больной истории. Мне было о чем ей поведать. Особенно ее и огорчил и рассмешил эпизод посещения музея старшеклассниками.

Примерно в течение получаса я терпела отсутствующие глаза ребят, их скулы, работающие в переработке жвачки, неадекватные реакции и полное неумение сконцентрироваться на теме. Потом замолчала и в довольно агрессивной форме набросилась на них с вопросами. И только тогда все встало на свои места. Слова «репрессии» и «реабилитация», «зона» и «враги народа» для них звучали, как для меня «сингулярность» или «мультиформная эритема». Мало того, они затруднялись ответить на вопрос, кто такой Сталин, а лагерь воспринимался лишь, как место каникулярного отдыха. Я попыталась выяснить, а что же они изучают на уроках истории, и оказалось, что для них это необязательный предмет. Хочешь — посещай, не хочешь — не посещай. День Победы тоже ассоциировался у них с салютом и народными гуляниями. На вопрос о военных фильмах, которые они уж никак не могли не смотреть, они путано и сбивчиво объяснили, что Рембо тоже солдат, и какая, в общем-то, разница, в какой стране воюют. Война есть война. Ну да, там убивают и, конечно, ничего хорошего в этом нет. Порядком озверевшая, я усадила их за стол и, призвав на подмогу все свои актерские навыки, чтобы не дать им расслабиться, два часа грузила их периодом репрессий и историей Дома

на Набережной. Несколько раз из своего кабинета появлялась недовольная Ольга Романовна, укоризненно качала головой и показывала на часы... Ког-да после закрытия музея я вышла на крыльцо, ко мне подошла девочка — одна из тех несведущих школьников. Запинаясь и нервничая, она попросила прощения за себя и своих одноклассников. Клятвенно меня заверила, что сделает все возможное, чтобы все-все ребята из других классов пришли в музей, и, конечно же, они все пойдут через неделю на Лубянскую площадь, чтобы отметить День памяти жертвам репрессий...

Тамара Владиславовна глубоко вздохнула и прошептала: «Ну что ж, дай Бог!» — и, улыбнувшись своей непостижимой улыбкой, в приказном порядке произнесла:

— А теперь мыть руки и за стол. Будем обедать.

Я помогала ей накрывать на стол, но все время что-то роняла, путала ножи с вилками, сшибала табуретки... А она тихонько посмеивалась и приговаривала: «Ну, прямо как слон в посудной лавке!»...

Удивительная... Потому что не только сама постоянно удивляет, но и себе удивляешься под блаженным гнетом ее обволакивающего дара жить. И рядом с ней, с ее судьбой, с ее талантом — понимаешь: чтобы сердце оставалось живым, необходимо быть верной себе и верить в любовь...

Уже на улице открыла подаренную мне книгу и прочла на титульном листе: «Одномоментно близкой и дорогой Катеньке...» □

Беседа с человеком-праздником Владимиром Винокуром не обошлась без шуток и смеха, а как же иначе, ведь его призвание — приносить радость. С юных лет и по сей день он остается задорным мальчишкой-сорванцом, продолжает дарить улыбку, поднимать настроение не только своим зрителям, но и всем, кто его окружает.

Владимир Винокур

«Я делаю и буду делать все, чтобы дарить людям хорошее настроение»

Фото из личного архива

— Это правда, что о вашем рождении написали в курской городской газете?

— Да... очень забавная история получилась. Я родился в Курске. Мой отец по специальности строитель, и о нем тогда упомянули в газете. На первой странице было написано, что прораб такого-то строительного управления Винокур —

бракодел: допустил брак в каком-то там объекте. А на последней странице написали: «В семье прораба Винокура родился богатырь — 4,5 килограмма!»

Отец был для меня всю жизнь примером. Он был выдающимся строителем, построил в Курске очень много промышленных и жилых зданий. И я сам окончил строительный техни-

кум, тоже работал в строительстве, и брат мой — инженер-строитель. Одна мама у нас была гуманитарий — работала в школе, преподавала русский язык и литературу.

— А как тогда возникла тяга к музыке и театру?

— Это от дедушки, он был артистом. Когда я учился в техникуме, то параллельно числился в музыкальном училище на вечернем вокальном отделении. А петь я начал, еще будучи пионером.. Даже ездил во все-союзный лагерь «Артек» в Крыму. И мне повезло — там я стал лауреатом международного конкурса за исполнение песни «Бухенвальский набат». И еще я был капитаном волейбольной команды, мы заняли первое место, и на награждении был сам Юрий Гагарин, у меня даже есть фотография: Сидит Гагарин, а меня, пионера Вову Винокура, награждают.

— В детстве вам посчастливилось познакомиться не только с Юрием Гагариным, но и с Марком Бернесом?

— Марк Бернес приехал к нам на гастроли в Курск и пришел в гости к моему соседу, с которым они, как оказалось, были друзьями детства. И сосед позвал меня к себе, потому что я был самым популярным на лестничной площадке. Попросил меня спеть, а я как заору во весь голос: «Хотят ли русские войны!» А Бернес говорит: «Что ж ты так орешь? Ведь русские не хотят войны. Пой всегда про-никновенно: «Хотят ли русские войны,

спросите вы у тишины...»... Ту нашу встречу я запомнил на всю жизнь.

— Я знаю, что у вас есть много забавных случаев из театральной студенческой жизни. А в жизни студента Винокура строителя бывали смешные моменты?

— У меня была преддипломная практика. Я работал маляром, штукатуром, плотником, бетонщиком, даже сварщиком. И прораб решил подшутить надо мной: дал денег и послал меня в магазин: «Купи бутылку водки, бутылку кефира, сырок «Дружба», колбаски и батон хлеба...» Когда я все принес, он взял граненый стакан, налил водки, в другой стакан налил кефир и сказал: «Пей!» Я, семнадцатилетний мальчишка, растерялся и говорю: «Да что вы! 250 грамм — это же много!» Но прораб настоял: «Прописывайся, если ты настоящий строитель!» Что мне оставалось делать — выпил залпом, запил кефиром. И вдруг все как заорут: «Винокур приехал!» — отец был управляющим отделения и пришел проверить работу строителей. Ну, я в траншею прыгнул, чтобы он меня не заметил, и стал копать вместе со всеми. Отец увидел и говорит: «А что там этот практикант делает?» Прораб решил меня прикрыть: «Ну вот, учится на хлеб зарабатывать!» А было жарко, и меня так развезло, что на ногах еле держался. Отец все, конечно, понял, и дома вечером был серьезный разговор. С тех пор никогда не пью 250 грамм залпом!

— А как вы все-таки оказались в стенах театрального института?

— Пара моих друзей, которые учились в театральном, предложили мне: «Володька, там приемные экзамены в ГИТИСе, давай-ка сходи, попробуй». Я пришел на консультацию, прошел все туры, и меня сразу отправили на экзамен: «Подавайте документы» А документов у меня не было. Я помчался в министерство образования. Пел, танцевал, рассказывал, как я прошел все три тура в ГИТИС, и, в итоге, справка была выписана. Предоставил документы ректору. А тот внимательно посмотрел на меня и говорит: «Ты чего, от армии, что ли, хочешь откосить?» В общем, на сочинении меня срезали, хотя, как я уже сказал, моя мама была педагогом русского языка и литературы, и эти предметы я знал наизусть.

Так я и оказался в армии. Мне повезло, я попал в ансамбль песни и пляски московского военного округа. Там я пел, вел концерты — одним словом, занимался любимым делом.

Когда второй раз пошел поступать в ГИТИС, меня уже все знали. Я пришел в солдатской форме, и ко мне подошел какой-то молодой человек со словами: «Солдат, ты поступать? Я из приемной комиссии и могу тебя прослушать» Заходим в аудиторию, и так странно — сидят одни молодые ребята. Ну, я для них спел, станцевал, басню прочитал, все как положено. Меня одобрили и сказали: «Завтра приходи, не опаздывай, шансы есть». На следующий день прихожу, меня

в аудитории встречает декан факультета: «Почему ты, солдат, вчера не был на консультации?» Я отвечаю: «Я был! Один из членов комиссии меня прослушал, правда, я его здесь что-то не вижу...» Вдруг дверь открывается, и заглядывает тот самый молодой человек. Декан кричит ему: «Лещенко, закрой дверь с той стороны! Совсем обнаглели выпускники!»

Так и завязалась наша дружба слевой Лещенко. Лев в то время работал в театре московской оперетты, а мы были еще наивными первокурсниками в солдатской форме. Как-то Лева, с присущей ему важностью, пригласил нас с приятелем в театр: «Я играю в спектакле «Орфей в Аду», приходите!» Пришли, сидим на галерке. Первый акт, второй акт, странно — Левы нет. Наконец в третьем акте он выходит с подносом и произносит: «Пустите погреться!» Мой приятель в полном недоумении поворачивается ко мне: «Это получается, мы пять лет будем учиться, чтобы с подносом выходить?» А Лева вскоре ушел из театра на гостелерадио и через год стал суперпопулярным человеком. Мы все очень гордились им.

— До сих пор дурачитесь и шутите друг над другом?

— С Лещенко мы дружим уже 48 лет, через два года юбилей. Никогда с ним не ссорились. Каждый раз, когда Лев мне звонит, он говорит женским голосом: «Позовите, пожалуйста, Владимира Натановича», а я тоненьким голоском отвечаю: «Але, кто это?» Лева тут же начинает смеяться.

— Сложно было учиться?

— Очень сложно. Я был иногородним, жил в общежитии, подрабатывал в цирке Юрия Никулина в 72–73 годах. Я пел песню в начале представления, потом убегал на пары в институт и отпрашивался с актерского мастерства, чтобы вернуться в цирк и спеть финальную песню. Если я не успевал вернуться к своему вечернему выходу, меня замещал дублер, парень из Гнесинки, а потом я отдавал ему деньги с зарплаты. Позже сам Никулин мне сказал: «Ты меня обманул, мальчик, я думал, ты будешь певцом как Кобзон, а ты стал клоуном, ты меня подсиживаешь». Я был «богатым» студентом, получал 100 рублей в месяц, и иногда после зарплаты мы с друзьями покупали немного спиртного и устраивали праздники в общежитии. Жарили картошечку, пили хорошее вино...

Вообще было весело в то время! Я пришел на первый курс, когда еще учились Оля Остроумова, Юра Николаев, Сашка Абдулов. Я тогда дружил с Владимиром Высоцким и с Севой Абдуловым, и Сашка меня уговаривал: «Познакомь меня с Севой Абдуловым, познакомь! Вдруг мы родственники!» А я отвечал: «Ты с ума сошел! Ты приехал из Средней Азии, а это сын великого Осипа Абдулова из МХАТа! Ты сделай так, чтобы когда-нибудь они сами захотели с тобой познакомиться, потому что ты — Александр Абдулов!» Мы потом часто вспоминали этот разговор! Санька вообще был очень классным парнем.

— А почему вы выбрали жанр эстрады, пародии?

— В институте все знали, что я люблю валять дурака. У нас была своя коридорная кафедра, шутки, анекдоты. И как-то выхожу во время экзамена на сцену, декан говорит: «Объявите!» Ну, я так робко, неуверенно: «Ария Евгения Онегина из оперы «Евгений Онегин», исполняет Владимир Винокур». И слышу, в зале смешок такой раздаётся. Декан сердится: «Что это такое! Еще раз выйдите и объявите нормально!» А закон эстрады и сцены таков — если еще раз что-то повторяется, то это вызывает еще большую реакцию. Я выхожу по новой и, набрав побольше воздуха, с невозмутимым выражением лица, уверенно и важно произношу: «Чайковский...» В зале гомерический хохот. Я, выдерживая мхатовскую паузу, важно и помпезно продолжаю: «Ария Евгения Онегина из оперы «Евгений Онегин» — и простецки ненавязчиво добавляю: — Исполняет Владимир Винокур». В зале просто обвал, дикий хохот, декан, естественно, тут же меня выгнал со сцены. Потом ко мне подошел мой педагог: «Слушай, все-таки твой хлеб с маслом — это не опера и не оперетта, тебе надо идти на эстраду, ты смешной». И уже после института, когда я работал в оперетте, меня пригласили в ВИА «Самоцветы», где я выступал с монологом «Про старшину Ковальчука». Конечно, все очень удивились, когда вскоре я ушел из театра. Это было сложно понять, но я ушел побеждать. Пародий-

ный жанр тогда всем очень нравился и имел успех, но толком им никто не занимался, и я решил рискнуть. Отправившись на конкурс, стал лауреатом и начал работать один.

— Но Театр оперетты подарил вам знакомство с вашей будущей супругой Тамарой Перваковой...

— Да, она была артисткой балета, мы с ней участвовали в одном спектакле, он назывался «Не бей девченок». Я был стажером и исполнял главную роль, а Тамара играла заводную куклу. Я долго за ней ухаживал, но без толку. Тамара была скромной девушкой из Подмосковья, числилась в балетном училище при Большом театре, и, чтобы не ездить каждый день домой, жила в интернате для студентов училища. Она была как будто из пансиона благородных

девиц, и очень далека от «нашей» студенческой жизни. Однажды она совершила благородный поступок. После ГИТИСа, чтобы попасть в театр, нужна была московская прописка, театры редко брали приезжих, так как не было общежития для артистов. Поэтому Тамара подошла ко мне и сказала: «Мы с мамой все обсудили. Вы талантливый артист, и мы решили вам помочь. Может, заключим фиктивный брак, для того чтобы вас взяли в театр?» «Зачем же фиктивный?» — сказал я и стал уверять, что не всегда буду стажером, что стану известным и богатым. На что она кокетливо ответила: «Я попробую вам поверить». Тамара была со мной на «вы» до самого загса. Потом я потихоньку стал набирать обороты, становиться популярным, и она поняла, что я ее не обманул, но фамилию мою так и не взяла.

— Зато вашу фамилию носит ваша дочь Анастасия Винокур...

— Но эта фамилия ей никак не помогла, потому что в театре она все время должна доказывать, что она не просто Настя Винокур, а еще и личность. Но, слава богу, она хорошая артистка, и, будучи солисткой Большого театра, много партий исполнила — она очень упертая. Сейчас трудится в цирке «Дю Солей», работает под куполом без страховки. Отчаянная девушка!

— Настя унаследовала ваш дар юмориста?

— Да-да, она всегда умела расшевелить своих сокурсников, и в театре ее все любят, она очень коммуникабельная девушка, с юмором.

— Не так давно на свет появился долгожданный внук Федор...

— Дочка преподнесла мне такой подарок. А назвали его так в честь меня! Дело в том, что у меня в детстве был племянник Вова, сын моего брата. И когда я с ним возился, все время говорил ему: «Надо, Федя, надо!» Когда Вова начал говорить, он принципиально отказывался называть меня по имени, не хотел, чтобы кроме него был еще какой-то другой Вова Винокур, и звал меня Федей. Это прозвище переняла вся наша семья: и мама, и папа, и брат — все стали звать меня Федей. И даже когда я писал письма из армии, я подписывал их так: «Целую, Федя». Настя знала эту историю, поэтому и назвала сына Федей. Федя

очень подвижный, любознательный, смешливый парень, играет в футбол, танцует, поет, садится за фортепиано. А как иначе, ведь растет в творческой семье.

— Как вы отдыхаете?

— А я не отдыхаю, я отдыхаю на работе. Раньше ездили в Турцию всей семьей, где и началось Настино увлечение цирком. А так, часто хожу в консерваторию, дружу с Володей Спиваковым, Юрием Башметом, люблю Моцарта, Бетховена, Чайковского, в то же время, дружу с Сашкой Маршалом и с Андреем Макаревичем и с удовольствием слушаю с ними «рокешник».

— А праздники как отмечаете?

— Например, в Новый год я никогда не работаю, и нет таких денег, которые заставили бы меня пойти юморить.

— Что вас стимулирует на творчество?

— Меня очень вдохновляют мои коллеги, мой коллектив театра пародий, я всегда выбираю талантливых партнеров по сцене, ищу талантливых ребят. Это выпускники ГИТИСа, балетных училищ, консерватории — все очень одаренные люди. Я делаю и буду делать все, чтобы смешить людей, дарить хорошее настроение, приносить радость. Ведь это своего рода терапия. Этим я и живу. □

Беседовала
Александра Бушева

Евгений Жуков — талантливый, яркий ведущий солист балета Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, лауреат конкурса Tanzolymp (Германия), дипломант Всероссийского конкурса молодых исполнителей «Русский балет»

Зрители знают его по замечательным работам: Константин Треплев («Чайка» Джона Ноймайера), сольные партии в балетах хореографов: Уильяма Форсайта — «Вторая деталь», Жака Гарнье — «Онис», Александра Экмана — «Тюль», Дмитрия Брянцева — «Призрачный бал», Марко Геке — «Одинокий Джордж», Охада Нахарина — «Минус 16», Иржи Килиана — «Восковые крылья», «Маленькая смерть»...

Евгений Жуков

Фото из личного архива

«Несмотря на сложные времена, творчество продолжается, и это замечательно!»

— Евгений, как известно, артист балета — это постоянный труд и тренинг, профессия, которой преданно и жертвенно служат всю жизнь, отказыва-

ясь от многого. Как вы пришли в балет?

— В эту прекрасную профессию мы с братом Дмитрием пришли благодаря нашей маме. Еще в детстве

начали заниматься в ансамбле песни и пляски при МВД России народными танцами, потом поступили в Московское государственное хореографическое училище имени Леонида Михайловича Лавровского. С братом мы танцевали во время обучения в училище сольные пар-

тии. По окончании училища, в 2015 году, я был принят в труппу Московского государственного музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

— А как сложилась судьба вашего брата-близнеца?

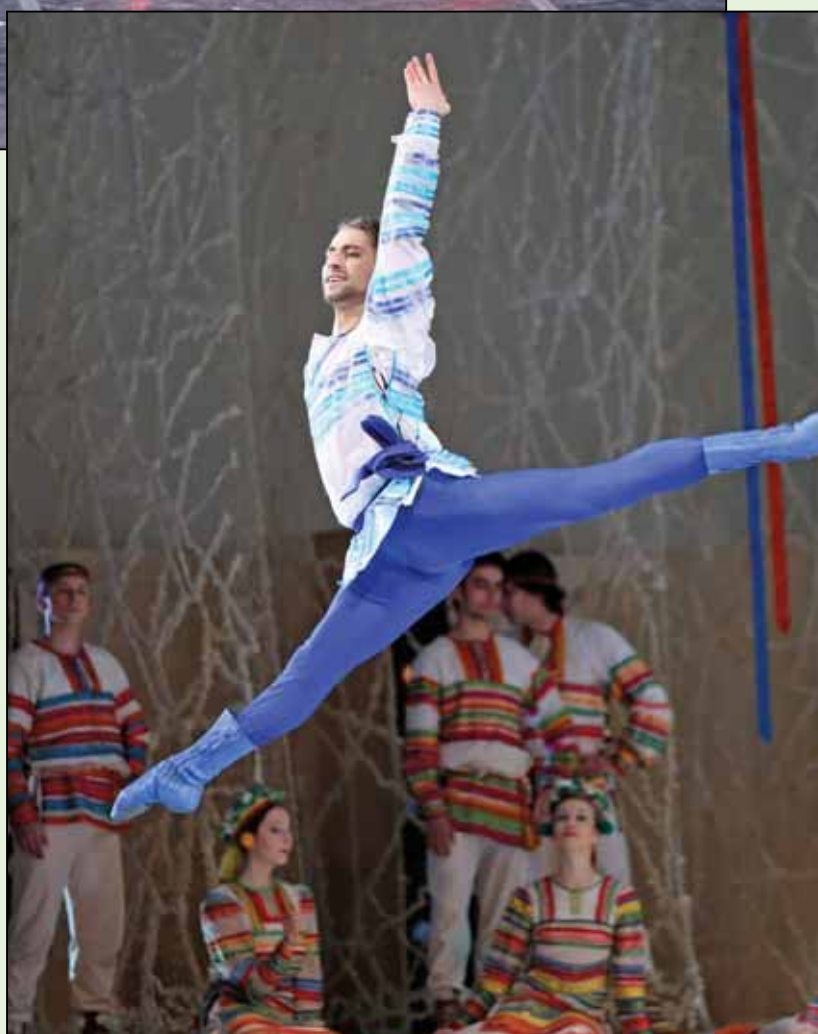

— Дмитрий танцует в Будапеште, вместе со своей женой, в Венгерском национальном театре оперы и балета.

— Мы живем сейчас, увы, в непростое время, расскажите, пожалуйста, что нового у вас сегодня происходит?

— Творчество продолжается, и это замечательно! В сентябре прошлого года в Нижнем Новгороде

открыл сезон балетом «Корсар» — танцевал партию Конрада — такая мне подвернулась удача. В конце октября в нашем театре прошла премьера балетного спектакля «Ромео и Джульетта» в постановке молодого хореографа Максима Севагина и драматического режиссера Константина Богомолова, костюмы создал дизайнер Игорь Чапурин. Я исполнил Ромео, балерина Жанна Губанова танцевала партию Джульетты. Кстати, все персонажи и их характеры придуманы с нуля, это не классические герои Шекспира.

— Хореограф Максим Севагин в одном из интервью сказал, что это был совместный творческий процесс с артистами...

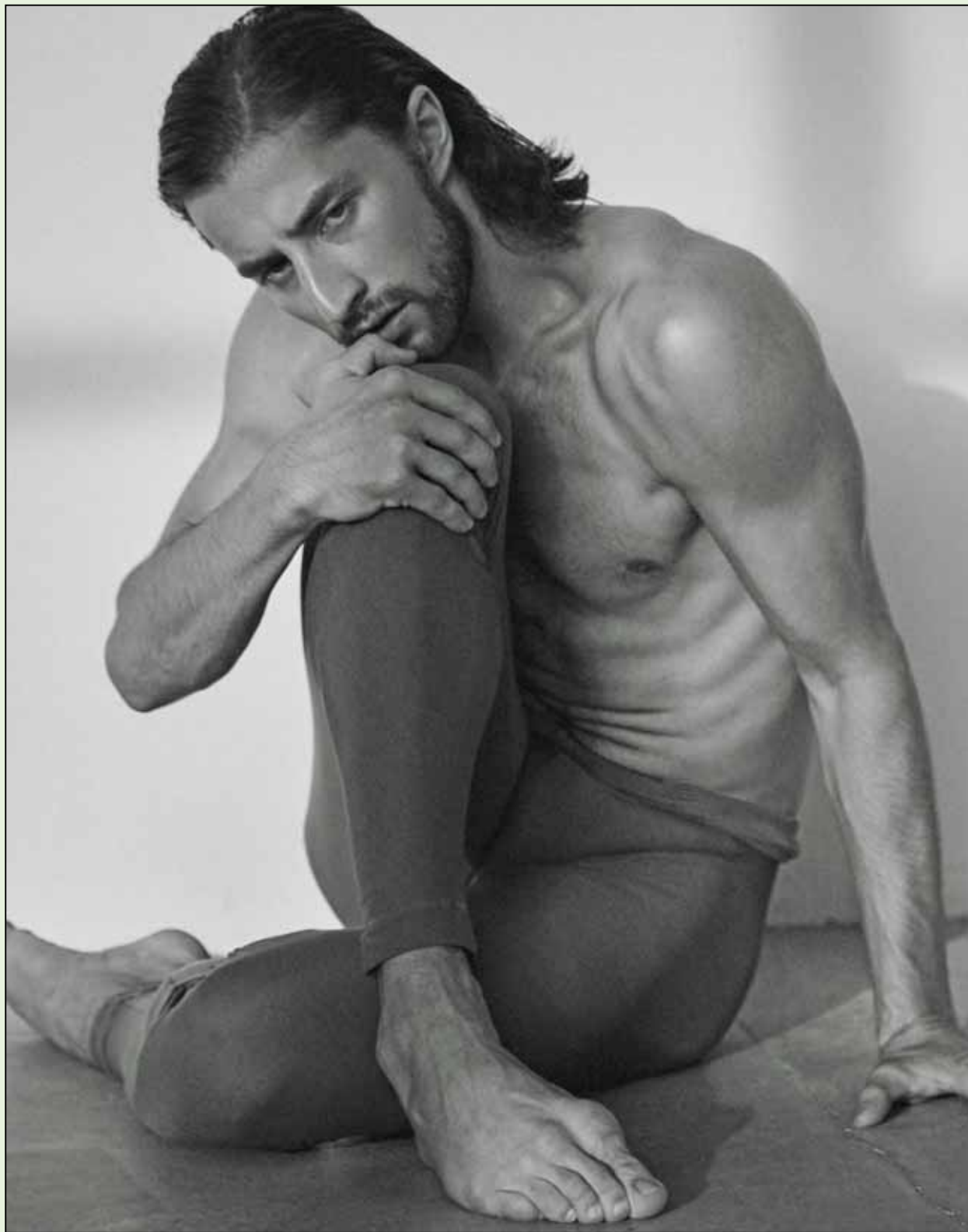
— Все происходило, когда мы были на сцене, в самом процессе работы, спонтанно, по ходу репетиций, и это было очень интересно.

— Евгений, с какими хореографами вам особенно хорошо работать?

— С Джоном Ноймайером — великий современный хореограф, в его

постановках есть и академическое исполнение, и современная школа, в его чеховской «Чайке», рассказанной великолепным языком танца, я

исполнил партию Константина Треплева, в балете «Татьяна» — Владимира Ленского... Хотелось бы еще поработать с Джоном Ноймайером.

В нашем театре идет много современной хореографии, и мне очень нравится Иржи Киллиан — «Восковые крылья», «Маленькая смерть», и Уильям Форсайт — «Вторая деталь»...

— Какую партию хотелось бы исполнить, есть такая?

— Кронпринца Рудольфа в неоклассическом балете Кеннета Макмиллана «Майерлинг» на музыку Ференца Листа, это серьезная партия, и многие танцовщики хотят ее станцевать. Хореография Макмиллана требует идеальной подготовленности танцовщиков: много прыжков, пируэтов, поддержек, это и возможность для изысканной актерской игры, это и умение тонко передать психологическое состояние героев. Вообще мне хочется проявить себя во всех ролях, прочувствовать и понять все образы.

— Кто ваш педагог сегодня?

— Георги Смилевски — потрясающий педагог и человек, я очень рад, что занимаюсь с ним. Георги — премьер нашего театра, народный артист РФ.

— Творческие люди талантливы во всем, и вы тому пример: говорят, что вы еще пишете картины. Вы учились этому?

— Это мое увлечение, внутренняя необходимость. Нигде специально я не учился, сажусь за холст,

когда приходит вдохновение и есть на это время.

— Что вы нарисовали за последнее время?

— Недавно пытался изобразить актрису Одри Хепберн, которая, кстати, с детства увлекалась искусством танца, и вышло, как мне кажется, красиво. Мне нравится писать женские портреты, людей, пейзажи...

Еще я пишу стихи — это мое личное пространство.

— Все ваши дни наполнены творчеством и расписаны «от» и «до». А если бы выпало свободное время, хотелось бы куда-нибудь поехать, и куда именно?

— Хотелось бы ненадолго отъехать в тишину, в горы...

— Какие качества в людях вам импонируют?

— Честность и искренность. Это самое главное.

— Что пожелаете зрителям сегодня?

— Приходите в наш театр, у нас много интересных, необычных постановок. Открывайте для себя что-то новое, разделите с нами новую историю. Для нас, артистов, это очень важно. □

Беседовала **Елена Воробьева**

КИКИ королева Монпарнаса

Алиса Эрнестина Прен (Кики)

Она была не просто красавицей и моделью, вдохновлявшей почти всех художников Парижской школы, этих нищих, свободных и невероятно талантливых молодых живописцев, приехавших в начале XX века в столицу Франции создавать новое искусство. Она стала символом, мифом и легендой целой эпохи. А это удается немногим...

Алиса Эрнестина Прен, вошедшая в историю искусства как Кики, родилась 2 октября 1901 года в местечке Шатийон-сюр-Сен в Бургун-

дии. Алиса была не единственным ребенком в семье, но все ее братья и сестры были незаконорожденные и от разных отцов. Фамилию она по-

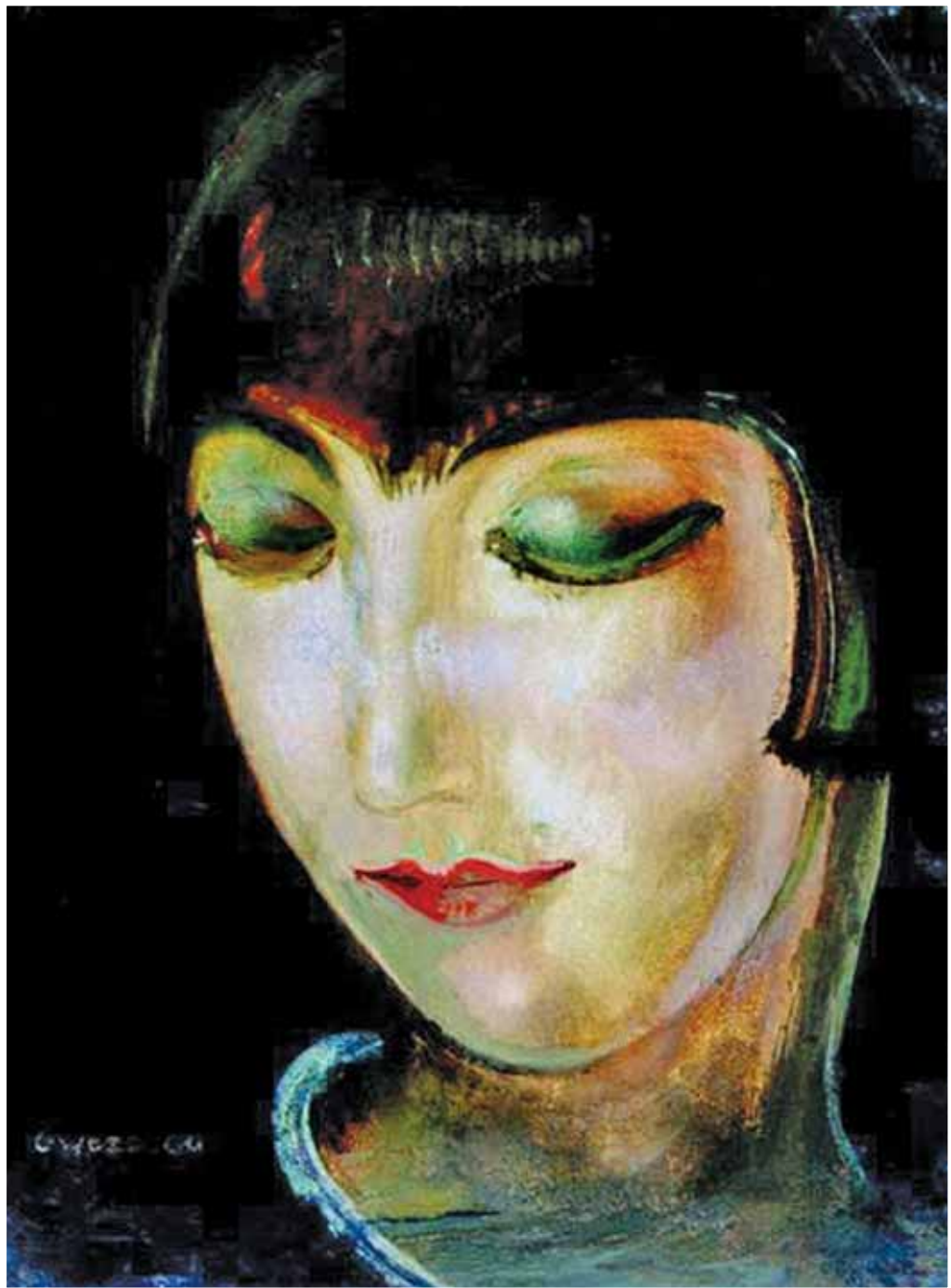
лучила от матери, поскольку папаша ее, Максим Легро, сбежал, узнав, что должен стать отцом. Денег мадам Прен всегда не хватало, а потому маленькой Алисе пришлось начать работать уже в 12 лет. Где только она не трудилась! И в типографии, и у переплетчика, и в обувной мастерской, и в пекарне (к тому же ей предоставляли ночлег и еду). «Я встаю в пять утра и продаю хлеб за су или два мужчинам, собирающимся на работу, — рассказывала она об этом времени в своих мемуарах. — В семь я разношу хлеб заказчикам и ношу по лестницам вверх-вниз до одышки, скажу я вам! К девяти я должна вернуться в дом, чтобы начать уборку, выполнить кучу поручений и провести четверть часа в огромном шкафу с мукой. В мою задачу входит следить за железной заслонкой, чтобы она пропускала муку в сито. Вылезаю я оттуда белая, как мышка. Потом я должна помогать булочнику вытаскивать хлеб из духовки. Хозяйка — злая, высохшая, потрепанная штучка. Она не способна давать указания без злобного крика. Вечерами я думаю лишь об одном: скорее бы в постель...» Понятное дело, радости ей это все не приносило, к тому же она очень уставала. И однажды, когда ей уже исполнилось 14 лет, и тело ее приобрело весьма симпатичные формы, к ней на улице подошел мужчина, сказал, что он скульптор, и пред-

ложил позировать ему. Его звали Роншен, и у него была своя мастерская, куда он и привел девушку. Так Алиса стала натурщицей. Хорошенькая, живая, с идеальной фигурой, раскованная, она быстро обрела известность среди парижских художников. Но никто не мог назвать ее доступной женщиной, и когда некоторые ее поклонники проявляли ненужную, а порой оскорбительную настойчивость, она сурово одергивала ухажеров и не разрешала им переступить дозволенные границы.

Первым, кого она полюбила и с кем стала жить, был поляк Морис Менджиски. Он влюбился в нее как мальчишка и, конечно же, писал ее. Полюбила и она. Именно он дал ей это имя — Кики.

Они жили на Монпарнасе, жили не богато, но на хлеб хватало. Впервые за всю свою жизнь Кики не голодала.

Постепенно она подружилась со многими обитателями Монпарнаса. В те годы именно этот район стал центром художественной жизни Парижа. Здесь, еще до начала Второй мировой войны, поселились молодые и пока еще совершенно непризнанные гении, живописцы со всего мира. Многие жили в общежитии, получившем говорящее название «Улей». Одним из их любимых мест стала «Ротонда», кафе папаша Либиона, где можно было полистать свежие газеты, выпить чашечку кофе и да-

Густав Гвоздецкий. «Кики с Монпарнаса»

же бесплатно отломить и съесть кусочек свежего багета, лежавший в плетеной корзине у кассы (добрый Либион на многое закрывал глаза). Была еще забегаловка мадам Розали — она наливала голодавшим жи-

телям Монпарнаса, опять же бесплатно, тарелку горячего супа. А еще была вечерняя столовая Марии Васильевой, зарабатывавшей изготовлением симпатичных кукол из кожи и тканей, которых она продавала

в известный во всем Париже магазин украшений Поля Пуаре. Открыв столовую, эта умная и очаровательная женщина решила таким образом поддержать и подкормить своих бедствовавших друзей.

После войны жизнь на Монпарнасе изменилась. Здесь появились туристы, кафе, рестораны и кабаре. Открывались новые галереи. Совсем недавно нищие художники обретали своих почитателей, а главное, покупателей. Особенно отличались американцы, в карманах у которых были крепкие доллары. И вот уже недавний обитатель «Улья» Пикассо поселился в богатом доме с лифтом, картины Шагала продавались за вполне пристойные суммы, а сам он переехал в респектабельный Пасси, Кислинг, получивший неожиданно хорошее наследство от американского друга, стал коллекционировать авто, Фуджита и Дерен приобрели особняки. Картины не дожившего чуть-чуть до успеха и умершего от алкоголизма Модильяни резко поднялись в цене, а разбогатевший вдруг Сутин изображал сноба и говорил только по-французски.

И снова в Париж стали съезжаться художники со всего мира. На Монпарнасе открылось первое ночное кафе «Жокей», хозяевами которого были американский художник Хилайр Хилер и бывший моряк Боб Лежен. Здесь играли блюзы, здесь звучала гавайская гитара, здесь на стенах плясали нарисованные Хилером индейцы. Это

уютное местечко стало любимым для Кислинга, Кокто, Арагона, Хемингуэя, Скотта Фитцджеральда, Ивана Мозжухина и других.

Свежая и пухленькая, в стиле Ренуара, Кики, оказавшись благодаря приятелям художникам в самом центре богемной жизни Парижа, быстро стала своей в этом кругу. Более того — теперь она уже была певицей. У нее появились даже свои коронные номера, пользовавшиеся огромным успехом. «Караваны туристов превратили Монпарнас в район ночных развлечений. В «Сигаль», в «Жокее» танцевали до утра, а красавица Кики с глазами совы печально пела скабрезные песни. Распевая, она опускала голову и раскачивала ею в такт из стороны в сторону. Движения ее были точные и законченные. На ней всегда была шаль, она подчеркивали плавность и тягучесть ее движений», — рассказывал Илья Эренбург в своей книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь».

Спев песенку, Кики собирала деньги с клиентов кафе, обходя их с шляпой в руке. Вскоре она стала настоящей королевой «Жокея» и очень способствовала успеху заведения.

И, конечно же, по-прежнему не отказывала своим приятелям и с удовольствием позировала им. Ее писали Модильяни, Сутин, Дерен, Кислинг, Пикассо. Она стала первой натурщицей Парижа! А талантливый японец Фуджита стал одним из самых близких ее друзей. В 1922 году он на-

Моисей Кислинг. «Кики с Монпарнаса»

писал «Лежащую обнаженную» (это, конечно, Кики) и выставил картину на Осеннем Салоне. Ее купили, и Фуджита получил баснословные по тем временам деньги — 8 тысяч франков! Так к нему пришел первый успех.

Кики была хороша, чувственна, понимала юмор — с ней было так нескучно!

А когда Меджински позвал ее уехать вместе с ним на Лазурный берег, она отказалась — ее миром, ее жизнью стал Монпарнас.

Ей не нужны были деньги, блага, роскошь. Ей нужны были близкие люди. «Все, что мне нужно, — это лук, немного хлеба и бутылка красного. И я всегда найду кого-нибудь,

готового мне это предложить», — говорила она.

В 1921 году на Монпарнасе появился сорокалетний фотограф, кинематографист и художник американец Ман Рей. Его родители, Радницкие, эмигрировали в Америку из России, из Ковенской губернии, а в 1897 году обосновались в Нью-Йорке, так что настоящее имя Ман Рея — Эммануэль Радницкий. В Нью-Йорке он увлекся фотографией — большое влияние на него оказал классик художественной фотографии Артур Штиглиц. А потом, подружившись с Марселем Дюшаном, он приехал в Париж. Дюшан представил публике в качестве артобъекта унитаза,

Моисей Кислинг. Портрет Кики

а Ман Рей — уют, в который были натыканы гвозди. И то, и другое произвело на публику сильное впечатление.

Практичный Ман Рей, привезя в Париж некоторую сумму денег, не пропил и не прогулял их, а купил сту-

дийный фотоаппарат и начал снимать картины своих парижских приятелей и их возлюбленных. Делал он это великолепно, а потому успех не заставил себя ждать. У него появлялись все новые клиенты и заказчики, а потом и своя студия. Вскоре быть

сфотографированным Ман Реем уже означало то, что вы — настоящий парижанин и в жизни что-то собой представляете.

Занимаясь фотографией, Ман Рей не переставал быть художником, а еще он снимал кино, его фильмы сегодня — признанные шедевры сюрреализма. От всего, что он делал, он умел получать удовольствие. Однажды Ман Рей, сидя в кафе со своей приятельницей, стал свидетелем скандала — двух хорошеньких девушек не хотели обслуживать, потому что на них не было шляпок. Ман Рей и его спутница, проникнувшись сочувствием к девушкам, пригласили их за свой столик. Одной из девушек была Кики. Так они познакомились — Ман Рей и Кики, ставшая на несколько лет его возлюбленной и его главной музой. «Я познакомилась с американцем, лучшим фотографом. Я собираюсь ему позировать. Мне нравится его акцент и некая загадочность», — пишет она в своих мемуарах. Они полюбили друг друга и стали жить вместе.

«Он фотографирует людей в нашем номере, а вечером я лежу, вытянувшись на постели, пока он работает в темноте. Мне видно его лицо, освещенное красной лампочкой: он похож на дьявола во плоти, и я, как на иголках, не могу дождаться, когда он закончит. Мы общаемся с публикой под названием дадаисты, а некоторых из них называют сюрреалистами. Как по мне, так я не вижу особой разницы между ними!

Среди них Тристан Тцара, Бретон, Филлип Супо, Арагон, Макс Эрнст, Поль Элюар и прочие... Ночи мы проводим в разговорах, от которых мне совсем не скучно, хотя я в них ничего не понимаю»

Манн Рей был настоящим интеллектуалом, а потому его друзья очень удивились, увидев рядом с ним Кики, у которой не было даже школьного образования. «Моего ума хватит нам на двоих», — отвечал он им. Однако Кики отнюдь не была пустышкой, а была по-своему умна и талантлива. Она сама шила себе наряды и выглядела в них фантастически. Она пела, играла в кино и даже писала картины — ну как она могла не стать художницей, столько общаясь с настоящими мастерами, живя в атмосфере истинного творчества! В 1927 году друзья устроили ее выставку в парижской галерее «Весна священная». В предисловии к каталогу поэт Робер Деснос написал: «У тебя, дорогая Кики, такие красивые глаза, что мир, увиденный ими, прекрасен!» И выставка оказалась весьма успешной — почти все картины были распроданы!

В конце 1920-х годов Ман Рей уговорил ее написать мемуары, и она это сделала. Предисловие написал Эрнест Хемингуэй. У Кики получалось все, что она делала — вот и мемуары вышли очень интересные, ведь их героями были герои парижской богемы, а потому тысячи поклонников Кики пришли в книжный

магазин, в который привезли тираж. Мемуары захотели издать и американские издатели...

Семь лет, пока они были вместе, Кики вдохновляла Рея — благодаря ей он создал свои главные фотоработы, и среди них — знаменитая «Скрипка Энгра». (И сегодня многие художники делают свои вариации на тему этой блестящей работы Ман Рея). Она — главная героиня его фильма «Морская звезда». Ее лицо, ее тело живут на множестве его творений. Печать ее образа лежит и на работах, созданных после их расставания. (В 1929 году он познакомился с юной Ли Миллер — она стала его ученицей, подвижницей, коллегой и — возлюбленной.)

Подобно многим ее друзьям, Кики была свободна не только в личных отношениях и в искусстве, но и в политике, высказывая порой весьма либеральные идеи. В 1929 году в Париж приехал Сергей Эйзенштейн, он хотел показать свои фильмы, но французские власти ему отказали. И тогда Кики тут же резко среагировала на этот попрание свободы мысли: «Правительства осознали невероятную силу творчества. Фильмы Эйзенштейна запрещены, потому что они опасны, опасна сила правды. Его гений вызывает страх у робких и восхищает тех, кто любит кино».

Каждое высказывание, каждое действие Кики становилось достоянием публики. Анри Брока, издатель богемно-артистического журнала «Париж Монпарнас», отда-

вал ей целые полосы. И, наконец, во время гала-вечера, устроенного монпарнасскими обитателями на улице Гетэ (улице Веселья), Кики была провозглашена Королевой Монпарнаса.

А потом наступили трудные времена. 1929 год — экономический кризис накрыл Европу и Америку. Рушились состояния, люди теряли работу, приходилось не жить, а выживать. Парижанам стало не до веселья, замерла жизнь в кафе и ресторанах.

Кики по-прежнему пыталась петь перед редкими посетителями самых разных заведений, но жизнь менялась очень быстро... Она выпустила несколько музыкальных пластинок со своими песенками, снималась в кино, выступала в кабаре, в 1937 году открыла собственное заведение — кабаре-клуб «Бабель», но вскоре началась Вторая мировая война...

Она уже не была Королевой Монпарнаса, она просто старалась жить, тяжело страдая от своих давних пороков и зависимостей. Алкоголь, наркотики — все это медленно, но верно разрушало ее душу и тело.

Ман Рей, встретившись с ней уже после войны, вспоминал потом, какой он ее увидел — сильно изменившейся, располневшей, страдавшей от отеков, потерявшей голос — «очень больной»...

Кики умерла в 1953 году — совсем еще не старой, но... потерявшей смысл жизни.

Фуджита, этот японец, для которого Кики стала главной моделью,

подарившей ему настоящий успех в искусстве, единственный из всех монпарнасских знаменитостей сопровождал ее в последний путь — на кладбище Тиэ. «С Кики похоронены навсегда славные дни Монпарнаса», — грустно говорил он. А другой ее друг, американец Эрнст Хемингу-

эй, писал, что «Кики определила эпоху Монпарнаса больше, чем королева Виктория — Викторианскую эпоху». И какое счастье, что ее глаза, ее лукавая улыбка, ее женственное грациозное тело остались на картинах ее друзей — лучших художников XX века. □

Кики. Фото Ман Рэя, 1926

В стремительный век информации профессии пряжи и прялочника называют диковинными. Но они не канули в лету. Наши предки, обустроивая быт, скручивали волокна в нить инструментом, ладонями или на бедре. Потомки по-прежнему прядут шерсть и пух животных, даже от медведя и персидской кошки. Несмотря на господство «синтетики», растет число сторонников продукта ручного труда, биотекстиля как экологического тренда, вязаных вещей. Не перевелись на Руси веретенщицы и прялочники.

Несколько лет назад жители Санкт-Петербурга, супруги Молостовы арендовали помещение для прядильно-токарной мастерской в здании XVIII в. Позднее на мастеровом дворе обосновались гончары и художники. Прежде в знаменитых реставрационных мастерских творили светила. Особая аура здесь и сегодня. Муж Денис — деревянных дел мастер, его жена Лена — профессиональная пряжа, вязальщица и дизайнер, гармонично дополняют друг друга. Супруги наладили прядение шерсти, вязание, маленькое семейное производство прядильных инструментов. В токарном отделении с «запахом стружки и свежей доски», где рабочая зона Дениса, — рай для мальчиков. В прядильном, у Елены, где панно с изображением пряжи, клубки и вязаные изделия, — рай для девочек.

СКВОЗЬ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Лена родилась в обычной семье монтажников радиоаппаратуры. В «Инстаграме» она написала: «Мама всю жизнь работала монтажницей, отец — слесарем-сборщиком, монтажником. Ребенком я уже понимала значение слов «диод», «сопротивление», «микросхема», «конденсатор». Так что, если нужен монтаж с микропайками, Денис зовет меня». Ее прядильно-вязальная история началась с носков. В девять лет связала их и принесла на урок труда. Учительница не поверила девочке, что носки — ее рук дело, и поставила двойку.

Отлично вязать ее научила мама. Бабушка Аня, уроженка Псковской области, 30 лет трудилась прядильщицей на петербургской фабрике «Веретено». Умерла в начале 90-х, когда внучке было десять лет.

— Бабуля умела шить, вязать, — вспоминает Елена. — Она и вручную пряла, учила и меня шитью, вышиванию. Брала с собой в шумный цех, где ездили вагонетки с бобинами-громадами.

В 11 лет Лена впервые села за доступную в те годы БЭП-02. Производили электропрялку на Пензмаше, где выпускают и до сих пор. Сегодня «кормилица» хранится в домашнем музее. Суть ручного прядения Лена познала от маминой подруги Ольги Артемьевой. Когда в доме появилась собака породы колли, Лена начала прясть ее шерстку. Ольга, специалист с огромным стажем в пря-

дении собачьей шерсти, в прошлом конный каскадер, кинолог в питомнике бордоских догов, предупредила, что на познание ремесла уйдет два года, но Лену это не испугало. Она усердно пряла и вязала, совмещая ремесло с основной работой. В 1998 году начала трудиться в фирме по заказу одежды из собачьей шерсти. Сразу привыкла к паре щеток, выданных для перчесывания сырья, а до этого «пушила» вручную. Затем устроилась в рекламную компанию, где познакомилась с будущим мужем, изготовителем, монтажником наружной рекламы, который окончил архитектурно-строительный университет по специальности «инженер-строитель». Лена трудилась в компании до 2017 года, но офисные будни были ей в тягость, и шерстка направила ее в нужное русло. Со временем хобби переросло в образ жизни и любимую работу. Лена основала в соцсети «ВКонтакте» группу «Пушистая сказка», в которой уже более 3 000 пряж-мастериц из России, Украины, Испании, Франции. Они делятся успехами в рукоделии, обмениваются опытом, сырьем. Название придумала Ольга Артемьева, и оно прижилось.

СИЛА ВДОХНОВЕНИЯ

Ремесло супруги, хранившей шерсть даже в холодильнике, вдохновило Дениса. Он с восхищением наблюдал за ее занятием и постепенно стал вникать в прядильные дела.

Елена Молостова тестирует южную самопрялку «Аксинья», сделанную супругом в мастерской

Вечерами и в выходные искал о них сведения в интернете, детально изучал принципы обработки дерева, обзавелся токарными резцами по дереву. Родственники, приятели подбрасывали «дрова» — высохшие деревца со своих дач. Начал с мелкого инвентаря. Первую клубочницу, а впоследствии русское опорное (на опоре) и другие веретена выточил на своем первом токарном станке из дуба. Превратил электролобзик в лобзиковый станок, приобрел сверлильный, установил фрезерный, торцовочную пилу для раскроя доски, пресс. Научился точить из бука дроп шпиндель — западный вариант подвешенного веретена с крючком под петлю, а из

ясеня и дуба — турецкий вариант. Затем из-под его рук стали появляться клубочницы, моталки, игольчатые кардщетки (в регионах — чески, чесалки, дралки, пуходерки, пушилки), катушки... И с января 2020 года Денис полностью посвятил себя токарной мастерской.

От мелкого инвентаря перешел к ремонту, настройке северных (горизонтальных) и южных (вертикальных) самопрялок — классических и современных. «Приводит в чувство» старые самопрялки. Сломанные фрагменты заменяет новыми, изготавливает по своим эскизам, чертежам любые по сложности и дизайну прядильные приспособления. Раритет вызывает из забвения, очищает, красит.

Четыре года назад друзья привезли Молостовым с дачи из Пскова самопрялку, похожую по конструкции и дизайну на финскую конца XIX века. Денис снял копию и по образцу изготовил северную «Скандинавию», кроме того, внес в нее и свои коррективы.

«Финка», как называли ее в народе, сочетает век нынешний и век минувший. Одно из нововведений — съемно-разборное устройство на оси колеса, то есть воробы для перематывания спряденной и ссучен-

все тесты «на ура». Производство искусства! С января позапрошлого года Молостовы выпустили более 100 таких экземпляров, с корпусом из бука и — реже — дуба. Все нашли владельцев!

Выступление петербургских прях — «Три девицы под окном»

ной нити. Первый экземпляр этой самопрялки Молостовы отправили во Владимир, пряхе со стажем. Последняя «Скандинавия», окрашенная в черный цвет, уехала в Выборг. А еще Денис по своему проекту сконструировал для жены сверхскоростное чудо технической мысли — миниатюрную электропрялку «Ариадна», простую в управлении. Нажал на кнопку педали — и крути, работают лишь руки. Минувшей зимой, спустя три года упорного труда мастера, новоиспеченная модель прошла

Супруги охотно участвуют в разных фестивалях, о чем говорит огромное количество дипломов. После первого экспромта с шоу «Три девицы под окном» на международной выставке-ярмарке «Агрорусь» в Петербурге потомственные пряхи — О. Артемьева, Е. Молостова, Т. Тяхт, К. Шведко — не раз показывали на сцене в разных городах, как развивался прядильный процесс. Они — члены общественной организации мастеров декоративно-прикладного искусства «Палата реме-

сел». За чаем пряжи обсуждают новые техники, делятся идеями, не обходят и тему любви к поставщикам шерстки — «братьям нашим меньшим».

Событием в прядильном сообществе стала изданная в Твери в 2017 году книга «Прядение для всех. Ручное прядение: от руна к нитке» Екатерины Горж. Несмотря на кругло-суточную занятость, Лена поддержала Катю еще при планировании издания, стала его техническим редактором. Автор, пряжа-профессионал, идет по грани прошлого и настоящего в исследовании древнего, когда-то кочевого рукоделия.

ПОЭЗИЯ РУЧНОГО ТРУДА

— Чтобы связать «конфетку», шерстку надо «вынянчить», и путь этот тернист, — делится рукодельница. — Осматриваю каждое волокнышко, сортирую, отделяю грубую остевую шерсть от мягкого, богатого по цветовой гамме подшерстка. Утомительно: у колли или кавказской овчарки до 15 оттенков! Шерсть не менее 3 сантиметров, не атакованную молью, вручную очищаю — выбираю катышки, колтуны. Перед прядением очищенное сырье стираю (кроме бобтейла и пуделя, ко-

Мастер-класс Е. Молостовой по прядению шерсти на северной самопрялке «Скандинавия»

роткошерстных и козьего пуха). После сушки перечесываю пять раз. Волокна и оттенки насыщеннее, ровнее, мягче. Пряду, ссучиваю и перематываю в клубки. Чтобы вещь держала форму, в целях экономии шерстяную нить ссучиваю с акрилом, нитью из альпака, мериносо. При перекосе нити клубки держу 10 минут в пароварке или в дуршлаге над кипящей водой. Не раз «шокирую» ее в мокром виде, била о стенки ванной. Сестра шутит: «Лена пряжу наказывает».

Шерстку и прядут, и наполняют ею стельки, одеяла, спальные мешки, одежду, валяют игрушки, валенки, даже пишут картины. Россия испокон веков славилась рукодельницами. Прядение типично больше для села, но найти рукавицы из доступной собачьей шерстки можно сегодня и в Петербурге, где около 30–

Оренбургский пуховый платок Е. Молостовой

40 прях, причем в полку соратниц прибывает — 12 лет назад их было меньше. Покупаем сырье и у хозяев пушистых зверьков, и в питомниках.

Елена больше работает с собачьей шерстью. Последняя — доступнее, она, как и ценный щипаный козий пух, защищает человека на Севере от холода, а в жаркой пустыне от перегрева. Фавориты по пушистости — самоед, колли, ньюфаундленд, кавказская овчарка. Реже имеет дело с овечьей, пухом козы, кролика, песца, енота, лисы, верблюда. Сегодня телефон Лены горяч от звонков и сообщений. В соцсети, в группе «Прялки-моталки», посвященной оборудованию, участники спрашивают со-

Е. Молостová и ее Айда

Супруги Молостовы с Айдой.

Фото из личного архива

вета, что и у кого купить, как продать инвентарь, чтобы не попасть в сети мошенников.

— Среди моих учениц, побывавших в мастерской, — перечисляет она, — и молодые, и женщины на пенсии, и собачники 25–50 лет, «загоревшиеся» желанием прясть, и дамы до 35 лет, не равнодушные к исторической реконструкции, и просто любопытные особы. Чаще в соцсетях отвечаю на вопросы о создании пряжи, обработке сырья, размещаю видеоинструкции, показываю атрибуты прядения, изготовленные в мастерской, изделия.

Елена считает, что инструменты лишь помогают крутить, остальное зависит от мотивации и терпения.

— Учиться лучше в подростковом возрасте, на русском веретене и негромкой самопрялке, — советует мастерица. — Она и в XXI веке вне конкуренции. Главное — усвоить техни-

ку, «приручить» орудие прядения. Сразу нужно обустроить в доме прядильное место, на стуле с высокой спинкой, освещением, и обязательно надевать респиратор. Два года труда принесут заметный результат, если не лениться, не опускать руки.

Подростком Елена дважды перенесла травмы позвоночника. Из-за безотрывной работы дают о себе знать боль в пояснице, коленном суставе, сколиоз, радикулит, остеохондроз. Поэтому она ежедневно час гуляет пешком, чтобы не было переутомления, и делает два выходных в неделю. Хорошая пряжа «видит» руками, у нее развита моторная память, процесс доведен до автоматизма.

Шерстяная ниточка в традиционном прядении в идеале одинакова, ссучена вдвое, без перекрутов, в противном случае Лена считает ее браком. Но свои правила никому не навязывает, а лишь «обращает девиц в прях». Ученицы благодарят за «шерстяные» советы.

ОТ КУПАЛЬНИКА ДО ПАЛЬТО

После долгой тренировки из самоучки-любителя Елена выросла до профессионала с 29-летним стажем. Километры нити спряла из шерстки собак более двадцати пород и других животных.

— Работаю до поздней ночи, — говорит она. — Три дня — и носки или варежки готовы.

Завораживает сам процесс, он сродни медитации. В 2011 году, оби-

девшись на слова «Да ты и платка не свяжешь», Елена за четыре месяца по правилам оренбургской техники смастерила спицами пятикруговый платок-паутинку из козьего пуха, спряденного на самопрялке. Уютных вещиц в мастерской не счесть: от носочков для новорожденного до комбинезона для двухметрового мужчины. Ребенку в самый раз пинетки, тапочки из пуха енота и шерсти пуделя, тибетского мастифа, триколорной колли. Из нежнейшего подшерстка самоеда связаны пальто, со славянским узором и ручной вышивкой, платья, пелеринки, незаменимый в ненастье бактус. Аксессуар созвучен с именем вязальщика Бактуса, героя сказки норвежского писателя. Детям и взрослым, женщинам и мужчинам рукодельница вяжет головные уборы, свитеры, джемперы, туники, жилеты, пончо, майки, снуды (воротники-манишки, корсеты, юбки), купальники, даже нижнее белье. В таких шерстяных изделиях как в печке — хоть на Северный полюс! Виртуозу-пряхе удается и комбинировать. Замечательны варежки, мужские митенки из мягкой колли в сочетании с жестким бернским зенненхундом, носочки из кавказской овчарки и ньюфа, вещи из воздушно-пекинеса, смешанного с мягким сырьем от других пород, они не слишком пушатся, и узор не «теряется». Для комбинезонов собачкам смешивают овечью шерсть с подшерстком кавказской овчарки, алабая или пухом лисы.

География заказов у Молостовых на российском и международном уровне огромна. В мастерскую, кроме петербуржцев, обращаются жители Москвы и Московской области, Энгельса, Великого Новгорода, Новосибирска, Якутска, Архангельска, Ханты-Мансийска, Краснодара... Экспортные заказы супруги отмечают флажками на карте мира.

— Три года назад уроженку Дании порадовали белоснежным пальто из шерстки самоеда и с вышивкой его мордочки, а в одну из стран ближнего зарубежья отправили накидку и пуловер из подшерстка собаки этой же породы, — рассказывает Елена. — Жителю Германии двухметрового роста выслали свитер из шерсти кавказской овчарки, и ему же — серый комбинезон из шерстки кеесхонда и гольфы 43 размера — из самоеда. Носки не раз отправляли в США, Канаду и ЮАР, а следочки и спортивные гетры — в Израиль, где зимой в домах зябко. Жители зарубежья приобретают и шерстяные изделия, и электропрялку «Ариадна».

Рукавицы, носки, антирадикулитные пояса, наколенники (нарукавники, напульсники) из колкого сырья от кавказской овчарки и двойной «полярной» шерстки белого шпица носят в целях терапии. В них спят, если ноги мерзнут. Люди верят в целебность «кусачих» изделий, надевая их при простуде. И нервы спокойнее, и голова не так болит, и мышцам и суставам комфортнее.

— После «пуховой страды» (линьки питомцев) и себе на кусок хлеба зарабатываем, и четвероногим друзьям на корм, — продолжает Лена. — Для семьи вяжу нечасто, как сапожник без сапог, но близких одариваю. Хотя они не приветствуют такие «сюрпризы», видя «изнанку» невероятно тяжелого труда. Поддерживаем московский кинологический центр «Собаки — помощники инвалидов». Для особых детишек, ограниченных в движении, некоторые владельцы «пушистиков» безвозмездно отдают шерстку. Прядем, делимся клубочками, дарим комплекты ребятам к Новому году.

В ДОМАШНЕЙ КОЛЛЕКЦИИ

У Елены образовалась дома коллекция из 14 разных электрических прялок заводской сборки советских лет, половина из них — уникальны. В числе экспонатов — «Уфа-1», «Миэла», «Вектор», «Метелица», «Чаровница», «Эрго»... И они пополняются. Шедевры инженерной мысли отличаются и производителем, и характером. Что-то приобретают, обменивают, «обрастают» чудо-орудиями для прядения. Недавняя «обновка» — электропрялка

Электропрялка «Ариадна» — гордость семьи Молостовых

конца 1980-х гг. Саратовского завода тяжелых зуборезных станков. В планах хозяйки — собрать все виды заводских электропрялок эпохи СССР и информацию о них.

— Работала и на самопрялках, — говорит Лена. — На первой березовой крошке с мизерным натяжением трудилась десять лет назад. Одушевленная беленькая самопрялочка досталась мне от пожилой деревенской женщины. Супруг не раз ее чинил, и прялочка терпела. Если я пыталась наладить, прекращала работать. Устану — и «помощница» нитку-привод сбрасывает, дергает, будто твердит: «На сегодня хватит». Если срочный заказ, то просила, чтобы позволила допрясть, и та послушно выполняла. Была и другая «рабочая лошадка» — волгоградская вертикальная самопрялка для прядения козьего пуха. Еще одна «трудяга», северная, стала прототипом самопрялки «Василиса».

«Скандинавия» изготовлена мастером Денисом Молостовым по образцу старинной финской самопрялки

В пестром домашнем собрании — самопрялка в классическом русском стиле «Василиса» 2012 года выпуска от петербургского токаря, партнера мастерской. Такая модель-трансформер, в зависимости от вкусов и стиля пряжи — медлительной и шустрой, левши и правши, — выдает нить любой толщины и подобна тем, на которых тысячелетиями трудились умельцы.

Способная пряжа найдет общий язык с самым капризным инструментом, любую нить мастерски спрядет, даже на карандаше.

Совмещая традиции и современность, супруги считают, что прядение отнюдь не архаичное занятие

бабушек, и расширяют спектр изделий. В прошлом году Лена испытала ткацкий станок. Изготовила из подшерстка самоеда тонкий женский палантин, мужу — шарф из тибетского мастифа, а после — молочно-белое одеяло из шерсти самоеда. Денис трудится у станков над новым приспособлением, которое упростит будни прях.

— В среднем в месяц мой «урожай» около 6000–8000 метров ссученной нити, то есть почти пять килограммов сырья, — подводит итог Елена и добавляет: — Прядение — моя зона комфорта. Инструменты и на даче при мне. Силами заряжает природа, лес... □

Юрий Осипов

«РУССКИЙ ДЮМА»

«...у него не было никаких убеждений, их у него заменяла свойственная ему врожденная порядочность и рано приобретенное равнодушие». Так интереснейший русский писатель первой эмигрантской волны Марк Алданов характеризует главного героя своего первого романа «Святая Елена, маленький остров», вошедшего в нашумевшую тетралогию «Мыслитель». Она посвящена ключевым событиям отечественной и зарубежной истории.

Под углом зрения центральных вымышленных персонажей описываются в этих романах подлинные вожди, за которыми следовали миллионы в водовороте гражданских войн и революций. Робеспьер, Марат, Дантон, Наполеон, Ленин, Сталин и другие исторические фигуры, как живые, встают на страницах алдановской прозы со всем своим революционным пафосом и пылом, столь наглядным еще и потому, что автору самому выпало жить и писать в эпоху глобальной войны и Революции.

Эмигрировавший из Республики Советов 1919 году и обосновавшийся в Париже, Алданов оказывал заметное влияние на эмигрантские круги и был близок со многими крупными политическими деятелями до-

революционной России, включая Керенского, Гучкова, Маклакова, Струве. Оставаясь принципиальным противником большевистской власти и коммунизма, он сумел взглянуть на описываемые им исторические катаклизмы глазами стороннего наблюдателя, а именно — особо симпатичного ему интеллигента, который ужаснулся разгулу насилия поднявшегося на своих угнетателей народа и растерялся перед громовыми событиями, не укладывавшимися в растерянное обывательское сознание.

В эмиграции одним из ближайших друзей 13 раз выдвигавшегося на Нобелевскую премию Алданова стал ее первый русский лауреат Иван Бунин. Но если выдающиеся произведения эмигранта Бунина в СССР все же по-немногу печатались, то яркая алдановская беллетристика — никогда.

Для современного отечественного читателя очевидную ценность представляют и обширные литературоведческие работы М. Алданова, прежде всего, книга «Загадки Толстого». В ней тонко прослеживаются оригинальные художественные средства гениального художника слова, эволюция его философско-исторических взглядов. По-новому трактуются и герои разных толстовских шедевров. Эта замечательная работа создана в тяжкую годину эмиграции и продиктована неизбывной тоской по родине, по ее великой культуре, которую воплощал для него Лев Толстой.

Марк Александрович Алданов, этот идейный противник Советской власти, родился аккурат в годовщину будущей Октябрьской революции 26 октября (7 ноября) 1886 года в Киеве. Семья его была состоятельной и при том весьма интеллигентной. Отец, крупный сахарозаводчик Александр Маркович Ландау, стремился дать сыну лучшее образование. Этому активно способствовала мать будущего писателя Софья Ивановна Зайцева, дочь также известного киевского сахарозаводчика.

Среднее образование Марк получал в казенной Киево-Печерской гимназии, по выпуску из которой поступил в киевский Университет Св. Владимира, где с успехом окончил два факультета — физико-математический и юридический. А затем много учился и занимался исследовательской работой в Западной Европе, увлекшись европейской историей. На этой почве он познакомился тогда с видными свидетелями эпохи — политиками, деятелями культуры и даже с императрицей

Евгенией, супругой Наполеона III. Неуемный исследовательский энтузиазм и жажда новых впечатлений потянули его помимо этого в Африку и на Ближний Восток.

Начало Первой мировой войны Алданов встретил в Париже, после чего сразу же вернулся в Россию. А там неожиданно стал работать, главным образом, по специальности химика, выступив автором ряда научных публикаций в данной области. Остается только удивляться широте эрудиции и кругозора этого еще сравнительно молодого человека, который в 1915 году опубликовал первый том литературно-критического сочинения «Толстой и Роллан». В эмиграции он переработает его в книгу «Загадки Толстого». Начало литературной деятельности Алданова с толстовской темы не случайно. Писатель всю жизнь оставался поклонником творчества и личности Толстого, под влиянием которого написаны его исторические романы.

В 17-м и 18-м годах Алданов выпустил две книги диалогов между условными «Химиком» и «Писателем» по разным общественно-политическим и философским вопросам. В книгах этих уже четко обозначились основные черты последующего творчества писателя. Они характеризуются скептической иронией по отношению к любого рода государственной политике, иронией, питающейся большим историческим опытом. Он же вызывает авторское неверие в войну как в средство утверждения справедливости, сомнение

в возможности нравственного прогресса человечества и признание огромной роли простого случая в поступательном движении истории. Ну а веру в прогресс Алданову заменила вера в высшие ценности, такие, как Добро и Красота.

Жизненный путь Марка Алданова типичен для русского эмигранта первой волны. Он приветствовал Февральскую революцию и резко отрицательно отнесся к Октябрьской. В его биографии «после России» не было столь ярких моментов, как у того же Бунина или Набокова. Он практически никогда не оказывался в центре внимания, не был предметом сплетен, не попадал в скандальные истории. И при всем том оставался одним из самых плодовитых и крупных эмигрантских романистов, бесспорным моральным авторитетом и арбитром среди российских изгнанников, чей вклад в истории русской эмиграции трудно переоценить.

Первый эмигрантский период жизни писателя пришелся на 1918–1940 годы. Вступив в партию народных социалистов, он был командирован за границу и больше в Россию не возвращался. Жил сначала в Париже, затем в Берлине и снова — в Париже. Именно в эмиграции Алданов с большим успехом дебютировал как исторический романист, причем со своим особым взглядом на историю социальных потрясений минувших веков, которым посвящена его знаменитая тетралогия и другие прозаические произведения.

Примечательно, что в них он полемизирует с литературой советской, которая воспевала активного героя, рвущегося в самую гущу событий и уверенно ведущего за собой людей. Тут можно вспомнить и «Как закалялась сталь» Н. Островского, и «Разгром» А. Фадеева, и «Мать» М. Горького, и «Поднятую целину» М. Шолохова, и еще ряд других книг социалистического реализма. У Алданова же герой — вполне себе заурядная личность, эдакий «мелкий бес» на страницах истории, песчинка в водовороте бурных событий и революци-

отказался при встрече подать руку Нестору Махно. И порвал прежнюю дружбу с Алексеем Толстым после возвращения последнего в Советскую Россию.

Показательно, однако, что там, где это было возможно, Марк Александрович старался публично оправдать вернувшихся на родину эмигрантов, как в случае с Куприным, которого, старого и очень больного, привезли в Москву родственники фактически умирать и которого Алданов тем не менее назвал офицером «своего лагеря,

Ж

изменный путь Алданова типичен для русского эмигранта первой волны. У него в биографии не было особенно ярких моментов, как у тех же Бунина или Набокова. Он практически никогда не оказывался в центре внимания, не попадал в скандальные истории. И при этом оставался одним из самых почитаемых и крупных эмигрантских романистов, бесспорным авторитетом среди русских изгнанников

онной борьбы. И вместе с тем его судьба, сама его биография получают в подобном контексте значение исторического свидетельства.

Характерное для Алданова стремление увековечить текущий момент, убеждение в исключительной роли, особой миссии русской эмиграции диктовали осознание факта личной биографии частью современной истории. Отсюда — принципиальное отношение к безупречности бытового поведения, к человеческой репутации. Известен случай, когда Алданов

не покидающим его никогда, ни при каких условиях».

Среди всей русской эмиграции во Франции и США, разных взглядов и убеждений, Марк Александрович пользовался самым теплым расположением и имел реноме «совершенного джентльмена». Недаром среди его постоянных корреспондентов были и Бунин, и Керенский, и выдающийся русский композитор Сабанеев. Причем на протяжении обоих эмигрантских периодов жизни писатель и его супруга,

переводчица Татьяна Ландау-Алданова, занимались не показной благотворительностью.

Свойственная автору особая трактовка событий мировой истории прослеживается в каждом из алдановских произведений. Так, в прологе романа «Девятое термидора» с крыши Собора Парижской Богоматери на Париж с насмешкой взирает жуткая и в то же время величественная фигура дьявола, как бы олицетворяя отсутствие логики у истории, которой

что храмы совершенно друг на друга не похожи. Оба были на редкость хороши, только киевский светел и приветлив, а парижский угрюм и страшен... Затем вместе с воином и знакомым воина, пожилым благодушным монахом, они пошли закусить в соседний кабачок».

Как и в других книгах писателя, огромные исторические события показаны здесь глазами стороннего, по сути, случайного наблюдателя, ничего в них не понимающего и не принимающего в них никакого участия. Это

Т

Толкование и характеристики исторических персонажей полны у Алданова произвольных трактовок, как, впрочем, и у других крупнейших писателей (например, у А.Н. Толстого, да и у самого Льва Николаевича). Это касается, прежде всего, романа об эпохе Александра II «Истоки», который многие литературоведы считают лучшим художественным произведением писателя

правит слепой случай. Именно он, по мысли писателя, приводит к революции — Великой Французской и Великой Октябрьской...

«...Когда дувший с реки Сены ветерок развеял запах горелого мяса и серы, а палач стал рассыпать лопатой пепел в разные стороны, они пошли дальше. Андрей Кучков очень хотел увидеть Собор Божьей Матери, но и боялся немного, как бы этот собор не оказался лучше церкви Святой Софии, которую великий князь Ярослав воздвиг в Киеве на удивление миру. Оказалось, однако,

человек законопослушный, спокойный, зачастую весьма обеспеченный, то есть обычный буржуа. Ну а лица, которые, собственно, и вершат историю, остаются как бы в тени, на втором плане повествования.

Другое дело — революционеры всех мастей, волею обстоятельств вознесенные на вершину власти. Они вызывают у Алданова жгучий, мучительный интерес. Всех их объединяет несколько отличительных качеств, повторяющихся из романа в роман и наводящих на мысль о постоянстве природы данных персона-

жей. Все они у Алданова — абсолютные злодеи, беспринципные и циничные, наподобие Талейрана, всесильного министра иностранных дел при короле, потом при Наполеоне и затем снова при короле. Умея понравиться всем и каждому, этот персонаж романа «Девятое термидора» не испытывает привязанности ни к кому, принимая решения, исключительно исходя из целесообразности.

Таким людям неведомы убеждения и понятие совести. Они для них лишь «курьезные странности, которые могут быть даже очень полезны, но не тому, у кого они есть, а тому, кому приходится иметь дело с их обладателем». Таков в романе и образ легендарного Робеспьера. Тиран и убийца, изо дня в день готовящий списки осужденных на гильотину и прячущий свою зловещую сущность под маской «друга народа», внешне скромный, демократичен и бескорыстен...

В позднем историческом романе «Самоубийство» (1958) стареющий писатель вновь прибегает к своему традиционному сюжетному приему. На первом плане появляется супружеская чета Ласточкиных. Люди обеспеченные и благополучные, они наслаждаются жизнью, придерживаясь при этом вполне либеральных взглядов. Их родственник живет с девушкой, которая вступила в большевистскую партию, была членом 1-го съезда РСДРП, видела и слышала Ленина. Личность довольно беспринципная и мало симпатичная, она легко меняет мужчин, политическая дея-

тельность является для нее чем-то вроде игры. Под стать ей и Джамбул, сын восточного помещика, тоже «играющий» в революцию. Он легко соблазняет Людмилу, но затем их пути расходятся. Подобно Людмиле, Джамбул оставляет прежние «революционные» увлечения, превращается в типичного бая и, по мусульманскому обычаю, заводит нескольких жен. Достаточно комфортно устраивается в своей новой жизни и его бывшая избранница. Революционеры, изменившие прежним убеждениям, избравшие путь конформизма, как показывает автор, живут себе припеваючи...

Конечно, романисту Алданову важно было следовать хронологии и фактологии описываемых событий. Однако их толкование и характеристики исторических персонажей полны произвольных трактовок, как, впрочем, и у других крупнейших писателей (скажем, у А.Н. Толстого да и у самого Льва Николаевича). Это касается, прежде всего, романа об эпохе Александра II и народовольцах «Истоки» (1950), который многие литературоведы считают лучшим художественным произведением писателя.

Он начал работу над ним еще в 1942 году, на недолгий срок переселившись в США. Параллельно писал рассказы на темы Второй мировой войны. К лету 45-го полностью сосредоточился на «Истоках», ставших самым объемным его романом, который еще до завершения публиковался отдельными фрагментами

в периодике. Примечательно, что, решив включить в число героев книги цирковых артистов, Марк Александрович некоторое время колесил по Америке с бродячим цирком, желая полнее изучить эту среду. Роман был закончен в 1946 году.

Первые «Истоки» были изданы двухтомником в Париже, переведены на основные европейские языки, а на родине увидели свет лишь в 1990 году. В свое время Книжное общество Англии назвало «Истоки» лучшей книгой месяца.

Роман посвящен истокам революционного движения и политического терроризма в России. Действие его происходит в 1873-1881 годах. Исторические персонажи, как обычно у Алданова, соседствуют здесь с вымышленными героями, в уста

которых автор вкладывает пространные философские рассуждения и возвышенные сентенции. Они отнюдь не умаляют увлекательности динамичного сюжета и не обесценивают острые психологические портреты действующих лиц в реальной атмосфере эпохи.

«Гул выстрелов был очень силен; номер гостиницы выходил окнами на Исаакиевскую площадь. Мамонтов не сразу догадался, что это салют. Потом выругался, зевнул и опять опустил голову на подушку, лениво считая выстрелы. "Ну, хорошо, не довольно ли? Я решительно ничего не имею против их свадьбы, но зачем они мешают людям спать? Семь... восемь... Я думал, началась революция... Кажется, что-то о революции и снилось... Не хочу, чтобы больше стреляли..." Мускулы на его худом приятно-некрасивом лице обозначились сильнее, точно от физическо-

го усилия. Но попытка подавить салют усилием воли не удалась. "Значит, завтра «новая жизнь»... Но и старая была очень, очень недурна... Стоило ли уезжать?.."»

Размышляя о культурном наследии и пренебрежении этим наследием во имя отвлеченных идей, писатель фактически остается в кругу вечных тем классической литературы. И горьким диссонансом с внешней занимательностью повествования, его выразительной композицией звучит мотив бессилия человека перед Судьбой, тщетности человеческих усилий управлять бурным историческим потоком, который несет нас всех неведомо куда. Не случайно, наряду с элементами детектива и мелодрамы роман Алданова включает в себя элементы высокой трагедии.

Трагическое мироощущение усиливается в последние годы жизни Марка Александровича, накладывая отпечаток на поздние произведения писателя. Как и в «недосказанных» «Истоках», он продолжает там традиции исторической беллетристики Ю. Тынянова, который, живя в СССР при Сталине, по цензурным соображениям многое утаивал, о многом писал полунамеками, не договаривал, оставлял «за кадром».

Алданов руководствовался в своих «недоговоренностях» не цензурными, а этическими, как бы мы сказали сегодня, политкорректными соображениями, опасаясь, очевидно, крайних, экстремальных сужде-

ний и оценок. Так обстоит дело в его фатальной «Повести о смерти» (1952), где главным героем является Бальзак и где речь, опять-таки полунамеками, идет об авторском ощущении некоего «удушения» Европы в конце 40-х годов прошлого века, когда писалась эта вещь. Мысли Алданова, однако, занимает не Европа, а николаевская Россия эпохи так называемого «мрачного семилетия».

На страницах романа появляется Петрашевский, рассказывается о придуманном властями «заговоре» участников его просветительского кружка, куда попал и молодой Достоевский, и делается существенный вывод о том, что общество — французское при Луи Филиппе и русское при Николае I, — пройдя через период реакции, внутренне готово к революции, которая это общество, увы, не спасет, ибо оно уже мертво. Возможны лишь косметические изменения.

О смерти в романе постоянно думают все персонажи, начиная с самого Бальзака. Думают и ни к чему не могут в результате прийти. Французская революция 48-го года ничего не спасет, поскольку поздно спасать! И для всего уже поздно, утверждает автор. Поздно влюбляться герою в чудесную женщину, поздно Бальзаку жениться на Ганской, поздно появляющемуся в романе проездом Гейне мечтать о возвращении в Германию... Умерло, по Алданову, что-то главное, умер прогресс, умерли великие просветительские идеи. Время упущено. Жизнь обесценивается. Непонятно, зачем жить. Об этом

«Повесть о смерти». Темп повествования, в отличие от теоретических работ Алданова, в этой художественной прозе стремительный, даже резковатый. А интонация «Повести о смерти» — грустная, можно сказать, старческая, интонация подведения итогов.

Она же отличает еще один итоговый, философский роман писателя «Живи, как хочешь», изданный в том же 1952 году. Действие его разворачивается на борту океанского лайнера, плывущего из Европы в Америку. Разветвленный сюжет органично соединяет детективную и мелодраматическую линии, затрагивает тему международного шпионажа, да еще включает две оригинальные пьесы — «Рыцари свободы» и «Детектор лжи». Автор к тому же решил вывести в романе героев своих предыдущих книг: Николая Дюммлера из «Истоков», Надежду Ивановну из «Начала конца», Дона Педро и Виктора Яценко, мелькающих в трилогии «Ключ», «Бегство» и «Пещера».

Алданов рискнул пойти на такую «ослабленную» фабульную структуру, поскольку считался в 50-е годы одним из лучших писателей русской эмиграции, его переводили во многих странах. Однако, тогда как критики высоко оценивали его книги, читательская публика их не слишком жаловала. Вот Марк Александрович и задумал добиться коммерческого успеха, закрутив авантурную интригу и прибегнув к апроби-

рованным рецептам развлекательной литературы, причем в романе, который наделен серьезным философским смыслом.

Эксперимент не слишком удался. Критика встретила роман прохладно, а читателей по обе стороны океана отпугнуло соединение беллетристики с отвлеченными рассуждениями, да еще включение в прозаический текст двух пьес. И тем не менее, объемное произведение, завершающее творческий путь Марка Алданова, по прошествии без малого семи десятилетий со дня издания обнаруживает ряд бесспорных художественных достоинств и по-другому воспринимается современным читателем, воспитанным на постмодернистской прозе с зачастую «дробным», разорванным сюжетом и свободными переходами от вымысла к эссеистике.

Сам автор в кратком предисловии к роману вопрошает читателя: «Разве существуют правила, вне которых написанная история должна носить какое-либо другое название? Каковы же эти пресловутые правила? Откуда они взялись? Кто их установил?». И — пускается в роман, как в большое плавание, изобилующее встречами с подводными течениями, неведомыми бухтами, заливами и испытывающее путешественников то мертвыми штилями, то штормовыми ветрами... «Даль свободного романа» — лаконично определил бы подобное литературное предприятие Пушкин.

Судьба героев алдановской эпопеи чаще всего расходится с жизнью, а жизнь в череде нелепых событий и поступков не становится судьбой. Но героям все кажется, что вот она, мелькнула за поворотом, и надо только протянуть руку...

«Надя теперь ходила в церковь... умела себя ценить, и отчасти поэтому ее ценили другие. Но в России ей не везло. Пробовала писать рассказы, принят был только первый... Не повезло и с браком... На прощание

служила в ресторане... Когда война кончилась, она как-то перебралась во Францию... затем временно переселилась в Ниццу. Хотела там работать, совершенствоваться в английском языке, быть ближе к студиям».

В Ницце заканчивалась и многотрудная жизнь Марка Алданова. Жилось тогда на Лазурном берегу, как это ни парадоксально, дешевле, нежели в Париже.

В последние годы писатель, подобно многим русским эмигрантам,

М

ногократные выдвижения на Нобелевскую премию Алданов «заносил» в актив Отечества. В итоге ему одному из представителей русской культуры за рубежом удалось сохранить свою репутацию незапятнанной, заслужив даже полушутливое прозвище «принца, путешествующего инкогнито»

муж устроил ее в кинематограф... Этим делом она увлеклась... не без успеха играла второстепенные роли в трех фильмах. В 1940 году ей дали небольшую роль в фильме о кознях западных держав... Когда началась война с Германией,.. труппе было приказано вернуться... временно в Саратов... Надежда Ивановна за два дня до отъезда труппы притворилась больной, слегла в постель, плакала и клялась недовольному начальству, что вернется, как только хоть немного поправится...

Так Надя осталась за границей... Не прожила в Константинополе сбережений и в следующие четыре года

стал масоном, основал нескольких масонских лож во Франции и США, был возведен в высокую степень «оратора», убежденно соотнося свои взгляды с масонскими представлениями о «жизнестроительстве». Он до конца продолжал многообразную общественную деятельность и уподоблял себя дипломату, ежедневно в официальных выступлениях и в быту представляющему Россию, с которой в душе не расставался никогда.

Многократные выдвижения на Нобелевскую премию в предвоенные и послевоенные годы Марк Александрович тоже «заносил» в актив Оте-

чества. В итоге ему одному из немногих представителей русской культуры за рубежом удалось сохранить свою репутацию незапятнанной, заслужив даже полушутливое прозвище «принца, путешествующего инкогнито».

Он скончался в феврале 57-го, успев проводить в последний путь Бунина, через три месяца после своего 70-летнего юбилея. Ночью подошел к окну, открыл форточку, внезапно упал и умер. Газетное издание почти законченного романа «Самоубийство» вышло уже после кончины автора.

Похоронили Марка Александровича на русском православном кладбище Кокад вблизи западной окраины Ниццы с ее живописным парком. Второе по размерам русское кладбище во Франции (первое — парижское Сент-Женевьев-де-Буа) было открыто еще в 1867 году и послужило местом упокоения более чем трех тысяч российских подданных и эмигрантов.

Староста этого приходского погоста князь А. Оболенский в числе тех, кто навещает всегда ухоженную могилу писателя. При виде ее в пышной зелени олеандров на память невольно приходят магические тютчевские строки: «О, этот юг: о, эта Ницца... О, как их блеск меня тревожит — Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет и не может».

В начале 2006 года ежеквартальный литературно-публицистический

журнал русского зарубежья под названием «Новый журнал», который без перерыва выходит в Нью-Йорке с 1942 года и идея которого возникла у Алданова во время войны, учредил Литературную премию его имени, присуждаемую за лучшую повесть года на русском языке за пределами РФ.

С 1987 года произведения писателя регулярно издаются у нас в стране. Творчеству Марка Алданова посвящено несколько монографий. В 1992 году наш известный кинорежиссер Павел Чухрай снял в проекте «Русские повести» совместный российско-французский фильм «Ключ» по одноименному алдановскому детективу с участием таких популярных актеров, как А. Кузнецов, А. Ромашин, А. Калягин, А. Серебряков, В.С. Мехов.

Архив писателя насчитывает десятки тысяч писем, Главная тема их — судьбы Родины и эмиграции. Алданов осознавал себя хранителем фактов. А слово эпистолярное в его понимании тоже является фактом. Особенно для изгнанников, лишенных родной почвы. *«Эмиграция, даже в смысле физического здоровья, очень тяжелая вещь, — писал он. — Она изнашивает человека... Я по крови не русский, но думаю, что если бы я еще раз мог увидеть Россию, особенно Петербург и Киев, где я родился и провел детство, то это удлинило бы мою жизнь».* □

Борис Пастухов: СОТРУДНИЧЕСТВО

Давнее знакомство — поразительная вещь. Подчеркну — не общая работа, не партнерство, как ныне выражаются, а именно — знакомство, когда пересекаешься хотя бы по делам, но не всегда обязательным, хоть и с интересом, но мимолетным, не свидетельствующем о постоянстве.

В таком знакомстве легко потерять взаимность, но люди достойные, глубокие, постоянные в своих чувствах, к которым я отношу Бориса Николаевича Пастухова, тем и сильны, что сквозь разрывы во встречах, во времени, даже в «смене веж» оставались «остойчивыми» — а это кораблестроительный термин, означающий в морском деле, что судно держит удары океанских волн, что оно не перевернется никогда, ни под каким ударом судьбы. Таких остойчивых и устойчивых людей надо бы беречь окружающему их миру — но беда в том, что сам-то этот мир не всегда тверд и надежен. А лишь надежность ценит надежность и равняет судьбы по себе.

Я был представлен Борису Николаевичу в 1966 году, вступая инструктором в коридоры ЦК комсомола. Первым был Павлов, а Пастухов отвечал, почитай, за все. Встреча состоялась, разумеется, протокольная, я в ЦК отработал всего

полтора года, соскочив в «Смену», на должность третьестепенную — ответственного секретаря, но перво-степенную в сфере качества текстов, взаимоотношений в редакции, журналистской изобретательности и всего иного, что превращает газетное ли, журнальное ли дело в круглосуточно крутящийся механизм.

Был в этом моем «побеге» один тайный, но безгрешный помысел: мне хотелось писать. В несколько «бесквартирных» месяцев, когда семья моя жила в Новосибирске, а я ночевал в «Юности», после работы, оставаясь в цековском кабинете (на шесть столов), я написал свою первую крупную вещь. Однако это не совпадало с негласными «правилами игры», и я предпочел «посторониться».

Словом, семь лет я почти не появлялся в ЦК, тяжело заболел, а после операции мне предложили возглавить «Смену». Еще 13 с половиной лет.

Может, потому, что теперь я появлялся на еженедельных планерках в ЦК, а БН, как его все звали, стал первым, может, потому, что «Смена» выходила дважды в месяц и была комсомольским «Огоньком», только моложе, то ли делаемое нами совпадало с желаниями лидера комсомола, но у нас с Борисом Николаевичем возникли добрые личные отношения. Хотя и не без одного лишь — преодоления: ведь тогда вся журналистика считалась подручной партии, а, значит, комсомола, следовательно, должна была подчиняться во всем и всегда.

Понять можно — тираж у журнала 1,5 миллиона.

Литераторская моя судьба укрепилась, едва ли не каждый год «Юность» печатала мою новую повесть. Может, по этой причине первый секретарь ЦК в один прекрасный миг предложил мне создать и возглавить Всесоюзный совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ. Я взялся со взрослой серьезностью, и в короткое время, до ухода БН, совет с отделом культуры ЦК комсомола сделали множество светлых дел — занимались культурой молодых селян, закрепили шефство интеллигенции за детскими домами по всей стране, собрали огромное множество книг для сельских детских библиотек, раскрутили всесоюзные и международные фестивали и конкурсы... БН одобрял всякую добрую идею. На Бюро и секретариатах ЦК тема социальных интересов молодой интеллигенции звучала системно и не казенно.

Часто думаю в глубокой печали: вот уже и никто не вернет нам в сердце вошедших съездов комсомола, этот громадный шеститысячный зал в Кремле, ребята — искренние и надежные, на которых могла положиться великая страна и которые готовы, не думая, шагнуть туда, где они нужны. А первый секретарь на трибуне произносит вещи пусть порой и повторяемые, но связанные с чувством, с добром, с искренней совестью. Ведущие молодых на благое дело! Какой же это редкостный, но возвышенный труд — не просто

взывать, а приводить к результату. Быть настоящим лидером молодого народа великой державы.

Да простят меня иные, но БН мне при исполнении этой миссии — лидера юного племени страны — всегда виделся серьезным, конструктивным, возвышающим, грамотным, искренним. Таким, каким и должен быть лидер комсомола.

Он относился к этому понятию и смыслу — комсомол — с непреходящим достоинством и честью. Позже он бывал занят разнообразнейшими обязательствами, но комсомол для него — святое, кто бы и когда бы не лгал на него.

Комсомол — это призвание Пастухова и им исполненный долг.

А из личной памяти не выброшу мой «полтинник». БН сначала прислал официальное письмо, потом пригласил к себе и оглушил невероятным: принято решение об издании моего собрания сочинений в 4 томах. В сорок-то — пусть и с гаком — лет! Говорю откровенно: это была полная и радостная неожиданность. Собрание издали — нынче такое и представить немислимо! — 150 тысячным тиражом. Поклон и благодарность Володе Десятерику — это было действие его «Молодой гвардии».

Еще через какое-то время — публичная атака на БН, и я — ее нечаянный свидетель. На «масштабном» совещании в Большом ЦК Лигачев вдруг публично начинает клеймить Председателя Госкомиздата СССР за низкий уровень полиграфии в стране. Не знаю до сих пор, подчи-

нялось ли производство полиграфической техники Госкомиздату, но язвил Лигачев с яростью, достойной применения куда как более справедливого.

Не только я понял, что БН становится жертвой чьих-то интриг.

К тому времени появился Фонд, мне по его делам пришлось лететь в Голландию, и оттуда, от тамошнего посла, я позвонил БН, который был назначен послом в Данию. Помню, каким грустным был этот разговор. Борис Николаевич печалился, что его посадили в «золотую клетку», и совершенно определенно хотел, чтобы его перевели туда, где тяжко. Я отговаривал, как мог — ну, не хотел я, чтобы его отправили на «линию огня». И вот тут, как всегда на поворотах судьбы, он оказался самим собой. Скоро все узнали, что БН обратился с соответствующим письмом в надлежащую инстанцию. И его отправили именно в Афган — не в лучшие для нашей страны времена. Позже стало известно, что он награжден за эту работу боевым орденом Красной Звезды — у многих ли послов такие-то ордена!

После возвращения из этой «южной» командировки, мы встречались постоянно. Не часто и не редко, но — постоянно. Я приносил Борису Николаевичу мои новые книги, и он читал их всегда с сердечным вниманием. Навсегда помню длительную встречу на троих с Е.М. Примаковым, которому я передал мое повторное послание о положении детей-сирот, уже после его ухода из

правления, а перед тем две или три встречи с Примаковым в МИДе. И там, и там главным, по-нынешнему, «модератором» всегда был Борис Николаевич — личность неординарная, сердечная, истинно открытая и дружеская.

И будучи министром по делам СНГ, и работая в Торгово-промышленной палате, и в Международном торговом центре, БН для меня и для моего духовного выбора оставался своего рода стержнем, человеком, с которым можно говорить в открытую о самом больном и неприятном. Это чувство, это отношение давно уже слилось в какое-то неколебимое сознание человеческой общности и почитание того, что делалось многими из нас искренне и надежно.

Ну, во-первых, он был многолетним членом Президиума правления Детского фонда. И вот, настает день 30-летия этой организации. 14 октября 2017 года мы собрали в Колонном зале «Международный съезд волонтеров детства», куда я пригласил, разумеется, Бориса Николаевича. Рано утром прихожу туда, полный забот и ожиданий, и вдруг звонок. Борис Николаевич говорит, что извиняется, но придти не может, потому что ночью умерла Жанна Павловна. Я просто задохнулся — и от печального известия, и оттого, что Борис Николаевич еще извиняется передо мной и фондом, хотя, наверняка, ни о каких звонках от него в то утро и речи не должно бы быть, но он был поразительно ответственный человек.

Помню и прощание с Примаковым в Колонном зале, которое, конечно же, организовал Пастухов. Он стоял в сторонке, я подошел к нему, мы обнялись. Я знал, что БН провожает ближайшего и самого доверенного соратника, с которым дружил десятки лет. Он держался строго, даже жестко, как бы прикрывая этим свою воспаленную душу. Не всем дано было разглядеть его смятение, но оно буквально — не могло не бушевать.

И еще об одном не могу не вспомнить. Мне довелось ездить в Можайск по делам фонда, и я пригласил с собой несколько волонтеров — студентов из Юридической академии имени Кутафина, которых привезла Надежда, дочка БН, работавшая тогда там. А приехали мы к ветерану, который, несмотря на старость и крайнюю личную бедность, каждый месяц присылал для фонда на мое имя небольшую сумму в почтовом конверте, не доверяя никаким переводам, и на каждое письмо получал нашу открытку-благодарность. И это продолжалось годами. Квартира ветеранская поразила и меня, и ребят своей убогостью — он жил один, и за ним некому было ухаживать, — и все это, вместе взятое, не могло не потрясать: наш духовный соратник, участник войны, отдавал последнее, что мог бы истратить на себя. Я с такими историями встречался постоянно за годы работы фонда, кстати, по мере ухода стариков, таких примеров становится все меньше — явно меняются

поколения, и уходящие уносят, необратимо уносят с собой свое доброделание.

Словом, поклонившись старцу и поговорив с ним, мы разъехались, и я по дороге домой решил заехать в Петрищево, в музей Зои Космодемьянской. И снова испытал скорбь. Музей, деревянное здание, построенное комсомолом к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в 1957 году, совершенно одряхлел. Сотрудники работали изо всех сил, но крыльцо проваливалось, крестьянский дом, где легендарная Зоя провела последнюю свою ночь перед казнью, был просто заколочен. Тоска и запустение, и никакой священной памяти.

Возвращался я домой убитым, держал все это в душе, пока не подвернулся счастливый случай. Рогозин, бывший зампредом правительства, пригласил на встречу литературного свойства, и я рассказал ему про Петрищево. Он ответил, что как председатель Попечительского совета Военно-исторического общества скоро проводит его заседание и обязательно расскажет там об этом.

Заседание произошло, настала пауза, и вдруг меня зовут в Петрищево на открытие отреставрированного «дома Кулика», где пытали Зою — а пригласил министр культуры Мединский, он же и глава общества. Предполагалась церемония открытия, и я тут же предложил позвать туда первых секретарей ЦК ВЛКСМ разных лет, да и вообще ветеранов комсомола. Предложение приняли, а Детский

фонд заказал большую копию портрета Космодемьянской в дар музею.

И вот автобус с ветеранами комсомола, а среди них Тяжелников и Пастухов, отправились в Петрищево. Мне почему-то Рогозин и Мединский отдали право ведения митинга возле памятника Зое, где выступили и Евгений Михайлович, и Борис Николаевич, потом открыли реставрированный дом, я вручил портрет Зои, и мы собрались на совещание.

Я рассказал, каково вообще положение музеев, посвященных героям-комсомольцам, — оно было печально унылым. Предложил реставрировать их повсеместно, превратив устаревшие сооружения в национальные святыни России, наладить детские экскурсионные потоки, снова и снова приводить новые поколения в места совершения подвигов.

До сих пор внятно помню выступление Бориса Николаевича. Он сказал примерно так:

— Да все Минское шоссе достойно быть признанным дорогой мужества. Тут и Бородино, Можайск, и Гжатск, и Ржев, и Смоленск, в конце концов. Оно способно каждым своим километром напоминать людям о подвиге народа, учить детей и молодежь отечественной истории.

Осенью, 13 сентября, теперь уже на могиле Зои Космодемьянской на Новодевичьем кладбище, снова собрались секретари ЦК комсомола. Возложили цветы. Сказали добрые слова. Говорил и Борис Николаевич. Кто бы знал: обращается к памяти Зои в последний раз.

И еще несколько последних — кто бы мог только помыслить — штрихов.

Мэр Москвы предложил мне возглавить комиссию по присуждению премии имени Николая Островского. Такая награда существовала и раньше, но прежде имела всесоюзный, а потом и всероссийский характер. Сейчас обрела лишь столичный статус.

И в 2019 году я внес кандидатуру БН по номинации — пропаганда творчества Островского — ведь это именно в его бытность Председателя Госкомиздата вышло последнее (и на сей момент) собрание сочинений легенды советской эпохи. Да и вообще, лидер комсомола, его первое лицо на любом отрезке истории всегда был полномочным, личным послом Николая Островского — непревзойденного символа служения Отечеству.

Надо сказать, что я в тот день уезжал, хоть и в короткий, но отпуск, и что-то меня стало тревожить, какая-то незавершенность события. Я договорился с учредителями и по дороге на вокзал заехал к Пастуховым. Борис Николаевич говорил короткими, рублеными фразами, и понятно, что мне самому пришлось изложить сущность события. Рад, что мне удалось выполнить даже какую-то миссию, что ли, своеобразное поручение чести — передать диплом и Почетный знак от Николая Островского — Борису Пастухову. В благодарность за его верное служение Родине.

Через год мне стукнуло 85, я пригласил Пастухова, и он ответил: обязательно буду. Но не приехал, а по-

здравил по телефону — все так же коротко, напрягаясь.

А через три недели я получил Указ Президента о создании Общероссийской общественно-государственной организации — «Фонд защиты детей», и тотчас позвонил Борису Николаевичу. Он ответил троекратным «Ура!!!»

Вот с этим «Ура» он и ушел — для меня — из жизни.

Думая о горестной череде ухода первых из первых, лучших из лучших, поневоле ловлю себя на мысли: вот когда умирает комсомол.

И еще: большой вопрос, надолго ли сохранится память о тех, кто служил ему верой и правдой, олицетворял его, отвечал за него, принимал на себя бремя проводников, первоходцев, избранников.

Надолго ли сохранится то, что должно бы быть святым в истории, но что уничтожается, опрощается, обесценивается всем ходом смены социальных устройств, твердо, правда, и неизменно подтверждая окружающее: предательство — разрушительно, верность — спасительна, а история — едина, на все времена, какими бы они не достались в них живущим.

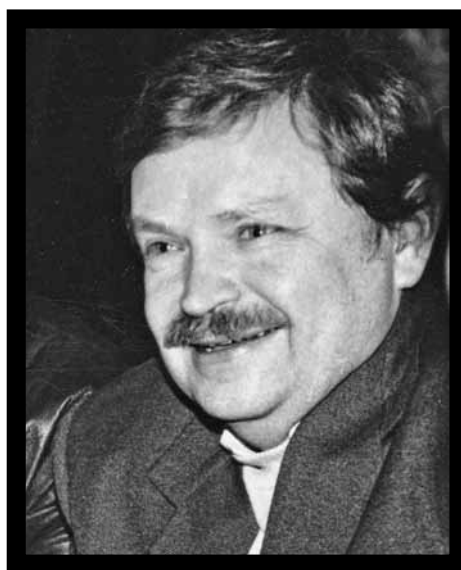
Какое хорошее слово: соратничество. Это значит, что люди, называющие себя соратниками, принадлежат одной рати. Они одной масти, единой веры.

Именно таким был Борис Николаевич Пастухов: надежным, убежденным, постоянным.

И многими — незабвенным. □

ОТ РЕДАКЦИИ

В июле 2021 года позвонил Альберт Анатольевич Лиханов и сказал, что хотел бы предложить редакции свои воспоминания о Юлиане Семенове — замечательном писателе и авторе «Смены», которому в октябре 2021 года исполнилось бы 90 лет. И в октябрьском номере «Смены» наши читатели с большим интересом прочли эссе «ЮЛИАН. ПРИКОСНОВЕНИЕ».

А в начале декабря предложил еще один материал — о Борисе Пастухове, которого он не просто хорошо знал, но и был с ним дружен еще с тех времен, когда Борис Николаевич был первым секретарем ЦК ВЛКСМ, а Альберт Анатольевич — главным редактором журнала «Смена». Материал опубликован, но, к сожалению, имя и фамилия автора отмечено в черной рамке, поскольку 25 декабря 2021 года Альберт Анатольевич Лиханов скончался в возрасте 86 лет.

Многие годы он проработал в журнале «Смена» — сначала ответственным, а потом в течение 13 лет был его главным редактором. За это время стал одним из самых известных и самых читаемых писателей. В 1988 году создал Всесоюзный детский фонд и вдохнул в него жизнь. И, несмотря на последовавшие катаклизмы — развал СССР — сумел не только сохранить «Российский детский фонд», но объединить аналогичные фонды бывших советских республик в Международной ассоциации детских фондов, Президентом которой являлся до конца своих дней. Десятки лет своей жизни он посвятил защите самых несчастных и обездоленных детей. Детей, у которых не было родителей. И служил этому ежедневно и ежечасно.

Светлая память о честном, равнодушном к людским бедам и неумимом в делах и творчестве человеке, на чьих книгах выросло и вырастет еще не одно поколение таких же честных, добрых и отзывчивых людей, останется в их сердцах!

Царствие небесное Альберту Анатольевичу Лиханову!

Лидия Козлова-Танич

Ей, поэтессе и музе знаменитого поэта-песенника Михаила Танича, художественному руководителю группы «Лесоповал» и члену жюри телешоу «Три аккорда», недавно исполнилось 84 года. В это трудно поверить!

Фото
из личного
архива

«Я верю
в чудеса —
потому
они со мной
и происходят»

— Лидия Николаевна, знакома с вами много лет и неизменно поражаюсь вашей неувядающей красоте. И знаю, что пластические хирурги здесь ни при чем. Как вам это удается?

— Наверное, это потому, что меня никогда не покидало чувство: как хорошо на свете жить, как хорошо

услышать хорошую песню, прочитать хорошие стихи! А еще, когда мне бывает плохо, я обращаюсь к окружающему миру, и он отзывается. Я вообще со всеми вещами разговариваю. «Стульчик, — говорю, — ты совсем ветхий стал, того и гляди, подо мной развалишься. Ты уж, пожалуйста, продержись».

И он слышит — скрипит, но не разваливается! Еще помню случай. У нас была дачка в Прибалтике, где от крыльца до калитки по обеим сторонам дорожки стояли молоденькие деревца, и их ветки торчали в разные стороны. А я, много путешествуя с Таничем по Европе, видела рядом с тамошними дворцами и замками аллеи: стоящие напротив деревья сплетались ветками, и получалось что-то вроде арки. Очень красиво! Наверное, эти ветки как-то связывали между собой, чтобы они так росли. И я начала обращаться к своим деревцам: ну вот, я сейчас уеду на зиму в Россию, ну что вам стоит — завейтесь, сделайте мне аллею, как во дворцах! В конце весны приезжаю — они услышали мою просьбу! А потом за год-два деревца эти полностью создали арку, аллею... Там же в саду стояла у нас старая груша, в которую ударила молния и отбила кусок ствола. Думаю: что же делать? Она же живая, она же помрет. Нахожу яблоню, большой росток, зачищаю «раны» и привязываю росток к груше. Ничего ведь в этом не понимала, но — приросло! И стали на этой ветке вызревать странные плоды — яблоки-груши, что-то среднее, черт знает что! И я поняла, что со всем, что нас окружает, можно разговаривать. И непременно будет ответ. Одним словом, у меня со всем миром такие прекрасные дружеские отношения. И я верю в чудеса — потому что они со мной и происходят.

— У вас ведь и сейчас есть эта дача в Прибалтике?

— Нет, той, с аллеей, уже нет. Сегодня у нее другие хозяева. Есть дом, который я купила на свои кровные. Танич сказал: «Лида, ты же получила гонорары за свои песни (Лидия Николаевна автор многих песен, в том числе хита «Айсберг», спетого Аллой Пугачевой. — Прим. авт.), за книжечку стихов — трать эти деньги на что хочешь». Я и потратила — купила двухэтажный дом в Прибалтике рядом с морем. Но это было еще в советское время, дом стоил дешево. Когда я летом собираюсь туда лететь, всегда планирую: вот приеду, сяду в Мишино кресло за его письменный стол и напишу воспоминание о нашей жизни! Но каждый раз себя останавливаю. Мне кажется, что, если ты себя понуждаешь к творчеству, это и не творчество, а лишь желание прославиться. Одним словом, пока я не чувствую себя вправе всерьез взяться за такой труд. Но, может быть, если буду жива, сделаю это в ближайшие два года — к столетию Танича.

— Вот вы сказали, что радуетесь чужим хорошим стихам...

— А как иначе? Не злиться же, что вот эти замечательные строки написал кто-то, а не ты. Помню, Танич однажды из издательства, в котором у него выходила книжка, принес сборник стихов поэтессы Веры

Павловой, который подарили ему девочки-редакторы, но предупредили: «Михаил Исаевич, там есть стихи с... обсценной лексикой». И вот он приходит домой и рассказывает мне эту историю. Я беру книжку, открываю, и первое же стихотворение, которое читаю, приводит меня в такой восторг! Бегу к Таничу, чтобы поделиться. Миша в это время лежал на диване с газетой. Читаю ему те строчки, которые меня поразили, и он говорит: «Да, здорово!» А строчки такие: «На старом, стоптанном диване, / на пыльном рваном покрывале, / прикладывали рану к ране, / и раны сразу закрывались. / И виновато улыбаясь, / стыдясь, не говоря ни слова, / мы друг от друга отрывались, / и раны открывались снова...» Ну — восторг же!

И, знаете, однажды я смотрела по телевизору последнее интервью Бродского, он его давал в Венеции, и было видно, что уже сильно нездоровый. В конце долгого разговора о его поэзии, журналистка задает ему вопрос: «Какое у вас самое любимое стихотворение — из ваших?» Бродский молчит, молчит, а потом начинает читать... Пушкина: «Я вас любил...» Лауреат Нобелевской премии, гений — а читает строки другого поэта! Вот это — величие души...

— Михаил Исаевич называл группу «Лесоповал» своим любимым детищем. А ведь многие

считают, что песни, которые поет группа, это такая... тюремная романтика.

— У Танича в одном из последних стихотворений есть такие строчки: «Улыбнись, Россия, на свою дорогу. / Мало ли что было. Все не пережить. / Если что, ты всех нас кликни на подмогу, / Потому что все мы — это ты и есть». И это главное, ради чего Миша создавал «Лесоповал» — отвращать души человеческие от дурного, от корыстного. Вот человек ворующий думает: сейчас наворую и буду счастлив. Не будет! Потому что счастье и преступность — две совершенно полярные вещи. Это мы и пытаемся рассказать в своих песнях. Мы не пропагандируем преступления, мы просто выслушиваем человека, который, пройдя через этот ад, понял, где и в чем он ошибся, который осознал, как надо жить, и он об этом рассказывает в песне. Думаю, это людей и привлекает, ведь группа «Лесоповал» существует много лет, и у нее целая армия поклонников. А у тех, кто видит в этом какую-то тюремную романтику, просто, наверное, глухота сердечная.

— Вы теперь художественный руководитель «Лесоповала». Довольны своими brutальными ребятами?

— Очень. Они замечательные. Конечно, у каждого, наверное, есть недостатки, как и у меня. Но они, например, за все 30 лет ни разу при

мне не выругались матом, ни один из них. Даже такой был случай. Сидим как-то, вспоминаем Юру Никулина. А он часто бывал у нас дома, они с Мишей дружили. Помню, спрашивает: «Лидя, что ты собралась делать?» — «Борщ варить». — «Ну, давай я тебе помогу, картошку почищу». Юра каждое утро звонил и рассказывал Таничу какой-нибудь анекдот. И я запомнила день, когда он так же позвонил, рассказал, а потом говорит: «Ладно, все, меня увозят на операцию». И с той операции он уже не вернулся... Так вот, вспоминали мы тогда Юру, и ребята попросили рассказать тот, последний анекдот. Он был короткий и с ма-

терком. А у нас все солисты с музыкальным образованием, а тот, который особенно упрашивал, еще и университет окончил, скромный такой парень. «Ладно, — говорю, — слушайте». Рассказала. Так этот скромный Илья чуть под стол не полез от смущения!

— Лидия Николаевна, а вы с криминалом хоть раз сталкивались?

— Был такой случай. Это 90-й год, в стране неразбериха и бандитизм. Для нашей семьи это тоже было время неблагоприятное, Танич сочинял в стол. И вот в один из дней, когда я была дома одна, в нашу

дверь постучали. А я человек в таких делах наивный, когда стучат в дверь — я просто открываю. С улыбкой. Открыла. Вижу — стоит двухметровый лоб, да еще подшофе. Я на него смотрю — он на меня. И я понимаю — считываю каким-то образом всю его душу, — что передо мной бандит, который пришел грабить мою квартиру. Тогда это было в порядке вещей. И он на меня смотрит и тоже что-то считывает. И вдруг этот амбал говорит: «Быстро запри дверь изнутри». Я на автопилоте закрываюсь и думаю: «Господи, вот он бы меня сейчас долбанул по башке, и я бы трупом лежала — выноси всю квартиру!» Бегу к окну в кухне и вижу — внизу стоят еще два бандита. Видимо,

первого отправили, чтобы меня ликвидировать, а эти бы двое потом пришли грабить. И по поводу этой истории я вот что думаю: в любой человеческой душе есть эта искра божья, которая может остановить его перед плохим деянием, перед совершением преступления. Душа все равно требует покаяния и справедливости. Вот что этого мужика остановило? Я думаю, в нем встрепенулось именно это чувство. Кстати, когда я рассказала этот случай одному знакомому, он сказал: «Лида, у тебя такой сильный ангел-хранитель!»

— Ваш брак с Михаилом Исавичем — из тех, что заключаются на небесах. Но была ли в

Михаил Танич и группа «Лесоповал»

характере Танича какая-то тяжелая черта, с которой вам приходилось мириться?

— Нет, во всяком случае, я ни с чем подобным не сталкивалась. Вообще Миша был настолько правильный человек! Когда между нами случалось какое-то напряжение, он не скандалил, а просто, если это происходило в нашей квартире, уходил в другую комнату. И я понимала: надо идти мириться. Он и с другими людьми так поступал. Никогда не выяснял отношения. Если разочаровывался в человеке, не принимая его какого-то поступка, просто говорил: «Все, мы прекращаем отношения». Не было мелочной разборки, битья морд, кляуз. И я уже из сегодняшнего дня понимаю, как правильно Танич поступал. А я сердобольна, мне все вре-

мя казалось, что он слишком жесток. А он был просто тверд в своих принципах. Был такой случай. Когда Миша уже стал знаменит, тот человек, который написал на него донос, после чего Танича (фронтовика!) отправили в лагерь на лесоповал, позвонил ему: «Прости меня, Миша, ради бога!» Я при этом разговоре присутствовала. Танич ответил: «Я не знаю, почему ты это сделал, но я не могу тебя простить, только Бог может». А им обоим — уже за восемьдесят! А знаете, что он тогда написал в доносе про Мишу? Что Танич хвалил немецкие дороги! И этот же человек еще двух ребят таким же образом послал, по сути, на смерть. А был он очень влиятельным и обеспеченным — и просил прощения! Но Танич не простил. После того звонка где-то

через месяц этот человек полетел на каком-то легкомоторном самолете и разбился. Как тут не поверить, что за каждый низкий поступок рано или поздно приходит расплата?

— Вы говорили раньше в интервью, что Михаил Исаевич вам часто снится. Это продолжается?

— Конечно. Но он мне снится как-то по-деловому. Я этому удивляюсь, потому что при жизни Миша всегда мне что-то смешное рассказывал, все-то у него шутки да прибаутки. А когда умер, шутки закончились. Теперь он мне снится — и советы дает, заботливо так, по-отечески. Говорит: «Все будет хорошо, не переживай, а сделать нужно то-то и то-то...» Поэтому я даже не плачу, потому что хоть Танича нет, но я все равно как бы с ним не рассталась. Я же знаю, что если меня будет что-то волновать, беспокоить, если я пойму, что где-то напортачила, Миша придет и успокоит. Любовь — она не кончается!

— Все-таки вы удивительная пара...

— Знаете, я никогда не интересовалась, был ли кто-нибудь у Миши кроме меня. Может, и был. Но я часто вспоминаю Симону Синьоре. Когда ее, уже старенькую, журналист спросил, изменяет ли ей Ив Монтан, она ответила: «Мне известно, что у него были и есть другие женщины». Конечно, она, такая яр-

кая, талантливая, себя этим знанием погубила, потому что это ее мучило. Она начала пить, а потом умерла от рака... Так вот, когда я прочла это ее интервью, я поняла, что правильно себя вела — никогда Танича не спрашивала ни о чем, не старалась что-то выяснить. А ведь мне нашептывали!.. Когда Миша уже умирал, лежал в спальне почти недвижимый, вдруг слышу его голос: «Лида, Лида...» Иду к нему. Он лежит, закрытый одеялом. «Приляг», — говорит. Ложусь рядом. Миша молчит и вдруг произносит: «Ты даже представить не можешь, каким верным мужем я тебе был!» Понимаете? Я его не спрашивала, а он, умирая, такое мне сказал!

— У вас две дочери, Инга и Светлана, внуки Лев и Вениамин, и уже два правнука. Одного из правнуков зовут Михаил. Это в честь деда?

— Конечно. С этим тоже интересная история связана. В первую же ночь после похорон Миши снится мне сон: входит Танич и держит младенца на руках, мальчика. Протягивает его мне: «Возьми — это тебе Миша». Утром звоню дочери Инге: «Какой мне странный сон приснился!» — и рассказываю. Она: «Мама, совсем не странный. Наша сноха беременна, и уже УЗИ сделали — мальчик будет!» Родился мальчик, назвали Мишей. А младшего правнука зовут Мирон. Все они живут в Голландии, и в мальчиках этих

столько кровей намешано! Миша очень спортивный, Мирон будет, видимо, ученым-математиком. Хорошие ребята! Одно печалит — что мальчики почти не говорят по-русски.

— В начале нашего разговора вы сказали, что живете с неизменным чувством радости, которое возникает от красоты окружающего мира. Как помочь тем, кто такой радости не испытывает и поэтому пребывает в вечном раздражении, недовольстве всем и вся?

— Здесь трудно что-то посоветовать. Мне кажется, что мне посчастливилось такой родиться. Вспоминаю свое детство в послевоенной деревне. Ничего красивого там не было: полуразваленные дома, веч-

ная грязь, бездорожье, плохо одетые люди. Я, маленькая школьница, все это вижу, и потихоньку в мое сознание закрадывается мысль, что жизнь, моя и односельчан, убога! Но вот я выхожу в степь. А степи там, на Волге, огромные! И в степи ничего не растет, кроме ковыля. Ковыль колышется, переливается — белое колышущееся бескрайнее поле и беркуты над ним! Стою я, смотрю на это, и дыхание перехватывает от восторга: какая красота! И вот это чувство во мне раз и навсегда победило то первое чувство про убогость «все и вся», которое могло отравить всю мою дальнейшую жизнь. Была ли в этом моя заслуга? Не знаю... □

Беседовала **Марина Бойкова**

МАРГАРЕТ, которая придумала Скарлетт

Margaret Mitchell

Слава обрушилась на эту женщину внезапно, подобно снежной лавине. И хотя наша героиня мечтала о ней с юных лет, она оказалась не готова к ее последствиям.

Роман «Унесенные ветром», едва ли не силой увезенный нью-йоркским издателем у его автора, бывшей журналистки, скромной домашней хозяйки из Атланты Маргарет Митчелл, был признан одним из самых популярных романов «всех времен и народов». Но обрела ли Митчелл счастье, став знаменитостью?

Когда в семье состоятельного юриста из Атланты Юджина Митчелла родилась дочь, названная Маргарет, девятнадцатый век отсчитывал свои последние недели. Вот уже тридцать пять лет, как завершилась Гражданская война. Однако для Митчеллов, как и для многих других южан, она оставалась событием незабываемым. О ней продолжали говорить, ее продолжали обсуждать так, буд-

то она закончилась лишь вчера. Колыбельные, под которые засыпала крошка Маргарет, были протяжными напевами времен войны, а названия былых сражений девочка запоминала вместе с алфавитом.

Маргарет росла очень живым, непоседливым ребенком. Подобно дочке Скарлетт, маленькой Бонни, она бесстрашно носилась по окрестным холмам и полям сначала на по-

ни, а потом на крупном вороном жеребце по кличке Буцефал.

В младших классах у Маргарет не было подруг. Возможно, это объяснялось ее стремлением верховодить во всех играх. Девочка гораздо легче находила общий язык с приятелями своего старшего брата. Она не уступала им в искусстве лазания по деревьям и почти до четырнадцати лет неизменно входила в местную мальчишескую команду бейсболистов.

А еще она много читала. Но в детстве ее любимыми книгами были сказки и викторианские романы, и, чтобы приохотить ее к чтению сочинений Вальтера Скотта и Чарльза Диккенса, отцу приходилось прибегать к подкупу: за каждую прочитанную книгу Маргарет получала по десять, пятнадцать или двадцать центов. Лет с одиннадцати она начала сочинять истории о пиратах, разбойниках и отважных героинях, как правило, носящих имя Маргарет. Немного позднее и небольшие пьески, которые ставились в гостиной Митчеллов. Роли распределяла сама Маргарет, поэтому вопросов о том, кто будет играть главные женские роли, не возникало.

В старших классах пробы пера продолжались. У нее появились подруги, восхищавшиеся ее острым язычком и искусством наездницы.

К семнадцати годам с Маргарет произошла чудесная метаморфоза — угловатая девчонка-сорванец превратилась в очаровательную девушку — южанку. Она была на редкость

миниатюрна. При росте 150 сантиметров, весила сорок один килограмм. Объем талии составлял всего сорок семь сантиметров. Она буквально излучала женственность и очарование. Жизнерадостность и чувство юмора делали ее душой любой компании, вокруг нее вилось немало молодых людей. Но Маргарет, в совершенстве овладев искусством флирта, всегда останавливалась у «последней черты». Мать крепко вбила ей в голову постулат: единственный способ удовлетворить сексуальное любопытство — это ранний брак. К этому девушка была еще не готова. Тем не менее, своим смелым, порой вызывающим поведением она частенько шокировала чопорных светских дам Атланты.

В угоду матери, которая хотела, чтобы дочь отучилась в колледже, а потом стала врачом, Маргарет после окончания местной Вашингтонской семинарии, престижного заведения для юных леди, собралась ехать в Нортхэмптон (Массачусетс) в Смитсовский колледж.

Летом 1918 года, за несколько месяцев до отъезда, она неожиданно влюбилась в лейтенанта Клиффорда Генри. Было объявлено об их помолвке, но молодому человеку предстояло ехать в Европу, где еще бушевала Первая мировая война. Он отправился во Францию в начале сентября, а спустя полтора месяца лейтенант 102-го пехотного батальона Клиффорд Генри погиб смертью

героя в рукопашном бою на реке Мез. Каждый год, вплоть до смерти его матери, Маргарет посылала ей цветы в день гибели Клиффорда.

Проучиться в Смитсовском колледже ей удалось всего год — получив телеграмму о тяжелой болезни матери, Маргарет вернулась домой. А когда та умерла, ей пришлось взять управление домом в свои руки. Однако она оставалась прежней Маргарет — дерзкой и отчаянной. Скачки по пересеченной местности оставались ее любимым развлечением. Как-то во время неудачной попытки преодолеть изгородь она оказалась на земле, и снова серьезно пострадала нога, поврежденная в детстве. Доктора заставили Маргарет носить тяжелую ортопедическую обувь на низком каблуке. Она ее буквально ненавидела и, чтобы укрепить мышцы, стала посещать танцевальные классы, кроме того, не пропускала ни одной вечеринки. На одной из них она встретила молодого человека, который поразил ее воображение. Берриен Киннард Апшоу — широкоплечий, рыжеволосый (друзья называли его Ред), с зелеными глазами красавец, ростом под метр девяносто. Отпрыск состоятельной семьи из Джорджии, он вел далеко не добродетельный образ жизни — кутил, играл в карты, вступал в связи с женщинами. А деньги на все это добывал, занимаясь контрабандой виски (в Штатах тогда царил «сухой закон»). Миниатюрную Маргарет Ред называл «корот-

коножкой». Он познакомил ее со своим приятелем Джоном Маршем. Полная противоположность Реду, Джон, скромный журналист и редактор, был человеком с прочными моральными устоями. Он очень понравился Маргарет. И все-таки она отдавала предпочтение Реду, который, казалось, излучал ауру мужественности и сексуальной притягательности.

Свадьба состоялась в начале сентября 1922 года. Шафером жениха был, к всеобщему удивлению, Джон Марш, который вел себя в высшей степени достойно и даже помог жениху выбрать самый модный фрак. Большой дом Митчеллов на Персиковой улице был празднично украшен. Плющ обвивал балюстрады и свешивался над дверными проемами, повсюду стояли корзины с розами и гладиолусами. Маргарет, окруженная свидетелями и двумя девушками с букетами цветов, была одета в белое атласное платье, украшенное с двух сторон длинными нитями жемчуга. Вырез на шее и рукава были отделаны жемчугом, белый атласный шлейф невесты унизан цветами апельсинового дерева, вуаль прикреплена к русскому кокошнику, опять-таки украшенному жемчугом.

Уже после небольшого свадебного путешествия стало ясно, что из этого брачного союза вряд ли что-нибудь получится. Ред не имел ни малейшего желания остепениться, и молодые часто ссорились. Один раз он даже набросился на Марга-

рет с кулаками при гостях. Джону нередко приходилось мирить их, но все-таки к исходу четвертого месяца совместной жизни Маргарет и Ред «созрели» для расставания. Он уехал в Северную Каролину с намерением никогда больше не возвращаться в Атланту, но при этом развод они не оформили.

В этот период Маргарет очень сблизилась с Джоном, хотя отношения их носили чисто платонический характер. Джон был очень высокого мнения о литературных способностях Маргарет и полагал, что ей пойдет на пользу репортерская работа в газете.

Маргарет предложила свои услуги одной из местных газет. Из нее действительно получился очень неплохой журналист, обладавший удивительным чутьем на сюжеты, имевшие большой успех у читателя. К тому же она умела подать их свежо и непосредственно. В редакционной комнате для нее установили стол. Кроме Маргарет за него никто не садился, поскольку плотник укоротил ножки и стола, и стула на добрых семь сантиметров, иначе новая сотрудница не доставала ногами до пола.

В июле 1923 года Маргарет суждено было пережить сильнейший шок. Ее посетил неожиданно вернувшийся в город Ред. Во время беседы они почему-то поднялись в спальню. Там, как затем заявила Маргарет в своих свидетельских показаниях, Ред ударил ее и потребовал, чтобы она «исполнила свои супружеские обязан-

ности». Когда она отказалась, он попытался овладеть ею силой. Маргарет, по ее словам, удалось отбиться от его посягательств. Избитую, всю в синяках, ее доставили в больницу, где она провела две недели. Что случилось в спальне на самом деле, так и осталось тайной для всех. Чтобы избежать скандала, который вызвала бы передача дела в суд, Маргарет и ее родственники приняли предложение Реда о разводе. Роль посредника снова выполнял Джон Марш.

За это время Маргарет не только еще крепче привязалась к Джону, но по-настоящему полюбила его. Их свадьба состоялась 4 июля 1925 года.

*Кадр из к/ф
«Унесенные
ветром»*

Примерно через год Маргарет ушла из газеты. Но Джон был слишком высокого мнения о литературных способностях жены, чтобы позволить ей навсегда запереть пишущую машинку в шкаф.

Маргарет, в очередной раз повредив ногу, на этот раз уже во время поездки на «железном коне», села за роман. О чем она хотела написать? Разумеется, о том, что было ей близко и дорого с детских лет — о родной Атланте в годы Гражданской войны и после нее. В голове пока не было законченного плана романа, но характер четырех главных героев — двух мужчин и двух женщин — она уже представляла себя довольно хорошо.

Как ни странно это звучит, Маргарет начала работу над романом... с конца. Первой была написана последняя сцена — уход Ретта от Скарлетт. Однако над остальными главами она работала в хронологическом порядке. Кстати, первоначально Маргарет назвала свою главную героиню Пэнси. Потом пробовала и другие имена — Сорм, Келле, Энджел, и лишь позднее дала ей имя Скарлетт. Своими замечаниями и редакторской правкой ей очень помогал Джон.

Так шло время. Маргарет создавала одновременно любовный роман и художественное изображение истории, ведь, работая над ними, она «перелопатила» огромное коли-

*Джон
Марш*

*Маргарет
Митчелл*

чество исследований о Гражданской войне и газет того времени. В общей сложности Маргарет работала над романом десять лет. Однако порой проходили месяцы, даже годы, когда она не прикасалась к рукописи. Мешали собственные недуги и болезни родственников. Но были и другие причины. Маргарет всегда отрицала, что у героев ее романа были реальные прототипы, и все же любой из ее друзей узнал бы Реда Апшо в Ретте Батлере. Сходство было не только в звучании имен, но и в биографиях. Оба учились в морских академиях. Оба занимались контрабандой. Оба обладали независимостью, страстностью характера, непредсказуемостью поведения.

При этом ее пугало, а что, если Ред подаст на нее в суд, обвинив в том, что образ Ретта списан с него? В какой-то мере пугала и предполагаемая реакция на роман ее бабушки, многие эпизоды из жизни которой она также использовала в своей книге. Но еще больше сходства осведомленный читатель заметил бы между Скарлетт и самой Маргарет — обе отличались независимым характером и презрением к условностям.

Все эти соображения и опасения заставляли Маргарет сомневаться, что она когда-нибудь решится напечатать свой роман. И все же, когда редактор крупнейшего нью-йоркского издательства «Макмиллан», приехавший в Атланту в апреле

*Кадры из к/ф
«Унесенные
ветром»*

1935 года, обратился к ней с просьбой отдать ему рукопись, она после долгих колебаний согласилась.

Впрочем, свое окончательное название роман получил уже после того, как Маргарет сдала его в издательство. Хотя издатели приняли название «Другой день», она продолжала предлагать новые варианты. Среди них были «Неси тяжелый груз», «Жернова», «В другом созвездии» и другие. «Унесенные ветром» Маргарет взяла из стихотворения поэта-романтика Эрнеста Доусона: «Унесенные ветром, разлетелись розы ...» Список из двадцати четырех названий был отправлен в Нью-Йорк. «Унесенные ветром» стояли под номером семнадцать с припиской: «Это мне нравится

больше всего». Редакторы немедленно согласились, что оно подходит идеально.

То, что произошло затем, поразило, прежде всего, саму Маргарет, отнюдь не считавшую свой роман шедевром. Книга имела ошеломляющий успех. Только за первые полгода было продано около миллиона экземпляров. Скромный дом Маргарет и Джона осаждали сотни людей, жаждавших автографов. Телефон звонил, почти не переставая, — читатели желали узнать дальнейшую судьбу героев. Поклонники романа не давали Маргарет покоя ни в парикмахерской, когда она сушила волосы под феном, ни даже в примерочной кабине магазина женского платья.

В своем интервью известному журналисту из Атланты Маргарет сказала: «Я знаю, что интерес к моей книге неразрывно связан с интересом ко мне. По-видимому, их невозможно разделить. Однако я полагаю, что моя личная жизнь принадлежит только мне. Я ведь не пыталась продать самое себя, как киноактриса или кандидат на общественный пост. Я продала только книгу, которую написала. Мне не нравится, когда женщины врываются в универмаг, где я стою в нижней юбке. Они однажды так и сделали. Допрашивали меня, как толпа жестокосердных прокуроров, и что-то кричали друг другу, уподобляясь животным в клетке ...»

Кто выиграл от бурного приема книги публикой, так это индустрия моды. Невиданно подскочили продажи шелковой тафты и клетчатого ситца — тканей, упомянутых в книге, как модные в среде жен плантаторов перед Гражданской войной, причем преобладали излюбленный зеленый цвет Скарлетт и голубой — Мелани. В рекламе сумок, платьев, шляпок, чулок, нижнего белья, носовых платков и перчаток выяснилось, что их создатели черпали вдохновение из книги мисс Митчелл, хотя сама Маргарет не получила за это ни единого цента. Реклама даже такие мелочи как пуховки для пудры и сорта одеколona связывала с «Унесенными ветром». На прилавках с новинками появи-

Маргарет Митчелл с Кларком Гейблом и Вивьен Ли

лась коробочка в форме экземпляра романа, внутри которой находился маникюрный набор.

Несмотря на огромные тиражи романа, книг для всех желающих не хватало. Роман стал излюбленным предметом добычи для каютных воров, которые «работали» на уходящих в плаванье океанских лайнерах. Они без труда сплавляли украденные экземпляры подпольным книготорговцам, так как агентам приходилось долго ждать выполнения заказов на «Унесенные ветром», и некоторые из них были не слишком щепетильны по отношению к источникам поступления. У воров были огромные возможности на крупных лайнерах, ведь роскошные книжные

магазины Манхэттена доставляли до 1000 подарочных экземпляров на пирсы в дни отправления.

В те времена, когда издатели редко печатали книги объемом более пятисот страниц, «Унесенные ветром» производили впечатление одним только весом, не говоря уже обо всем прочем. В целом читателям понравилась идея такой большой и толстой книги, но при этом были и забавные эпизоды, например, ее увесистость сыграла свою роль в одной домашней ссоре. В Бирмингеме (Алабама) муж завершил перебранку с женой, запустив в нее томом «Унесенных ветром». Суд счел это жестокостью и дал женщине желаемый развод.

Слава романа быстро перелетела через океан. Вскоре в модных лондонских гостиных имена Скарлетт и Ретта упоминались не реже, чем имена короля Эдуарда VIII и американки Уоллис Симпсон, о скандальном романе которых взхлеб писали газеты.

Но была ли Маргарет счастлива, став знаменитостью?

Вряд ли. Дело в том, что она была морально не готова к столь кардинальной перемене в своей судьбе. Слава имела свою оборотную сторону, и Маргарет даже не подозревала о том, какую цену ей придется за нее платить.

Читатели хотели знать о ней как можно больше. Маргарет же панически боялась вмешательства прессы в ее личную жизнь. О ней и так распространялось немало небывлиц. Говорили, что у нее вместо ноги деревянный протез, что она неизлечимая алкоголичка и тому подобное. Но было и кое-что посерьезнее. Больше всего Маргарет пугало, что репортеры разносят об ее неудачном, позорном, как она считала, браке с Редом, а также о болезни Джона, который страдал эпилепсией (именно поэтому они и решили не иметь детей). Порой она вполне искренне жалела о том, что вообще опубликовала роман — куда девалась ее прежняя спокойная жизнь?

Продав права на экранизацию романа известному продюсеру Д. Селз-

нику, Маргарет намеренно отстранилась от какого-либо участия в создании фильма, отклонив очень выгодное предложение Селзника принять участие в работе над сценарием.

Она не имела никакого отношения и к подбору актеров. Это, однако, не избавило от назойливых просьб киноманов, заклинавших ее отдать свой голос в пользу того или иного актера. Еще больше неудобств причиняли ей жаждущие славы соотечественники-южане. Родители приводили ей своих детей, уверяя, что никто лучше их чад не сыграет роль маленькой Бонни. Даже на улице Маргарет останавливали солидные дамы, утверждавшие, что только их кухарке под силу создать на экране роль чернокожей Мэмми.

Публика единодушно сходилась во мнении, что роль Ретта Батлера должен играть только «король» Голливуда Кларк Гейбл. Кстати, сам актер отнюдь не горел желанием принять участие в съемках. Уговорить звезду сумела только его жена, известная актриса Кэрол Ломбард. Кэрол сама мечтала сняться в роли Скарлетт, но Селзник считал, что главную роль должна сыграть неизвестная американскому зрителю актриса. После долгих поисков он остановил свой выбор на англичанке Вивьен Ли. Она с блеском оправдала надежды продюсера и режиссера. Гейбл также сыграл свою роль с присущим ему обаянием и мужским шармом. Съемки проходили

очень напряженно, но порой на площадке слышался смех. Всем членам команды запомнился один забавный эпизод. По сценарию Гейбл должен был поднять Оливию де Хэвиланд, изображавшую больную Мелани, и отнести ее на кушетку. Работники сцены подшили к подолу пышного платья Хэвиланд свинцовые грузила общим весом почти в 32 килограмма. «Что вы с ней сделали, — охнул едва не надорвавшийся актер, — к земле пригвоздили, что ли?» Впрочем, он умел ценить шутку и, узнав, что произошло, смеялся вместе со всеми.

Фестиваль, посвященный роману «Унесенные ветром» и премьеру фильма было решено провести в родном городе Маргарет в середине декабря 1939 года. Огромная толпа собралась перед театром Льюиса в день просмотра 15 декабря. Все выходные у полицейских были отменены, и десятки регулировщиков транспорта находились на своих постах.

Кларк Гейбл приехал на просмотр вместе с супругой. После того как его представили Маргарет, он заявил: «Она самая обворожительная женщина из всех, кого я встречал». Вивьен Ли на правах жениха сопровождал Лоуренс Оливье.

Кларк Гейбл был, вероятно, единственным человеком в зале, проспавшим весь фильм. Все остальные сидели, как замороженные, пока

перед ними разворачивался роман Маргарет, а ведь фильм продолжался без малого четыре часа, не считая перерыва.

В марте 1940 года первые страницы газет сообщили, что создатели картины и актеры получили в общей сложности десять Оскаров. Это был настоящий триумф.

Переживания, связанные с публикацией ее романа, надолго отбили у Маргарет охоту к творчеству. Лишь после окончания Второй мировой войны у нее появилось желание продолжить писательскую карьеру. Она говорила мужу о намерении написать роман, продолжающий историю Атланты, при этом точно знала, что герои «Унесенных ветром» больше не появятся, потому что это было бы уже продолжением ее бестселлера, а она твердо решила не продолжать его.

Увы, ее литературным планам не суждено было осуществиться. Маргарет всегда предсказывала, что погибнет в автомобильной катастрофе. Судьбе было угодно, чтобы это ее предсказание сбылось душным августовским вечером 1949 года. Маргарет попала под колеса автомобиля, направляясь вместе с мужем в кинотеатр, расположенный неподалеку от их дома. Она так и не пришла в сознание, хотя прожила еще пять дней. Огромные толпы за воротами больницы ждали вестей. Президент Трумэн в Вашинг-

*Кадр из к/ф
«Унесенные
ветром»*

тоне и губернатор Джорджии просили, чтобы их постоянно держали в курсе.

Маргарет Митчелл скончалась 16 сентября 1949 года в одиннадцать часов пятьдесят девять минут.

Согласно желанию Маргарет все ее бумаги, весь архив были сожжены. Казалось, почитателям ее таланта придется примириться с мыслью о том, что «Унесенные ветром» — единственное произведение Митчелл, однако в 1995 году произошла сенсация. Сын одного из друзей юности Маргарет обнаружил в бумагах своего отца рукопись новеллы, которую Маргарет написала за четыре месяца до того, как ей исполнилось шестнадцать. Это небольшая прелестная новелла «По-

терянный Лейзен» была опубликована в 1996 году. Сейчас ее можно прочесть и на русском языке.

Сегодня роман Митчелл переведен на 27 языков. Тиражи его уже давно перевалили за 35 миллионов, и каждый год во всем мире продается еще четверть миллиона экземпляров.

Многие почитатели «Унесенных ветром» твердо верят, что роман будет жить вечно. Наверное, поэтому в 1939 году во время Всемирной выставки в Нью-Йорке экземпляр романа был запечатан в специальную капсулу, которая будет открыта только в ... 6939 году. Что ж, поживем — увидим. Ведь ждать осталось всего каких-нибудь пять тысяч лет. □

Наталья Мальцева

Доброго времени суток вам, уважаемая редакция журнала «Смена»!

Свое письмо мне хочется начать словами великого писателя Максима Горького: «Любите книгу, она облегчает вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человечеству». Пожалуй, лучше и не скажешь. Книга — это некий маячок для человека, ищущего свою истину и пытающегося понять окружающий мир и самого себя. В современном мире, когда существует столько «заменителей» книг, очень непросто сделать выбор. Я работаю в библиотеке, поэтому могу анализировать, как сейчас дети и молодежь относятся к чтению. В основном, ребята приходят за программной литературой и крайне редко берут книги «для души». Помню, как я еще ребенком бегала за книжкой в библиотеку, как мне нравился процесс выбора той самой книги и предвкушение знакомства с ней.

Сейчас я по-прежнему не могу отказать себе в удовольствии прочесть книгу, будь то классическая или современная литература. Мой любимый автор Михаил Булгаков столь же современен для меня, как и Олег Рой — российский писатель для взрослых и детей. Предпочтение отдаю той книге, которая проникает в душу с первой же строчки, интригует и уводит за собой в свой мир. Конечно же, я стараюсь вовлекать в процесс чтения своих детей. Приношу им книги из библиотеки или покупаю. Мои девочки пока только начинают свой путь читателя, но в дальнейшем, я знаю, они обязательно полюбят книгу и то неповторимое чувство, когда открываешь первую страницу и погружаешься в волшебство неразгаданности и непредсказуемости новой истории. □

Вячеслав Молчанов

Добрый день, дорогая редакция! Меня зовут Вячеслав Иванович Молчанов, кандидат технических наук, преподавал технические дисциплины в Орловском государственном университете. Очень полезный конкурс вы объявили, может, кто-то и задумается о своей жизни. И вообще, без книги пусто на душе... В Интернете есть все и... ничего для самообразования и развития личности. Молодежь тупеет от Интернета, развиваясь лишь на уровне разгадывания кроссвордов. Наш внук (3 с половиной года) уже забросил детские книжки и нажимает на кнопки. Быстро и тупо. Книга поможет всем выйти из современного омута «всемирной паутины». В. Катаев «Сын полка», В.Кетлинская «В осаде», В.Каверин «Два капитана», Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке», А.С. Пушкин «Метель», Сочинения И. Тургенева, Л.Толстой «Воскресение», В. Высоцкий «Нерв» — это наиболее интересные и любимые мои авторы, воспроизводимые по памяти простого деревенского паренька, потерявшего в два года отца на войне и воспитанного мамой, обычной рабочей совхоза, да тетушкой-домохозяйкой. У меня две дочери, у них свои семьи, у старшей — обширная библиотека, но она почти не используется: раньше это была погоня за модой, а теперь — нехватка времени на чтение, да и желания особого нет. Я много лет пел в Орловском русском народном хоре и хочу сказать, что книга — это песня для любого настроения. Приучайте своих детей к чтению, тогда они научатся мыслить, и из них вырастет настоящий умный и образованный человек. □

СМЕРТЬ

надевает маску

Пролог

Стоило жене уехать, как падчерица совсем обнаглела. Являлась под утро, хамила, курила прямо в квартире. Еды в доме никакой, зато в холодильнике искушает запотевшая бутылка водки. Хотя он уже месяц в завязке.

И Юрий не удержался. Только одну рюмашку. Единственную. И все.

Пролетела соколом, ожгла нутро, распрямила плечи. Тут же налил вторую. Закуски вообще ноль, только сыр плесневелый.

— Юлька, похавать приготовь! — заорал он.

Падчерица заглянула в кухню, увидела водку, ухмыльнулась:

— Может, еще подать тебе, алкаш? На серебряном подносе?

— А ну, пошла сюда! — приказал он.

Хотел врезать — в кровь, от души. Но две рюмахи подряд после месяца воздержания шибанули в голову крепко. Еле на ногах удержался. А Юлька — цок-цок на каблучках — и сбежала.

И тут зазвонил телефон. Голос в трубке был женский, строгий:

— Юрий Семенович Лоскутов?

— Он самый.

— Из поликлиники звонят. Общий анализ крови сдавали вчера?

— Ну да. Для санкнижки.

— Нехорошо там у вас. Лейкоцитоз сильный. СОЭ в пять раз превышена. Гемоглобин меньше восьмидесяти.

Журнальный вариант.

— И чего это значит?

— Не понимаете?

— Я че, доктор?

— Все симптомы на рак указывают. Третья стадия как минимум. Скорее всего, с метастазами. Срочно зайдите за направлением — и езжайте в онкоцентр. Может, чем-то смогут облегчить. Но особо не обнадежу, слишком поздно вы спохватились.

Руки затряслись, но еще одну стопку водки накапать смог. Выпил залпом, пролепетал:

— Но у меня же ничего не болит!

— Суставы на дождь крутит? Поясницу ломит? Головные боли бывают?

— Так это у всех.

Дальним краешком сознания он улавливал странность. Как можно серьезный диагноз по одному анализу ставить?

Но в голове уже шумело, а когда закурил — «повело» окончательно.

Телефон снова тренькнул — от жены эсэмэска:

«Юрий, я от тебя ушла. Документы на развод подала. Но вряд ли ты успеешь со мной посудиться. Я долго терпела, но ты зря надеялся, что я прощу тебе свою загубленную жизнь. Лучшие гадалки страны наводили на тебя порчу, и свое дело сделали. Твое тело теперь гниет изнутри. Желаю поскорей сдохнуть в муках».

Перед глазами сначала все поплыло, потом заплясали цветные огни — столько дряни вывалилось в один день!

Налил снова водки, половину расплескал. В голове шумело все круче, сердце рвалось из груди прочь.

Юрий сполз по стене. Цветные всполохи перед глазами сменились тьмой. Сигарета выпала из пальцев. Будь он трезвый, удивился бы, почему паркет вспыхнул настолько быстро. И успел бы увидеть, как падчерица вбегает в комнату, поднимает его телефон, швыряет в свой карман, наглухо закрывает окно и снова исчезает.

Но сознание уже покинуло Юрия Семеновича.

А в криминальную хронику его смерть даже не попала — сошла за обычный «пьяный» несчастный случай.

Апрель 2020 года

Надя проснулась от истошного женского визга. Часы показывали четыре утра. Она повернула голову — Дима мирно спал.

Вопли внезапно стихли, ночь снова стала спокойной — лишь шелестели за окном молодыми листочками липы с березами. Она уже решила, что

это ей приснилось, но вдруг услышала новый истерический выкрик, потом что-то рухнуло, и последовали отчаянные рыдания.

Шум доносился от соседей слева. Надя их почти не знала, но с виду жильцы вполне соответствовали интеллигентному контингенту дома. Молодая пара. Юноша носил рваные джинсы, собирал волосы в хвост и часто приходил под утро. Его подруга обладала безупречной фигурой и (к изрядному раздражению Митрофановой) вела навязчиво-здоровый образ жизни — то бежит в идеальном, по фигурке, спортивном костюме, то на велике рассекает, то на роликах. Никаких скандалов за парой раньше не замечалось — а несколько шумных вечеринок Надя с Димой за хулиганство не сочли. Слава богу, сами пока не в том возрасте, чтобы осуждать молодежь.

С конца марта — когда законопослушная часть Москвы засела на карантин — сосед с хвостиком во дворе не показывался. За продуктами ходила исключительно его спутница и бегать продолжала, несмотря на официальный запрет. Иногда в их квартире довольно громко работал телевизор, пару раз вроде бы выясняли отношения на повышенных тонах.

Но чтобы побоище, с воплями, да еще посреди ночи!

Надя выскользнула из постели и приложила ухо к стене. Дом кирпичный, звукоизоляция неплохая, но Митрофанова смогла разобрать, как девушка умоляет:

— Не бей меня! Пожалуйста!

А в ответ — грохот, вскрик, жалобный плач. И опять — лишь шепот молодой листвы да шум редких машин.

Вызвать полицию? Или не лезть в чужие семейные дела?

Пока Надя размышляла, Дима заворочался и сонным голосом спросил:

— Ты чего бродишь?

— У соседей скандал.

— Не слышу, — пробормотал он, но на постели сел.

Стену потряс новый удар. Раздался дикий, какой-то животный визг, и неразборчивые, яростные мужские выкрики.

Полуянов схватил футболку, натянул спортивные брюки.

— Пойду посмотрю.

— Давай лучше полицию, — предложила Надя.

Дима лишь презрительно дернул плечом.

Она поспешно накинула халатик, и они вышли из квартиры. Дима уверенной рукой нажал на соседский звонок, потом толкнул дверь — заперто. Потрезвонил снова и начал стучать.

— Дима, осторожнее! — нервно произнесла Митрофанова. — Вдруг у него оружие?

Ответить Полуянов не успел — дверь распахнулась, и Надя в ужасе пятилась. Лицо, одежда, руки у интеллигентного соседа оказались перепачканы кровью, длинные волосы растрепались, рот скривился в безумной гримасе.

— Что надо? — прохрипел он.

Отвечать Дима не стал. Легонько двинул худощавого парня в солнечное сплетение — тот сразу охнул, скрючился пополам. Полуянов, а за ним и Митрофанова прошли в квартиру, и Надя в ужасе прикрыла ладошкой рот. У стены, смежной с их квартирой, неподвижно лежала когда-то красавица и спортсменка. Лицо ее превратилось в жуткую сине-красную припухлую массу, губы словно выворочены наизнанку, нос сдвинут набок.

Она бросилась к девушке, стала щупать пульс, а Полуянов вернулся в прихожую и схватил соседа за грудки:

— Ты что наделал?

— Заслужила, — беспечно ответил тот и добавил: — Да нормально все. Бабы — они как кошки. Заживет.

Сердце у девушки билось, из разбитых губ текла кровь, несколько зубов превратились в крошево, и Митрофанову затошнило.

— «Скорую», — велел Дима. — И полицию.

Он развернул соседа лицом к стене, заломил ему руки.

— Ты че? Чего лезешь?! Дело наше! Семейное! — запищал парень.

Бедняга очнулась, с трудом приоткрыла набухшие, обратившиеся в щелочки, глаза и сразу забормотала:

— Не надо... полицию. Я сама виновата!

За окном тем временем все увереннее разгоралось весеннее утро. Дворник в маске скреб по асфальту метлой. В квартире работал телевизор, диктор зловещим голосом сообщал про очередной нарастающий итог заболевших. Избитая соседка осторожно коснулась своего явно сломанного носа и застонала.

А Митрофанова в отчаянии подумала: «Мир сошел с ума. Весь. И мы вместе с ним».

Когда в стране объявили карантин, у Нади с Димой тоже возникли разногласия. Историко-архивная библиотека с восемнадцатого марта закрылась, Митрофанову отправили в отпуск. Полуянову разрешили работать на удаленке. Надя страшно радовалась, что больше не надо вставать по будильнику, и рьяно совершенствовала свои кулинарные таланты. Но Дима смог безвылазно высидеть в квартире только восемь дней.

Конечно, как и все нормальные люди, он слегка опасался новой болезни, но прятаться от нее в гнездышке не желал. Да и хороший материал

в дистанционном режиме не напишешь. К тому же когда еще доведется своими глазами увидеть оживший в реальности фантастический фильм: полицейские в масках, пустые магистрали, печальные объявления на дверях магазинов: «Я не работаю и вам не советую». Надо не из окна и не по телевизору за происходящим следить, а в самой гуще вариться, своими глазами наблюдать, как творится история.

Тем более жизнь с наступлением карантина не закончилась — наоборот, беспредела еще больше стало. Его личный электронный ящик готов был взорваться. Читатели возмущались, требовали и умоляли. Темы, правда, предлагали неудобные, не в тренде. Когда Дима их на летучке озвучивал, главный кривился, — настаивал на материалах про героизм врачей и заботливого мэра. Однако Полуянов умело уклонялся от верно-подданической журналистики и старался держать марку.

С виду обычную криминальную хронику писал, но умудрялся — на примере отдельно взятой трагедии — вскрывать целый пласт проблем.

Особенный резонанс вызвала печальная история москвича с обширным инфарктом. Мужчине стало плохо, он вызвал «скорую» и услышал от диспетчера, что «все машины на ковиде». В итоге врачи приехали через три часа, но их помощь уже не понадобилась — пациент скончался. И подобных трагедий в городе ежедневно происходили десятки. Сегодняшняя драма в соседней квартире тоже могла стать зачином для серьезного, проблемного очерка. Про еще одну беду, что принес в наши жизни ковид.

Когда приехала полиция, избитая соседка клялась:

— Он в жизни меня пальцем не трогал! Это его изоляция довела!

Полицейские совсем не удивились. Статистика тоже утверждала: во Франции за время пандемии домашнее насилие возросло на тридцать процентов, а в Китае — вообще увеличилось втрое.

Да, тема просто просилась в руки. Обычно журналистские замыслы Дима держал при себе, но соседку-то вместе с Надей спасали. И летучка, ввиду карантина, только в час дня — было время спокойно позавтракать и «обкатать» тему на Митрофановой.

Пока Надя жарила яичницу, Полуянов успел побродить в Интернете и теперь возмущался:

— Надюха, ты только подумай! Больше половины женщин — хотя бы раз получали от своих мужчин! Каждую шестую — бьют регулярно, это же вообще неопишимо! А четыре из пяти подвергаются психологическому насилию!

— Ну да, — спокойно отозвалась она. — Я тоже.

— Чего-чего?!

— Ты разрушаешь мою самооценку и унижаешь меня как личность, — отбарабанила Надя. — Думаешь, приятно слышать эти твои вечные «пончик», «булочка», «полотно Рубенса»?

— Но это ж я любя! И чтоб тебя на зарядку сподвигнуть.

— Сам прекрасно знаешь, что не помогает зарядка. Хоть тысячу раз отжимайся — шпалой не стану. У меня конституция такая.

— Не замечал прежде, что ты сердисься, когда я говорю «моя пироженка», — лукаво улыбнулся Дима.

— На самом деле, я испытываю глубокие моральные страдания, — упорствовала Надя. — И эмоциональную дестабилизацию.

— Слушай, Митрофанова, где ты всех этих слов набралась?

— Тест прошла. На сайте правозащитной организации «Подруги».

— Зачем тебя туда понесло?

— От скуки. Бродила в сети, увидела баннер «Проверь, есть ли в ваших отношениях психологическое насилие?» Ну, мне и стало интересно.

— И какой вердикт?

— Нужно срочно действовать. Больше узнать о насилии, научиться отстаивать свои границы и обязательно прийти на консультацию. Возможно, будет безопаснее остаться у них в убежище.

— Ты это серьезно?

Надя встала, подошла, обняла его:

— Абсолютно. Могу показать результаты теста. Правозащитные организации любят сгущать краски. Чем страшнее — тем больше западные спонсоры денег дадут. Хотя я просто честно отвечала на вопросы. Я действительно обижаюсь на «пончика» и злюсь, когда ты трубку не берешь. Но это, оказывается, тоже насилие. Психологическое.

— Слушай, не сравнивай! Наш сосед реально девушку инвалидом сделал!

— Но она-то не в обиде! Слышал, как его защищала? У любимого, мол, на почве вируса сдвиг случился. Из дома вообще не выходил, все дезинфицировал. Работы нет, денег нет. По телевизору запугивают. Вот и не выдержали нервы.

— То есть ты тоже его оправдываешь?

— Нет, конечно. Но я... я могу его понять.

— Ты это серьезно? А если у нас станет совсем плохо с деньгами, ты позволишь, чтобы я за это бил — тебя?!

— Димочка, я же знаю, что ты меня не тронешь. Но в России к теме насилия как-то странно относятся: бьет — значит, любит.

— А полицейские терпеть не могут на вызовы жен ездить. Тратят время, собирают материалы, проводят экспертизы, а им через неделю: «Мы помирились». И вся работа насмарку, — подхватил Дима.

— Вот-вот, — кивнула Надя. — Наша соседка заявлять на мужа тоже отказалась, если ты помнишь. Упала — и все тут. Думаешь, ей понравится, если про нее «Молодежные вести» напишут? — Она вздохнула и неж-

ным голосом предложила: — Давай еще яишенки тебе подложу! И соку выдавлю.

— Вот любишь ты, Митрофанова, крылья подрезать, — заворчал Полуянов. — Я только загорелся, а ты меня расхолаживаешь своим домашним уютом.

Но добавку яичницы взял и сок с удовольствием выпил. А после завтрака от души поблаженствовал в жарких объятиях своей «пышечки».

Когда нежились в постели, Надя вдруг вспомнила:

— Ой, вчера же из поликлиники звонили. Предлагают прививку от пневмококка сделать. Ты пойдешь?

— Конечно.

— Да ладно! Практически ковид-диссидент добровольно пойдет на прививку?

— Ну, ковида, может, и нет. Но как сын врача и сам практически врач могу тебе сообщить: пневмококк еще Пастер открыл. В 1881 году. Очень вредная штука. Провоцирует пневмонию, сепсис и менингит, так что обязательно надо привиться. Особенно в нынешнее время.

— А я не пойду.

— Почему? — удивился Дима.

— Да потому, что не хочу подопытным кроликом быть. Скажут от пневмококка, а на самом деле привьют неизвестно что.

— Веришь, что тебе чип вживят? — не удержавшись, расхохотался Полуянов.

— В чип не верю. Но вдруг на самом деле это антиковидная вакцина? Какие-то нелегальные испытания?

— Ну, ты фантазерка!

— А ты что, «Медуницу» не читал? В психиатрических больницах уже месяц пациентам вкалывают непонятно что. А теперь, похоже, и за нормальных людей взялись.

— В самой «Медунице» такое пишут? А кто автор? — спросил Дима.

— Лиза Горихвост.

— Не знаю такую.

— Потому что раньше она только для западных изданий писала. Была их собкором в Москве. Очень известная, куча премий. А сейчас для «Медуницы» сделала материал.

Дима так заинтересовался, что тут же сел за компьютер.

Текст действительно оказался лихой. И фактура богатая — автор упоминала целых семь психиатрических клиник, куда приезжали некие бригады из «депздрава» и без всяких информированных согласий ставили пациентам неведомые прививки. Местные доктора (на условиях анонимности)

высказывали предположение: так как с дееспособными добровольцами напряженка, государство приняло решение тестировать антиковидную вакцину на беспомощных и бесправных пациентах.

На первый взгляд, нарушение прав человека вопиющее. Только есть ли у Лизы Горихвост конкретные доказательства?

— Любопытно, — пробормотал Дима. — Но в московских поликлиниках на подобное точно не пойдут, так что не бойся. Попроси показать ампулу и делай прививку. Меня тоже запиши.

— Ну... если ты гарантируешь.

— Гарантирую.

Газеты теряли популярность с каждым годом, поэтому «Молодежные вести» — как все, кто хочет выжить, — постоянно придумывали новые формы существования. Активно функционировал сайт, завели свое радио, а незадолго перед началом пандемии и собственное телевидение запустили.

Полуянов — на правах редакционной звезды — конечно, захотел попробовать себя «в телевизоре». Пару раз сделал крошечные репортажи и сразу понял: работа не просто сложная, но совсем другая, с газетной журналистикой не сравнить. Нужно быть настоящим «многостаночником» — и сценарий писать, и планы выбирать, и монтировать, и в кадре нормально смотреться. Поэтому он решил: прежде чем лезть на «голубой экран», нужно многому научиться.

Но сегодня на летучке главный объявил:

— Полуянов, к артисту поедешь. Бардин фамилия. Знаешь такого?

Бардина Дима знал. Харизматичный «мент» в кожаной куртке. Надя, кажется, по нему слегка сохла и даже входила в его фан-клуб.

— И про что мне с ним говорить?

— Его читатели выбрали. Для рубрики «В изоляции со звездой».

— Куда мне! — опешиш Полуянов. — Это же целая передача. Там хронометраж больше сорока минут! Куча планов разных, монтаж. Я еще не готов!

— Ничего, — отмахнулся главный, — коллеги помогут. Давай, через час выдвигайся. Бардин ждет к четверем.

Можно было отказаться, но рубрика «В изоляции со звездой» имела приличный рейтинг. Удастся сделать интересно — можно новый пласт карьеры начинать. Да и любопытно стало: каков brutальный с виду красавчик в быту? Сумеет хоть пару слов связать?

В общем, согласился и кинулся готовиться — собирать хотя бы минимальную информацию про Бардина.

Тон у программы должен быть неприкрыто благостный, но Дима по закоренелой журналистской привычке первым делом начал искать компромат. В первом приближении ничего безобразного в биографии актера не обнаружил: в голубизне не замечен, женат единожды, пьяным за рулем не попадался, «звездил» в меру.

Проживал артист в собственном подмосковном доме. Направление средней престижности, десять соток, коттедж всего-то двести сорок метров. По беспробочным дорогам домчали с другого конца столицы за сорок минут. Поселок оказался с разномастными домиками, безо всякой охраны. Ладненький, но без излишеств домик актера соседствовал с ветхой, выцветшей от времени избушкой.

Александр вышел их встречать самолично. Волосы его были влажные, он на ходу застегивал рубашку:

— Простите, бегал, время не рассчитал.

Юная гример Маша (страшно взбудораженная от личной встречи со звездой) Диме даже поздороваться не дала. Нахально оттерла его, вперила в Бардина восторженный взгляд и спросила с ласковой укоризной:

— Неужели вы нарушаете самоизоляцию?

— Готов заплатить штраф. Лично вам, — бархатисто пророкотал Бардин.

— Ой, давайте! — не растерялась Маша, извлекла из сумочки глянцевый журнал с фотографией артиста на обложке и прочитала:

— Вот! Подпишите, пожалуйста. Для Марии. Если можно, с любовью.

Актер быстро черкнул автограф и больше внимания на гримершу не обращал, безошибочно вычислив, кто в съемочной группе главный. Он протянул руку Диме:

— Рад познакомиться. Статьи ваши про красный бриллиант в свое время очень впечатлили. С тех пор ваш верный поклонник. Но что мы на пороге? Пойдемте.

Актер провел съемочную группу в большую кухню-гостиную и гостеприимно предложил:

— У меня в доме правило: первым делом всегда кофе. А дальше я в полном вашем распоряжении.

Стол уже был накрыт — в меру гламурный сервиз на восемь персон, серебряные ложечки, салфетки в тон скатерти. Вазочки щедро наполнены конфетами, печенюшками, орехами. Кофемашина приветливо подмигивала зеленым глазом. В чистоте и гостеприимстве кухни, несомненно, чувствовалась женская рука.

— Тоже режим нарушает, — улыбнулся Бардин. — У нас теннисный клуб под боком. Официально закрыт, но сегодня имеет место тайный междусобойчик — любительский турнир на шестнадцать участников. Кася моя туда

умчалась. Играет она неплохо, до полуфиналов доходит, так что не знаю, когда вернется, наверное, ближе к ужину. Впрочем, моя аудитория не слишком рада, когда я на публике появляюсь вместе с женой, так что оно и к лучшему, — философски заметил Бардин.

Допив кофе и вкусив сладостей, съемочная группа приступила к работе.

Актер оказался приятным в общении и не капризным собеседником. Легко принимал все Димины идеи: поднимал штангу в тренажерном зале, перебирал диски в музыкальной комнате, покорно вытерпел целых три дубля подъема по лестнице на второй этаж. На вопросы отвечал быстро, без «меканья», да и вообще крамольных мыслей не чурался. Смело утверждал, что бессимптомное течение болезни — просто способ подкрутить статистику и засадить дома тех, кто неугоден. Не скрывал, что сам изоляцию нарушает, а маску носит только для того, чтобы не цеплялись.

Маша-гример к концу интервью просто глаз с Бардина не сводила. Полуянов тоже подобрел. Всегда приятно, если ожидаешь встретить выскочку и пижона, а попадаешь на нормального человека.

Интервью закончили писать, когда давно стемнело. Оператор с осветителем свернули свою технику, гримерша с ассистенткой убежали во двор покурить, а Дима сказал Бардину:

— Смонтирую завтра к вечеру, пришлю.

— Не надо, — отмахнулся актер. — У меня пиар-менеджер в деревне изолировалась, без интернета, а самому смотреть лень. Так что давайте сразу в эфир.

Они с Димой вышли на крыльцо. Съемочная группа топталась возле автобуса. Бардин подошел к каждому, поблагодарил, попрощался и нажал кнопку пульта — ворота начали открываться. Полуянов пожал актеру руку и двинулся к редакционному автомобилю, но тут во двор въехала красная дамская машинка, оттуда выпорхнула худенькая милашка.

Дима всегда считал себя поклонником пышных форм, но точеная фигурка и осиная талия пленили сразу.

— Кася. Супруга, — коротко представил ее Бардин, дежурно приобнял и спросил: — Ну, как сыграла?

— Да вообще позор, — отозвалась она нежненьким голоском. — Из группы не вышла, можешь себе представить?

— Но почему? — удивился актер.

— Как на разминке голова разболелась, так и не пошло. Вообще не получилось ничего. Сетка, аут.

Она приложила ладонь к щеке, и только сейчас Полуянов увидел: на скуле у красавицы изрядный кровоподтек. Пусть замаскированный тональным кремом, но припухлость и ссадина видны отчетливо. И губы тоже разбиты.

— Кася вчера на тренировке упала, — пояснил ему Бардин.

— Ага, как дурочка, — поспешно подхватила супруга. — Побежала к сетке отбивать укороченный и поскользнулась. Да как! Перелетела на другую сторону и грохнулась подбородком в корт! А покрытие-то жесткое. — Она улыбнулась и протянула Полуянову теплую ладошку: — Кася. Полное имя Кассандра. Родители решили соригинальничать. Рада познакомиться.

Глаза бездонные, голубые, но что-то в них несчастное, жалобное.

— Зачем же вы на турнир пошли с такой травмой?

— Да я думала, на ходовые качества не повлияет, — пожалла плечами Кася. — Но Нинка, напарница моя, сказала, что может даже сотрясение мозга быть. Специально запугивала, наверное, чтобы обыграть. И обыграла ведь. Пойду, полежу, к завтрашнему дню точно поправлюсь. — И она упорхнула в дом.

Бардин посмотрел ей вслед. Тревоги в его взоре Полуянов не увидел, скорее, легкое раздражение. У него мелькнула мысль: слишком суров актер со своей красавицей. Плюс история с фингалом какая-то странная, очень похоже на легенду. Получила, видимо, от мужа и покрывает его теперь.

«В изоляции со звездой», конечно, придется сделать благостным — строго по формату программы. Но происхождение фингала на лице жены известного актера надо обязательно выяснить.

Монтажом на телевидении «Молодежных вестей» командовала дама — пожилая, желчная и безжалостная к халтурщикам. Сотрудники ее боялись и за спиной называли Горгоной. Но Полуянов, изучив биографию старухи, углядел в ней классного спеца, и потому покорно сносил «остолопа» и прочие старорежимные ругательства в свой адрес. А она гоняла молодого тележурналиста со всем пылом одинокой мэтрессы, увидевшей в Диме достойного преемника.

Первую его трехминутную информашку монтировали вместе больше четырех часов, и к исходу работы он еле сдерживался, чтобы не оттащить старуху за худосочные косицы. Что же сегодня будет — когда эфирного времени надо сорок минут, а отснято больше четырех часов?

Горгона, включив быстрый прогон, кое-где нажимала паузу и что-то черкала в блокноте.

— Давайте стрельнем забойно! — предложил Дима. — С момента, где Бардин говорит: «Сто шестьдесят миллионов в стране, и все покорно в клетках сидят!»

— А еще глупее не мог придумать? — фыркнула она.

— Но я не хочу обычный приторный завтрак со звездой!

— Не волнуйся, я эзопов язык хорошо знаю. Что-нибудь вплетем, только не в лоб, а бережно.

Когда закончили работу (а заняла она весь день), Горгона спросила:

— Бардин сюжет сам будет отсматривать или пиар-менеджеру своему поручит?

— Вообще не будет. Сказал, можно сразу в эфир.

— Угу, — саркастически кивнула метресса. — Они все так говорят, а потом бегут иск подавать: извратили, выдернули из контекста... Не пойдет. Звони ему немедленно!

Дима спорить не стал — профессионалу виднее. Набрал мобильный номер актера — длинные гудки. Позвонил по домашнему — результат тот же. Оставался телефон менеджера — той, что, по словам актера, коротала изоляцию в деревне. Девушка, сквозь свист и помехи, отозвалась и подтвердила, что Александр телесюжеты о себе никогда заранее не смотрит. Горгона сурово громыхнула кулаком по столу, и Полуянов продолжил настаивать:

— Я все-таки хочу, чтобы он завизировал.

— Ну, отправьте ему на почту.

— Уже сделано, но Александр не отвечает, а эфир, скорее всего, уже завтра утром. Как бы мне его все-таки найти?

— Да я сама Саше дозвониться не могу, — призналась девушка. — У него жена сегодня в Питер собиралась. Может, он решил вместе с ней поехать. Спонтанно. А в поезде телефон не ловит.

— Часто он что-то спонтанное делает?

— Бывает. Что вы хотите, творческий человек. Второй месяц в простое, плюс ситуация с пандемией его очень нервирует. Запросто мог захотеть развеяться.

— Но я не могу выпускать материал в эфир, пока Александр не посмотрит.

— Да вы не заморачивайтесь! — раздраженно буркнула девушка. — Если вас так корежит, можете мне прислать. Интернет у меня, конечно, дрянь, но к ночи, может, загрузится. Посмотрю и сразу вам напишу.

— Ну, хоть так, — буркнула Горгона и по-матерински улыбнулась: — Иди, сдавай свой шедевр. Завтра проснешься звездой.

Полуянов исполнил все необходимые формальности. Сюжет всем понравился, его поставили в сетку на следующее утро, в 10.15, и Дима, уставший, довольный и голодный, отправился домой.

Надя встретила его объятиями. Зарылась носом в его волосы и проворкотала:

— Пойдем скорей на кухню. Сегодня плов по эксклюзивному узбекскому рецепту.

Полюянову чрезвычайно нравилось, что Надя хоть и тосковала без своей библиотеки и жаловалась на монотонность бесконечного домашнего хозяйства — от готовки не уклонялась. Еще и стол сервировала с элементами гламура. Обязательно вода со льдом в хрустальном кувшине, кольца для салфеток в интернет-магазине заказала, свечи почти каждый вечер.

Поглощать кулинарные шедевры без хорошего вина Полюянов считал святотатством, поэтому они с Надей решили выпить по бокалу.

— А вчера я коньяк употреблял, — сделал пару глотков, заговорил Дима. — С твоим Бардиным. Он после интервью предложил, причем очень настойчиво. А сегодня ни по каким телефонам не отвечает. Ты вроде его поклонница. Не в курсе, твой кумир, часом, не запойный?

— Мой кумир — Брэд Питт, — фыркнула Надя, — а это обычный хороший артист. За его биографией я не слежу, хотя кое-что вроде слышала... Несколько лет назад у Бардина был нервный срыв. Он даже в клинике лежал какой-то частной. Там, кстати, и с женой познакомился. Она медсестра.

— Да ты что! — удивился Дима. — Видел я его жену. Элегантная особа по имени Кассандра. Никогда бы не подумал, что она медсестра.

— Ну, за чужой счет несложно быть элегантной, — парировала Надя.

— Супруга, кстати, имеет на скуле внушительный кровоподтек. И губы распухшие. Официальная версия: упала на теннисном корте. А мне показалось — кулаком залепили. Как думаешь, Бардин мог?

— Что ты! Бардин, чтобы ты знал, джентльмен. Он вообще не выносит, когда женщины плачут.

— Ты откуда знаешь?

— Так все газеты писали! На прошлом «Кинотавре» продюсер, не помню фамилию, над подружкой своей изгалялся. А Бардин ему в ухо врезал — за то, что женщину до слез довел. Даже уголовное дело было, но потом помирились. И официальные извинения, заметь, принес именно продюсер.

— Все-таки, Надька, ты в Бардина влюблена, — подколот Дима.

— А что еще делать, Дим? — притворно вздохнула она. — Дома сижу, сериалы смотрю. Только и остается о симпатичных актерах мечтать.

— Ладно, про Бардина можешь мечтать. Он мне тоже показался нормальным. И Горгона сказала, что в моем материале чувствуется авторская симпатия.

Завтрак на следующее утро специально подстроили к десяти пятнадцати и провели перед телевизором. Надя разглядывала красавца актера с неприкрытым восторгом. Но — к Диминому удовольствию — и его постоянно нахваливала:

— Сейчас, в профиль, смотришься просто шикарно. А какой вопрос задал интересный! Полуянов, бросай свою газету, иди в телезвезды! На вас обоих прямо хочется смотреть и смотреть...

Как только программа закончилась, у Димы тут же зазвонил телефон.

Первой с удачным эфиром его поздравила Горгона. Вторым в очереди оказался лично главный редактор — хвалить не стал, зато порадовал премией. И дальше звонок за звонком — в том числе последовали два предложения о работе на телевидении.

Только от самого Бардина (как и от его пиар-менеджера) — никакой реакции. Даже возникла мысль самому набрать актера и спросить — как ему показался материал? Однако Дима сдержался и вести себя в духе нервного первокурсника не стал.

За обедом Надя лукаво посмотрела на него: — А куда премию твою потратим?

— Конечно, в Париж полетим. Как только границы откроются.

— А сегодня? — печально вздохнула она. — Опять телевизор смотреть?

Дима задумался. Действительно: как в нынешних условиях устроить хотя бы маленький праздник? Ехать в подпольный ресторан? Пробираться тайными тропами в закрытый парк? Хотя зачем обязательно в парк?

— Мясо у тебя есть? — оживленно спросил он.

— Вчера шейку купила. Полтора килограмма.

— Доставай. Замариную по-быстрому, и в лес поедем, шашлык организуем.

— С ума сошел! Говорят, Росгвардия ходит, штрафует.

— Ничего, в глушь забьемся. А если что, удерем.

Романтический вечер на лесной поляне получился на загляденье. Погода, словно по заказу, выпустила из плена туч яркое весеннее солнце, птицы надрывались, шашлык удался. Бледная после заточения в квартире Надя порозовела, развеселилась.

Мобильная сеть в их уединенном уголке отсутствовала, и когда — уже ближе к восьми вечера — выехали на шоссе, телефон у Димы тут же зазвонил.

Он сидел за рулем и попросил Надю:

— Посмотришь, кто там?

Она взглянула на определитель и ахнула:

— Ничего себе! Андрей Могилев!

— Давай. — Сердце у Полуянова екнуло.

С ведущим самого популярного в стране ток-шоу он был знаком, пару раз его приглашали в студию выступить в роли эксперта. Но с личного номера телезвезда звонила ему впервые.

Здороваться Могилев не стал, сходу спросил:

— Через час в Останкино сможешь быть?

— Э... да. А зачем?

— Прямой эфир пишем. По Бардину. А ты его, похоже, последним видел.

— В смысле?

— Новости не смотришь? В мир иной Александр отошел.

— Что случилось?!

— На первый взгляд, несчастный случай, но возможны варианты. Так приедешь?

Митрофанова энергично закивала и за всю дорогу к телецентру даже ни разу не пожаловалась, что ей придется идти на передачу к самому Могилеву в стареньких, заляпанных на пикнике джинсах.

Главное для успешного ток-шоу — собрать максимум версий. И пригласить как можно больше антагонистов.

Дима полагал, что его, как и прежде, когда он бывал у Могилева, отправят на диванчик к экспертам. Но редактор программы, возрастная дама по имени Милена, объявила:

— Ваш выход после второй рекламы.

— А о чем мне говорить?

— О чем Андрей спросит.

— Но хотя бы в каком ключе?

— Ничего не могу сказать. Эфир вне плана, подготовиться не успели. Андрюша импровизировать будет.

Полуянов слегка занервничал. Когда твой оппонент (якобы) собирается импровизировать — это весьма опасно. Или все-таки ему приготовили роль, но просто о ней не говорят?

Диму определили в отдельную комнату. Происходящее в студии действие отображалось на большом экране. Он увидел Надю, сидевшую во втором ряду и явно нервничавшую. Быстро отрепетировали аплодисменты, Могилев явился с коротким вводом — Бардин погиб безвременно, неожиданно и страшно. Полуянов, наконец, узнал, что актера сегодня днем нашли мертвым в собственной ванной. Причина смерти пока неизвестна, комментариев следствие не дает, поэтому версии будут строить участники программы.

— И первый наш гость — Людмила Суворова, председатель фан-клуба артиста!

Дима ждал печальную старую деву, но в студию, задорно цокая каблучками, вошла вполне успешная с виду дама средних лет. Ладная фигурка, свежее личико, только глаза заплаканы.

— Людмила! Почему погиб Александр? — безжалостно выстрелил ведущий.

— Господи! — всхлипнула она. — Да разве непонятно? Саша — он такой энергичный, без дела вообще не мог! А его выключили из жизни: ни репетиций, ни съемок, ни общения — заперт в четырех стенах. Какие-то пропуска унижительные должен делать, чтобы просто из дому выйти!

— Но в подобных условиях вся страна!

— Вы маску надели и работаете, — парировала поклонница. — А кино, театр — встали полностью. Саша очень переживал. Не за себя, за других: эпизодников, осветителей, ассистентов — кто без работы и без копейки остался. Все ждал, когда будет просвет, и пандемия на спад пойдет. А новости день ото дня все страшней, и он просто не выдержал.

— То есть вы считаете, что Александр покончил с собой?

— Я... я не знаю. Но раз его нашли в ванной...

— Он мог заснуть и захлебнуться.

— Не верю! — помотала головой председатель фан-клуба. — Такое только спяну возможно, а Саша пил в меру. Я его за это очень уважала. И все остальные тоже.

— Часто употребляли вместе?

— Употребляли, — не смутилась женщина. — На встречах фан-клуба. На презентациях. Пара бокалов вина, рюмка водки, и все. Никогда и никто его даже слегка перебравшим не видел — не то что пьяным. Саша спортсмен, полумарафоны бегал, отжимался по сто раз! Драки все без дублера снимали!

— То есть вы считаете, что Александр покончил с собой осознанно, находясь в здравом уме и трезвой памяти?

— Нет, нет! — перепугалась фанатка. — Я не говорю, что он покончил с собой! Пусть следствие определяет, что случилось. Меня просто жутко бесят все эти глупые разговоры, будто он до смерти допился и в неменяемом состоянии утонул! Я не могу позволить, чтобы Сашину память порочили.

Больше ничего по делу президент фан-клуба не сказала. Эксперты — не слишком известные актеры, певцы и прочие шоумены — погалдели на тему, что простой для творческого человека по-настоящему губителен, тут поневоле начнешь или пьянствовать, или про суицид думать.

Полуянова в его временном заточении никто не беспокоил, и он, краем глаза наблюдая за тем, что происходит в студии, лихорадочно пытался выйти в Интернет, узнать в мировой паутине хотя бы минимум: кто обнаружил тело? При каких обстоятельствах? Однако сеть работала отвратительно, поэтому он выяснил сущую ерунду: Бардина нашла супруга. Видимых повреждений на теле нет. Предварительная причина смерти — уто-

пленение. Но с какой стати молодому и, судя по всему, не пьяному мужику тонуть в ванне?

Шоу ушло на рекламу, а следующим номером в студию явился коллега покойного. Могилев представил его известным актером, однако Диме ни лицо, ни фамилия пожилого, довольно потрепанного дядечки ничего не говорили.

Гость неуютно скукожился на самом краю диванчика, облизал губы. А когда Могилев атаковал его тем же вопросом: «Почему погиб Александр?» — еле слышно пробормотал:

— Они сейчас все концы в воду... Придумают, что Сашка допился или с собой покончил. Но я знаю правду. Его убрали.

— Что вы имеете в виду?

— Убили его, как неугодного, — чуть громче произнес актер.

— Кто? Как? — потребовал ответа ведущий.

— Не важно, кто конкретно заказ исполнил, какая-нибудь «шестерка», наемник. Тем более что Саша себя не берег. Охраны у него не было.

— А мотив? — вкрадчиво спросил Могилев.

— Откройте ютуб, наберите «Бардин про карантин» и все поймете.

— Ну что ж, давайте посмотрим, — легко согласился ведущий.

На большом экране немедленно появился снятый любительской камерой ролик.

Александр (на человека в депрессии он совсем не походил, в глазах плясали веселые чертики) читал стихи — похоже, собственного сочинения. Никакой особой крамолы Дима в них не узрел. Даже на сатиру не тянуло, обычный, довольно мягкий юмор. Просмотрев ролик набрал под миллион, лайки исчислялись десятками тысяч — тема народу близкая, мало кто был счастлив оказаться под арестом в четырех стенах.

Экран погас, и старый актер с горячностью воскликнул:

— У Саши была настоящая гражданская позиция. Он не только стихи писал, а реально помогал людям! Знаете, каково сейчас театрам? Спектаклей нет, зарплаты нет, люди голодают, и всем по барабану. Только Саша беспокоился: хлопотал, ругался, но выбил для нас дотацию — со скандалом, через суд! Одному богу известно, скольких сил и нервов ему это стоило. Хотя лично у него финансовых затруднений не было — для других старался. Неравнодушный человек! А зацепить его было не на чем — не пил, не гулял, сомнительных делишек не вел.

— Хорошо, — кивнул Могилев. — Давайте обсудим. Как вы себе технически представляете этот якобы подстроенный несчастный случай? Александр находится в своем коттедже один. По периметру участка видеонаблюдение, дом заперт. Каким образом к нему мог пробраться злоумышленник?

— Запертая дверь и видеочамера не преграда даже для воришки-гастарбайтера.

— В доме никаких следов борьбы. Видимых повреждений на теле нет. Злоумышленник велел ему утонуть, и Бардин послушался?

— Нужно было просто знать Сашины привычки, хотя бы минимально, — печально вздохнул артист. — Он любил жить по расписанию, придерживался любимых ритуалов. Даже на гастролях старался вечерами обязательно полежать в ванне, снять напряжение, послушать музыку. Помедитировать. По-моему, нет ничего проще замыслить зло, если знаешь, что человек дома один. В ванне, с закрытыми глазами, в наушниках. Просто тихонько подняться на второй этаж, осторожно отворить дверь, незаметно приблизиться — и резко дернуть за ноги вверх. Утопление в таких случаях происходит мгновенно, и телесных повреждений не обнаруживают.

Студия притихла — версия актера публику впечатлила. А Могилев задумчиво произнес:

— Но тогда следствие должно обнаружить — в доме, в ванной, возможно, на теле Александра — посторонние частицы ДНК.

— Должно обнаружить. Но захотят ли они?

Эксперты дружно загалдели. Могилев четко следил, чтобы погалдеть хотя бы минуту получилось у каждого. А едва все высказались, объявил:

— Да, Александр Бардин действительно не из тех, кто всегда кричит «ура» и «согласен». Кстати, буквально за день до смерти он дал моему коллеге интервью, а после рекламы мы увидим в нашей студии автора сюжета. Это журналист телевидения «Молодежных вестей» Дмитрий Полуянов!

Камеры выключились. В комнатку, где Дима коротал время, ворвалась гримерша — брызнула лаком на волосы, лихорадочно прошлась по его лицу пуховкой. Возрастная редакторша Милена схватила журналиста за руку, вытащила в узкий коридорчик и показала, куда ему идти и на какой диванчик садиться.

И тут же раздалось магическое:

— Мотор идет!

Полуянов максимально бодрым шагом вступил в студию.

Первым его встретил красный глаз камеры — оператор пятился перед ним, снимал крупный план. Лица зрителей сливались в полумраке, но взволнованный Надюшкин взгляд Дима выловил.

Могилев встретил его милой улыбкой и спросил:

— Кто вам заказал сюжет про Александра?

— Читатели, — беззаботно отозвался Дима. — Они сами выбрали, с кем мне встречаться. На сайте газеты было открытое голосование.

— У вашей программы есть правила — явные или тайные? О чем говорить можно, о чем нельзя?

— Есть пожелания. На выходе должен получиться милый, мягкий, задушевный, искренний разговор.

— Бардин — неудобный человек? — предпринял ведущий новый заход.

— Я бы не сказал. По крайней мере, общаться с ним было комфортно, — пожал плечами Дима.

— Я сейчас про его гражданскую позицию. Александра могли убить из-за нее?

— Есть много публичных людей, которые позволяют себе куда более резкие высказывания и поступки. Однако все они пока живы.

— У вас есть собственная версия, кто убил Александра?

— Странно отвечать на подобный вопрос, когда даже причина смерти точно неизвестна.

— Дима, я прекрасно знаю, — тонко улыбнулся Могилев, — уж у вас-то всегда есть собственное мнение.

— Оно ничего не стоит, раз я ничего не могу доказать.

— И все-таки: озвучьте нам его.

— Я просто приведу интересную статистику. Примерно каждый пятый из тех, кто обнаружил тело, особенно когда это происходит без свидетелей, на самом деле, жертву и убил.

— Как интересно! — ликующе воскликнул Могилев. — Мы знаем, что тело нашла супруга актера. Свидетелей при этом не имелось. И по закону — она же, вероятно, и наследует после него! То есть еще и мотив есть!

— Повторю: я никого не обвинял. Просто привел статистику.

— А вы, кстати, знакомы с милой супругой актера? — поинтересовался Могилев.

— Мы успели переброситься парой фраз. Кася приехала к концу интервью.

— А куда она уезжала?

Дима замялся. Он совсем недавно писал для «Молодежных вестей» про салон красоты. Заведение прогорало — работать нельзя, а платить аренду надо. Поэтому вечерами туда тайком пускали клиентов — постричь, покрасить, сделать маникюр. А одна из дамочек навела марафет — и написала жалобу в Роспотребнадзор. Крошечному частному предприятию вклеили штраф в триста тысяч. Поэтому и неведомый ему теннисный клуб подставлять не хотелось. Дима соврал:

— Я не знаю, куда Кася уезжала. Но одета была в спортивный костюм.

— А как сам Александр объяснил ее отсутствие?

— Сказал, что супруга поехала тренироваться.

— Почему нельзя было отложить спорт ради участия в семейной программе?

— Этот вопрос, наверное, лучше задать ей.

— Хорошо, тогда на вопрос отвечу я. Жена Александра занимается только одним видом спорта — это большой теннис. Она много тренируется, играет турниры. Бардин очень гордился ее успехами.

Нужно было срочно спасти положение, и Полуянов твердо произнес:

— Раз вы приперли меня к стенке, готов признаться. Я знал, что она в теннисном клубе, Бардин мне сразу сказал, что его супруга отсутствует, потому что играет нелегальный турнир. Но так как теннис сейчас под запретом, и у клуба могут быть огромные неприятности, я решил промолчать.

— Ага, испугался! — пробасил старый актер.

Могилев реплику проигнорировал и обратился к залу:

— Итак, позавчера, когда к ее мужу приезжала съемочная группа телевидения «Молодежных вестей», Кася Бардина с трех часов дня находилась в теннисном клубе «Подмосковные зори». Официально учреждение не работает, но в этот день там проводили теннисный турнир для своих. Присутствовали игроки — восемь женщин и восемь мужчин. Также в клубе были судья, его помощник, администратор и уборщица. Кася занимается теннисом давно и считается опасным соперником. Но в этот день игра у нее не шла совсем, и она отказалась от борьбы.

Ведущий обернулся к Диме:

— В день интервью вы с Касей все-таки встретились. Где и когда?

— Мы уже уезжали. Съемочная группа сидела в машине, Александр и я стояли на крыльце. В это время она подъехала.

— Как она выглядела?

— Немного уставшей.

— И больше ничего? Во внешности девушки ничего подозрительного не заметили?

И это знает!

— Дамы, конечно, непревзойденно умеют маскировать то, что хотят скрыть, — вымученно улыбнулся Дима, — но... возможно... у Каси был небольшой синячок на правой скуле.

— Что ж, давайте на этот небольшой синячок посмотрим! — жизнерадостно предложил Могилев.

На большом экране немедленно явилась фотография супруги Бардина — с огромным, опухшим кровоподтеком в половину лица и разбитыми губами. Публика в студии охнула, а Могилев злорадно улыбнулся и продолжил:

— Кася не объяснила вам, откуда у нее это «украшение»?

— Объяснила. Накануне отработывала укороченный удар с выходом к сетке и упала, а покрытие в клубе жесткое.

— Я тоже слышал официальную версию — будто девушка травмировалась накануне на тренировке. Однако у нас в студии присутствует подруга Каси. Она прольет истину на то, что с ней случилось! Сейчас реклама. Не переключайтесь.

Обратно в комнату Диму не повели — оставили в студии, на отдельном диванчике. Подскочила гримерша, снова подпудрила нос. Ассистентка сунула одноразовую маску, велела:

— Обязательно наденьте — до того, как мотор пойдет.

Дима улыбнулся Надюшке, надел маску, откинулся на спинку дивана и задумался. Кто, интересно, слил Могилеву информацию про нелегальный турнир и синяк на лице супруги актера? И что будет дальше?

Прямой эфир — действие стремительное. Уже через пару минут снова прозвучало «мотор идет», и в студию явилась очередная гостья, очень худая, с высокими скулами и походкой от бедра. Села на соседний диванчик, с видимым удовольствием поулыбалась во все камеры.

— Вы — Нина Щеглова, подруга Каси и нарушительница закона, — утвердительно молвил Могилев. — Вы ведь тоже участвовали в нелегальном турнире?

— Да, — лучезарно улыбнулась Нина. — Но я не просто участвовала. Я его выиграла.

— С Касей вы на этом турнире играли?

— Ага, еще в группе. Разделала ее под орех за сорок минут, хотя обычно мы с ней до смерти грыземся часа по два.

— Когда вы увидели, что у Каси повреждено лицо?

— В раздевалке. Я только захожу, а она уже переоделась и у зеркала с «тональником» колдует. Но замазать не успела — синяк во всей красе.

— Предыдущий наш герой утверждает, что Кася получила травму на тренировке.

— Брехня!

— Почему?

— Мы с ней всегда тренируемся вместе. За день до турнира играли — все в порядке было.

— А если она все-таки выходила на корт? Только без вас?

— Мне бы доложили, — пожала плечами Щеглова. — У нас в клубе все про всех знают. Да и не верю я в эту лажу про травму на тренировке. Посмотрите на фотку! Корт по лицу так не ударит, только кулак.

— И чей это был кулак?

— Каська мне не призналась.
— А вы сами как считаете?
— Ну, вряд ли она с кем-то на улице подралась, так что только два варианта: или любовник, или муж.
— У нее есть любовник?
— Ой... — Щеглова старательно разыграла смущение. — Ну, это я образно выразилась. Кася мне про личную жизнь не рассказывает... Ну... я могу, конечно, предполагать. Мы ж еще миксты играем с парнями. А партнер по миксту — человек всегда близкий. Очень часто и до постели доходит.
— Как зовут Касинового партнера по миксту?
— Денис Ивашов.
— А этот Денис был знаком с Касиным мужем? — вкрадчиво спросил Могилев.
— Был, — с удовольствием отозвалась Щеглова. — Они даже махались однажды.
— Где, когда?
— После турнира, прошлым летом. Финал был сложный, с перевесом в два очка на тай-брейке вытянули. Денис Касю на руки схватил, кружить начал, она хохочет. А Бардин на трибуне сидел. Он психанул и ушел. Кася перепугалась, побежала за ним, уговорила остаться на награждение. А Денис, когда им кубки вручали, опять за свое. Касю расцеловал. Ну, тогда Александр совсем разошелся: прямо к подиуму выскочил, ее оттолкнул, а Диньке — по мордасам. Хорошо, судьи сразу растащили.
— А Касю Александр не ударил?
— Не, только отпихнул. Но к машине шли злые, молча. Так что не исключено, что дома мог и навалить.
— Вы когда-то еще видели Касю с синяками, ссадинами?
— Ну... С год назад где-то тоже у нее скула была разбита. Тогда сказала, что с лестницы упала.
— Хорошо. Но все-таки, как выдумаете, кто убил Александра?
— Ой, ну я же не следователь, — дернула плечиком Щеглова.
— Вы слышали предыдущие версии?
— Слышала. Полный бред, — пригвоздила Нина. — Особенно про Касю. Она точно убить не могла.
— Почему?
— Так это совсем надо больной на голову быть! Муж ее из нищевородок взял, в особняк поселил. Красивый, богатый, артист. Шмотки покупает, в теннис с другими мужиками играть пускает.
— Бьет... — подхватил Могилев.
— Да если и приложит иногда — подумай! Он за все платит, значит, имеет право. Чего тут такого?

В студии немедленно начался хаос. Кричали зрители с мест, бесчинствовали эксперты. Могилев с огромным трудом призвал народ к порядку, обернулся к камере и интимным тоном произнес:

— Спасибо, дорогие друзья, что сегодня вы оставались дома с нами!

Камеры мгновенно потухли.

Полуянов стянул маску и обернулся к фотомодели:

— Хорошо вы подругу подставили.

Но ответить та не успела. К ней подскочили две ассистентки, защебетали:

— Нина! Прекрасно! Великолепно! Ровно то, что надо! Пойдемте скорей, для вас уже все готово.

Подхватили под ручки и увели.

Могилев тоже куда-то исчез, но Полуянов его искать не стал. Выловил из толпы зрителей Надюшку, обнял.

— Жуткое шоу. Но ты был классный, — прошептала она и протянула ему влажную салфетку — снять грим.

— Я бы на месте жены в суд подал, — хмыкнул Дима.

— Ты смешной, — отмахнулась Надя. — Это ведь какой шанс! Могилев еще один эфир под это дело устроит. Только даваймы сюда больше ни ногой.

— Нас и не позовут, — заверил Полуянов.

Шоу высосало все соки, и ему больше всего сейчас хотелось поскорее добраться домой, отправить Надюшку заваривать чай, а самому забиться под одеяло.

Ольга Петровна

Жизнь у Ольги Петровны сегодня закончилась. И если бы сразу накрыло чернотой небытия! Но нет, попала она в девятый, самый последний круг ада — потеряла единственного, любимого, ненаглядного сына. А без Саши мир всегда будет жалок, и собственное существование никчемно.

Но если кто-то полагал, что несчастная мать сейчас билась в истерике или думала о самоубийстве, он глубоко ошибался. Не отчаяние ее переполняло, а ярость.

Как полицейские только посмели петть ей песни про несчастный случай? Саша — молод, силен, здоров, трезв. Он не мог просто заснуть в ванной и захлебнуться! Несомненно, его погубили. И сделала это Кася, больше никому. Во всем виновата проклятая невестка.

Ольга Петровна еще четыре года назад предчувствовала беду — когда сын сообщил, что женится на медсестре.

«Кася не из Москвы. Зато она очень красивая. И добрая», — представил свою избранницу Саша.

Прелестно, просто прелестно! Будь Кася классической заезжей хищницей, покорительницей столицы, Ольга Петровна волновалась бы меньше. Но похожее на ангелочка создание и вело себя подозрительно ангельски.

Безропотно (и, надо признать, весьма умело) вела дом, Сашеньку всячески обхаживала, бриллиантов не требовала, скандалов не устраивала. Когда Ольга Петровна являлась с инспекцией, вела себя тихой мышкой. Преданно кивала, подавала чай, кормила пирожками собственного приготовления.

И сын ее боготворил. Любое упоминание о Касе расцветивало лицо Сашки счастливой, глупой улыбкой. А обиднее всего, что именно это аморфное, ничтожное по своей сути создание подтолкнуло Сашу на путь успеха.

Ольга Петровна с Сашенькиных школьных лет мечтала, как ее мальчик — по способностям, по заслугам! — прославится. Однако случилось великое событие именно при Касе. И ее же сын за свой успех благодарил.

Даже в интервью не постеснялся сказать: «Раньше мне ничего особо было не надо. Служил в театре, читал книги, путешествовал в эконом-классе. Но когда рядом с тобой удивительная, лучшая в мире женщина, ты поневоле начинаешь что-то предпринимать, чтобы соответствовать ее уровню. Я и прежде пытался добиться успеха, но глаза мои не горели, поэтому, наверное, ничего и не получалось. А нынче мне захотелось, простите за аллегорию, совершить для своей прекрасной дамы настоящий рыцарский подвиг».

Это Кася-то — прекрасная дама?! Из какой-то дыры, со средним образованием, всех достоинств — тощая попа, да кукольные глаза!

Однако печальный факт следовало признать. Саша и прежде рассылал видеовизитки и посещал кастинги, но выше ролей второго плана улова не приносил. И вдруг — без всяких связей, без блата — получил главную роль в высокобюджетном сериале! Сериал прогремел, и покатило: интервью, светская жизнь, фан-клуб, гонорары, «Кинотавр». Театр он почти забросил, начал активно сниматься. Агента себе завел, пиар-менеджера. Начал загородный дом строить.

Когда звезды внезапно загораются, то часто и тухнут почти мгновенно. Но Сашенька поднимался на Олимп осторожной поступью. Вел себя с достоинством, сдержанно, грамотно. Показательных скандалов ради пиара не устраивал и Касю свою только единожды в интервью упомянул. А при матери постоянно восторгался женой.

— Мама, ты представляешь, какая она удивительная? Даже домработницу брать не захотела, сказала, что ей самой нравится для меня хозяйничать!

Но Ольга Петровна не верила в благородство провинциальной хищницы. И вдвойне тревожно, что она никак не могла понять, в чем заключает-

ся хитрый план приезжей амебы. Да, печать в паспорте себе вытребовала, в фате покрасовалась, в их квартире зарегистрировалась. Однако безропотно согласилась, что подпишет брачный контракт и в случае развода на совместно нажитое имущество (а также на Сашенькины доходы) претендовать не будет.

— Кася — ангел. Абсолютная бессребреница, — глупо улыбался Саша. — Зря ты ее в чем-то подозреваешь.

Но Ольга Петровна не успокаивалась. Она не поленилась съездить в родной городок «захватчицы». С удовольствием скормила сыну информацию, что в школе Кассандра училась на слабые троечки, зато нагло кружила головы всем мальчишкам, а один из-за нее даже вены резал. Правда, на глазах у друзей и очень аккуратненько — «скорая» его даже в больницу не забрала.

Саша над мамиными изысканиями только посмеялся. Но Ольга Петровна не успокоилась и вытащила на свет божий другую историю, еще хлеще.

Когда Кася работала медсестрой в частной психиатрической клинике, в нее влюбился пациент. Некрасивый и — ключевой момент! — совсем небогатый. Ходил за своим предметом вожделения безмолвной тенью, умолял выйти за него замуж. Но Кася бессребреника вместе с его любовью послала, и бедняга покончил с собой. Но Саша и тогда не забеспокоился.

— Что ты хотела? — заявил он матери. — У красивых девушек всегда много поклонников, и не всем им везет.

По счастью, когда «медовый» год миновал, а Саша начал стремительно делать карьеру, пьедестал под богиней Касей слегка закачался.

Сын завел фан-клуб, с удовольствием общался с поклонницами, все чаще уезжал на съемки и позировал фотографам в обнимку со светскими львицами.

Кассандра продолжала стеречь дом и от скуки играла в теннис. Но Ольга Петровна не сомневалась: невестушка еще себя проявит. Взрастит из Александра абсолютную звезду, выведет на пик богатства и славы, а дальше — всадит нож в спину.

Так и случилось.

Кася

Как получилось, что она растеряла всех подруг и друзей? Несчастлива, одинока, под подозрением — а поддержать некому! Со всех сторон ощерились пики. Столько всего ужасного за один день! Обнаружить труп мужа. Выдержать тяжелый допрос. Перенести омерзительные вопли и обвинения свекрови. А «на закуску» — это жуткое шоу-шоу, где ей перемыли кости и фактически обвинили на всю страну.

Денису, партнеру по миксту, не позвонишь, не поплачешься — у Каси были к тому серьезные основания. Двоюродной сестре нельзя — вдруг менты ее телефон прослушивают? С любимой подругой Лизой у них разлад, да что там — та ее просто послала. Нинка (тоже ведь приятельницей считалась!) вообще телевизионщикам продала. А очень милый на вид журналист Полуянов фактически в убийстве обвинил. Какое он имел право приводить свою дурацкую статистику, если официальная версия Сашиной смерти — несчастный случай?!

«Может быть, — задумалась Кася, — подать иск? На Могилева, его передачу и всех участников, кто посмел ее заочно обсуждать?»

Но нужен ведь адвокат хороший. Касю по всяким юридическим и житейским вопросам раньше всегда подруга Лиза консультировала. А у нее самой никаких полезных знакомых нет, да и боялась она судиться.

Девушка бестолково металась по первому этажу — садилась, вставала, открывала шторы, закрывала, пила воду. На второй этаж, откуда всего несколько часов назад увезли мертвого Сашу, подниматься не решалась. Дом казался гулким, зловещим — какие-то шорохи, скрипы. Вдруг душа мужа здесь? Очень хотелось сесть в машину и уехать отсюда куда глаза глядят! Но друзей, кто готов посреди ночи принять, у нее теперь нет. Гостиницы все закрыты — эпидемия, блин. Снова в Питер поехать? Увы, полицейские, хотя подписку не брали, строго приказали из региона не отлучаться.

Время давно перевалило за полночь, но о том, чтобы идти спать, Кася даже помыслить не могла. Только глаза закроешь — Сашкин дух сразу к ней явится. Она в отчаянии обхватила себя руками — и тут в тишине пустого дома зазвонил телефон. На определителе значилось — Вика, Сашин пресс-секретарь. Баба противная, но хоть с кем-то поговорить!

— Але! — торопливо произнесла Кася.

— Я к тебе еду.

— Зачем?

— Ты дура?

— Вика, не надо, пожалуйста. Мне и так тяжело.

— Нет, ты все-таки дура. Почему мне не звонишь?

— А я должна?

— Конечно! Творится абсолютный беспредел, а тебе пофиг.

— Где беспредел?

— Сашину память на всю страну треплют, а ты даже не спрашиваешь, как это прекратить!

— И как мне это прекратить?

— Кофе мне свари. Я скоро буду.

Спустя час Кася сидела на неудобном барном стуле в кухне и говорила в камеру:

— Я глубоко возмущена тем, что устроили вчера на главном канале страны. Никто не имеет права обсуждать меня за спиной и тем более обвинять. Но гораздо больнее мне было слышать, как обвиняли Сашу, самого близкого мне человека. Мы с ним прожили четыре счастливых года. Не буду обманывать — иногда, как и во всех семьях, у нас случались размолвки. Но он никогда даже голос на меня не повысил, не прикрикнул. Это был добрый, интеллигентный, мягкий, прекрасно воспитанный человек... Я не знаю, откуда Нина взяла весь этот бред, будто Саша меня бил. Вот, у меня на щеке до сих пор остался синяк, я его не скрываю и раньше не пыталась скрыть. Но говорю еще раз: я упала на корте. Отрабатывала с теннисной пушкой укороченный удар и поскользнулась. Нина уверяет, будто мы всегда тренировались вместе, но это неправда! Накануне турнира я ездила на частный корт одна. Я делаю слишком большой замах, когда играю у сетки, и мне хотелось перед соревнованиями попробовать исправить этот пробел. И я вовсе не собиралась посвящать в свои планы Нину — мою соперницу по корту.

— Где именно этот частный корт? — спросила Виктория.

— Я не хочу говорить, у хозяина будут неприятности. Но полицейским адрес сказала.

— Значит, неприятности уже будут, — заверила пресс-секретарь. — Так что говори.

— Ну, ладно. Это частный дом в поселке Чеверьково. Улица Заречная, десять.

— А теперь расскажи, что случилось год назад, когда у тебя тоже был синяк на лице, — потребовала Виктория.

— Мы с Сашей тогда только что поменяли лестницу в доме — была деревянная, а поставили чугунную. Ступеньки кованые, с завитушками. Я никак не могла к ней привыкнуть, все время спотыкалась. Саша даже сверялся с проектом, думал, может быть, высота ступенек неправильная или перила не на том уровне. Но все оказалось нормально, просто я такая нескладная. А однажды я решила подняться на второй этаж в туфлях на каблуках, зацепилась... ну, и упала.

— Кто-то видел, как ты упала?

— Нет, только Саша. Кстати, есть люди, для кого ударить женщину — немислимо. Саша был именно таким. Даже если бы я его оскорбила, обманула, предала — он бы просто ушел, но никогда бы меня и пальцем не тронул.

— Но твоему партнеру по теннису Саша врезал, — усмехнулась Вика.

— Мужчины могут драться между собой. Это нормально, — твердо произнесла Кася.

— Кася, ты смотрела передачу Могилева?

— Да, смотрела и хочу сказать, что все в ней — от первого до последнего слова — просто домыслы или откровенная ложь. Я буду подавать в суд — лично на Могилева. И еще... на некоторых участников.

— А как ты сама ответишь на вопрос, который Могилев задавал всем героям? — спросила Вика. — Кто убил твоего мужа?

Кася снова зашмыгала носом, смахнула с лица слезы и пробормотала:

— Извините... Я... я не знаю, что случилось. Но лицо у Саши было спокойное... почти счастливое... И в ванной полный порядок... Не знаю, не знаю!

Вика выключила, наконец, телефон и снисходительно похвалила:

— Молодец. Все натуральненько. Прямо сейчас в сеть выложу.

Полуянов прослушал Касину речь раз, потом еще. Надя тихо отлучилась на кухню, вернулась с кофе, подала ему чашку и уселась рядом. Она тоже не сводила глаз с экрана компьютера.

— Все вроде складно, но фальшивит, нюхом чую, — пробормотал Дима.

— Думаешь, просто защищает его? О покойных или хорошо, или ничего?

— Не могу понять, но где-то она врет. Камеру не обманешь.

— Между прочим, в Интернете появилась причина смерти, — задумчиво проговорила Надя. — Утонул. Следов борьбы нет. Телесных повреждений и асфиксии нет. Видимых признаков алкогольного опьянения или отравления нет. Я сразу вспомнила вчерашнего актера... как его там? Неужели правда: если в ванной резко дернуть за ноги — будет выглядеть, будто человек просто утонул?

— Именно так. Это классика уголовного права. Смерть представляется полностью естественной. Я не верю, что спортивный парень Бардин не успел среагировать на нападение.

— Ну, у него ведь ритуал. Что он там в ванной делал? Музыку слушал, медитировал? Если человек лежит с закрытыми глазами и уверен, что один дома, конечно, его можно подловить. Кому угодно, хоть крошке Касе. — Надя снова задумалась, потом спросила: — А просто заснуть и утонуть в ванне можно?

— Был случай: парень, электромонтажник, тридцать лет, принимал ванну и захлебнулся. Но он к моменту смерти беспробудно пил две недели подряд. Начал сразу, как самоизоляцию объявили.

— В Интернете написано, что видимых признаков опьянения нет, — напомнила Надя.

— Видимые признаки — ерунда. Нужно химико-токсикологическое исследование крови делать, а это минимум неделя.

Дима задумался и что-то черкнул в блокноте. Потом повернулся к Наде и сказал:

— Не хотела ты, чтобы я про семейное насилие писал, но никуда не деться. Тема сама нашла меня.

Главному редактору Димина задумка понравилась.

— Да, сделай. Не просто о смерти актера, но цельный, остросоциальный очерк. Домашнее насилие освети, бытовое пьянство...

Дима вернулся к себе и немедленно взялся за телефон. К двум часам дня успел сделать массу звонков. Знакомых в полиции у него имелось немало, но сейчас ситуация сильно осложнялась карантином, а также тем фактом, что смерть актера произошла не в Москве, а в области.

В результате сложной многоходовки с участием его старого приятеля Савельева он смог раздобыть номер дежурного следователя, выезжавшего на труп. Тот долго бляял, что комментарии не дает. Встретаться — под предлогом пресловутого карантина — категорически отказался. Но кое-что Полуянов вытянуть смог.

Актер погиб вечером двадцать шестого апреля. Время смерти — около двадцати двух часов. Предварительная причина — утопление. Кася в этот день отбыла на скоростном поезде «Кондор» в Питер, получив на госуслугах пропуск «в иных целях». Из города на Неве она вернулась на следующий день, уже самолетом. Взяла такси, сразу поехала домой. На звонок в дверь реакции не последовало. Кася отперла дом своим ключом и начала звать мужа. Он не отзывался. Тогда она поднялась на второй этаж, заглянула в ванную — и обнаружила тело.

Естественно, сразу возник вопрос: зачем она отправилась в Санкт-Петербург фактически только на вечер и ночь? Оказывается, решила навестить двоюродную сестру. Девушки часто ездили в гости друг к другу.

Сестру опросили, и та подтвердила: супруга Бардина действительно приезжала, ужинала, ночевала у нее, а утром уехала в аэропорт.

Странно, что Кася отсутствовала в городе именно в вечер смерти супруга. Но против билетов туда/обратно и показаний свидетеля не попрешь, сказал Диме следователь. К тому же выглядела смерть Александра как несчастный случай.

— Но мы проводим тщательную проверку, — тусклым голосом добавил он.

Это хорошо, что следователь вялый. Зато Полуянов собирался действовать быстро и энергично.

Поцеловал Надюшку, вбил в навигатор деревню Чеверьково Мытищинского района и отправился туда.

Когда Ваграм строил на собственном участке крытый теннисный корт, он не сомневался, что это — золотое дно. Сын у него тогда мечтал Уимблдон выиграть. Тренировался шесть раз в неделю, на спортивную школу деньги уходили немислимые, «пробки» много часов съедали. Куда выгоднее, решил отец, перекупить тренера, поселить его во флигель, кормить-холить-обхаживать да тренироваться индивидуально. Но, как мудрость народная говорит, колокольчик слаще звенит только издали.

Тренер у сына когда-то в звездах ходил, со сборной по заграницам раскатывал. И на занятиях в спортивной школе на него любо-дорого было смотреть: мячи спортсменам накидывал с такой скоростью, что не разглядеть, «заряжал» детей, взбадривал, тактику строил.

Не придал тогда Ваграм значения, что бегают наставник с трудом — колени больные. И что нет в его глазах огонька, а куда чаще светятся усталость и безразличие.

Когда крытый корт был достроен, тренер, как обещал, уволился из спортшколы и переехал к Ваграму во флигель. Но вместо нирваны все пошло наперекосяк. Сын ныл: просто мяч перекидывать скучно, поболтать в перерывах не с кем, девчонок нет. На соревнованиях у отпрыска дела совсем плохо шли — вылетал в первом же круге. А потом совсем взбрыкнул — и послал папу вместе с его теннисом далеко и надолго. Тренер решение подопечного поддержал, объявил, что чемпиона из парня все равно не получится, и из флигеля с удовольствием съехал.

Ребенок теперь сутками сидел за компьютером, а Ваграм, чтобы не пропадало добро, начал сдавать корт спортсменам-любителям. Желающих негусто, но хотя бы расходы на эксплуатацию покрывал.

Впрочем, жена все равно ворчала: участка, считай, нет, только узенькая тропинка. Подбивала снести спортивное сооружение и сделать как у людей — садик, огородик, террасу.

Но тут — кто мог предвидеть! — грянул карантин. И начались у Ваграма золотые времена. Вся страна дома сидит, на безденежье плачется, а у него клиенты, почитай, круглые сутки. С шести утра до полуночи все время расписано. Не просто любители или начинающие спортсмены — сборная, во главе с наставниками, приезжала тренироваться!

Пару раз случались со стороны районной администрации наезды: режим самоизоляции нарушает, незаконную деятельность ведет. Но Ваграм на свет не вчера родился. Проверяющих подмазал, всех клиентов предупредил: вы, мол, родственники мои. Дезинфекторы завел, обязательство взял: после каждого игрока на корте полная санитарная обработка. Но по факту, если ежечасно намывать, играть некогда будет, поэтому уборщица приходила только раз в день, в обед. Видеонаблюдение Ваграм с корта убрал,

чтоб никакой-такой надзор не потребовал просмотреть, не придрался. Да и эксцессов в его теннисном клубе сроду не случалось.

И только двадцать четвертого апреля — в мерзкий денек, когда дождь мешался со снегом, Ваграм пожалел, что видеокамера не работала. Но кто мог предположить?

График тренировок был, как всегда, плотный. С раннего утра — сборная, с одиннадцати до трех — дети попроще, ушлый тренер из местных выкупил оптом четыре часа, набивал на корт по восемь человек. С четырех до шести — известный актер из соседнего поселка Александр арендовал корт для своей жены. Дальше любители записались пару играть. Потом — еще несколько тренировок.

Ваграм с клиентами обычно сам крутился. И людям приятно, и приработок — воду продавал, мячики, обмотки менял на ракетках, мешки с мусором выносил. Новеньким показывал, где машину поставить, чтобы не «светиться». В тот злосчастный день Ваграму с утра позвонила новая клиентка. Сослалась на давних знакомых, горячо умоляла найти ей хотя бы часок.

— Нету, дорогая, все на неделю расписано!

Но та не сдавалась, пицчала тоненьким голоском:

— Ну, пожааалуйста, туурнир играю, а я сооовсем форму потерялааа!

Про нелегальные теннисные соревнования Ваграм знал — сам бы провел, да с единственным кортом не выгодно. И вошел в положение. Взял со сладкоголосой повышенный тариф и разрешил приехать в три. А уборщицу на сегодня вообще отменил. Тройная получилась выгода.

Новенькую он видел мельком — та сразу побежала на корт, времени-то всего час, не хотелось его зря терять. Ваграм разок заглянул: работает, носится из угла в угол. Он хотел поболтать с красавицей после тренировки — опять не вышло, девушка еще куда-то спешила, даже закончила пораньше.

Ну а дальше случился — впервые в истории его подпольного клуба — скандал. Началось с того, что актер из соседнего поселка приехал вместе с женой — хотя обычно его супруга справлялась сама.

Ваграм проводил Касю с мужем на корт. Убедился, что мусора в ведре нет, а теннисная пушка исправно работает, и побежал домой — надо, наконец, пообедать.

Но едва успел поднести ко рту первую ложку своего любимого супа, как в столовую заглянула жена и сказала с тревогой:

— На корте случилось что-то. Женщина плачет, аж заходится.

Он отставил тарелку, помчался прямо в тапках — и ошалел. Кася рыдала на скамейке, зажимала лицо ладошками, меж пальцев пробивались струйки крови. Саша бестолково лил воду из бутылки на полотенце.

— Что случилось? — ахнул Ваграм.

— Я упала, — поспешно отозвалась Кася и отняла руки от лица.

Ваграм ужаснулся: обе губы разбиты, на скуле кожа ссажена, под глазом кровоподтек.

— Как вы упали? Где?

— Она с лету играла. Короткие удары, — с растерянным видом пояснил актер. — Мяч летел неудобно, она к нему потянулась, не удержала равновесие и упала. Прямо через сетку лицом на корт.

— Да. Так и было, — поспешно подтвердила девушка. — У меня... нога будто на чем-то поехала...

— Как она могла поехать? Это ведь не грунт, — возразил Ваграм.

— Не знаю. Мне показалось, что я поскользнулась.

— Раз говорит, что поскользнулась, значит, что-то там разлито было, — сердито произнес Бардин.

— Надо посмотреть, — нахмурился Ваграм и направился к корту.

— Лучше принесите лед, — жалобно попросила Кася. — У меня фингал будет!

— Ляг пока на лавку. Я тебе мокрое полотенце приложу, — суетился вокруг нее Александр.

Она послушалась, начала ложиться и застонала:

— Ой, голова кружится. Вдруг у меня сотрясение?

Пока артист неумело возился с компрессом, Ваграм вышел к сетке, пригляделся — лужица, уже растоптанная. Пощупал пальцем, понюхал — обычная вода.

— Вы пили на корте? — крикнул он.

— Конечно, нет! — жалобным голосом возмутилась Кася.

«Может, предыдущая красавица разлила?» — задумался Ваграм.

А Бардин зло бросил:

— Или, может, в здании крыша течет, а вы не следите?!

— Нет, нет! — поспешно отозвался хозяин. — Ничего не течет. И воды тут нет. Мне просто показалось!

Через два дня поздно вечером, когда Ваграм еле живой после очередного трудового дня пил в кухне мацони, жена вдруг громко позвала его:

— Иди сюда скорее!

Он бегом кинулся на второй этаж, к телевизору — а там как раз лицо Каси на весь экран, с распухшими губами и разбитой скулой. Точно в таком виде с его корта и уходила.

— Почему она там? — спросил Ваграм у жены.

— Муж у нее мертвый.

— Саша? Бардин?

— Да, сегодня нашли. В ванне утонул.

— А Касю почему показывают?

— Вроде бил он ее.

Ваграм охнул, сел рядом и досмотрел передачу. На чирикание жены не отвечал, думал над стратегией. Раз по телевизору Касины синяки показали — значит, и к нему пожалуют. Что отвечать? Надо сразу решить, как выгодней будет.

Кася на его корт приезжала, в общей сложности, раз двадцать. Раньше — пару раз в месяц, на карантине — чаще. Как мужчина он к ней никогда не приглядывался — не выносил тощих девиц, но очевидное замечал. С год назад он уже видел фингал на ее лице. Даже из вежливости поинтересовался, что случилось.

— Лестница у нас новая. Упала, — ответила Кася и покраснела.

Ваграм больше не расспрашивал. И так ясно: муж врезал.

А вот что на его корте позавчера случилось?

По виду актер опять ей вlepил, а она его покрывала. Да и Саша гневался: воду кто-то разлил, или крыша течет.

В любом случае, решил Ваграм, если кто спросит про воду на корте, надо молчать. Во-первых, нельзя своему заведению репутацию портить. А, во-вторых, когда поскользывается — обычно коленки разбиваешь, но никак не лицо. Так что лучше валить все на Бардина — все равно он мертвый, не оправдается.

Светлый образ идеального джентльмена Бардина неумолимо тускнел. Армянский мужчина Ваграм свое мнение высказал определенно: никакой случайной травмы. Касе, на его корте, вlepил именно муж.

«Это ведь какая интересная схема получается! — задумался Дима. — Муж ее, получается, бил. Двадцать четвертого апреля ударил в очередной раз. А двадцать шестого — утонул в собственной ванне. Кася в это время, правда, в Питере была. Но это и логично: обеспечила себе алиби. Похоже, у нее был сообщник. Кто, интересно? Не партнер ли по миксту? Надо попробовать прижать эту Касю. Вдруг расколется?»

И Полуянов поддался порыву. Чевеpьково — совсем рядом с домом Бардина. Надо в первую очередь ехать туда. Кася имеет полное право высказать ему все. А его долг — как мужчины и журналиста — сначала извиниться перед ней и лишь потом продолжать расследовать дело.

Улица перед коттеджем Бардина оказалась абсолютно пуста. Холодина, небо серое, то и дело срывается дождь. И это называется апрель!

Дима остановил машину у ворот и нажал на кнопку домофона. Приготовился к тому, что Кася пошлет его с порога. Но печальный женский голос отозвался:

— Дмитрий Полуянов? Здравствуйте. Я сейчас открою. Заезжайте во двор.

Ворота распахнулись, Дима припарковал машину. Кася, в пуховом платке поверх домашнего костюмчика, встретила его на крыльце. Лицо еще больше исхудало, глаза казались несусветно громадными. Синяк на щеке посветлел.

— Вы с добром? Или свою версию пришли подтвердить? — вымученно улыбнулась она. — Пойдемте в дом. Нет-нет, не разувайтесь.

Провела его в кухню-гостиную. Поставила чайник и потянулась доставать чашки.

— Кася, подождите, — остановил ее Дима. — Мне нужно с вами поговорить.

— Слушаю вас.

— Простите. Я очень виноват перед вами.

— Что?!

— Я виноват, подставил вас. Вчера на ток-шоу я решил щегольнуть — привел, как мне казалось, интересную статистику. А фактически получилось, что обвинил вас. Извините меня за слабость! Я сказал то, что причинило вам боль. Я не имел права этого делать.

— Вы... вы это серьезно? А ведь я на вас в суд хотела подавать, — слабо улыбнулась Кася.

— Подавайте. Имеете полное право, несмотря на мои извинения. Но знайте: я пришел к вам не потому, что испугался суда. Просто на душе после вчерашней передачи очень паршиво.

— Вы такой удивительный! А я думала... весь мир против меня ополчился. Но теперь мы точно будем пить чай! Я испекла шарлотку.

Дима строил в уме много сценариев встречи с Касей — но подобного никак не ожидал.

Девушка сбросила с плеч пуховый платок. Домашний костюмчик болтается, ручки тоненькие.

— Если не понравится, сразу скажите. Шарлотка диетическая, из овсянки и йогурта обезжиренного, — виновато произнесла она.

И хотя Дима считал здоровой пищей кусок доброй свинины, диетическая шарлотка сама растаяла во рту.

— Вкусно, — похвалил он.

— Понравилось? — просияла Кася, вскочила, положила ему на тарелку новую порцию и неожиданно всхлипнула: — — Это я еще Сашеньке делала. Он ненавидел диеты, но ее с удовольствием ел. — Потом тихо добавила: — Я, может быть, плохая, не всегда была добра к Саше. Но я его не убивала. Вы ведь за этим пришли? Вы там говорили на передаче: ищи, ко-

му выгодно, кто наследник. Так вот знайте: у нас был брачный контракт. В случае развода я не получила бы ничего. И завещание у Саши тоже есть. Дом достается его маме. Мне — только машина. А сбережений у нас и не было никаких.

— Э... и почему вы согласились на такие условия?

— Потому что я выходила замуж за человека, а не за его деньги.

— А кто был инициатором брачного контракта, завещания?

— Ну... мы-то с Сашей вообще ни о чем таком не думали. И делить было нечего. Когда поженились, он меньше меня получал. Потом дела пошли, мы начали строить дом. Муж уговорил меня бросить работу. А его мама всегда считала, что я хищница, выжму все соки, оттяпаю имущество. И потащила к нотариусу, хотя Саша не хотел.

— Свекровь вас не любит?

— Саша до тридцати пяти лет прожил с мамой, был для нее — всем. И тут появляюсь я. Соперница! Да еще без высшего образования, медсестра, приезжая, — печально улыбнулась Кася. — Пока Саша оставался в театре, кое-как общались. Но когда он начал карьеру в кино делать, Ольга Петровна совсем осерчала. Хотя радоваться бы надо! Скажите, у вас с собой диктофон есть? — вдруг задала она неожиданный вопрос.

— Зачем? — удивился Дима.

— Вика, Сашин пресс-секретарь, вчера на меня надела: в память о Саши — только хорошее. Я поддалась, а теперь думаю — все равно ведь узнают. Поэтому хочу правду вам рассказать.

Заранее Саша ее со своей мамой не знакомил, и только на свадьбе Кася поняла: как ни старайся, а подружиться со свекровью ей не удастся.

Она долго пыталась сохранять нейтралитет. Притворялась, будто не обижается на придирки. Мило улыбалась, когда Ольга Петровна откровенно над ней издевалась. Молчала в ответ на хамство.

А свекровь изобретала все новые и новые пытки. Она обладала удивительной способностью появляться в их доме в самый неподходящий момент. Умела находить даже незначительные огрехи. И бить — непременно по больному.

Бардин, конечно, видел, что мать несправедлива к жене. Но все время уговаривал Касю быть к пожилой женщине снисходительной.

На третьем году семейной жизни Кася не выдержала. После очередной инспекции свекрови она горько расплакалась и заявила, что больше с Ольгой Петровной общаться не будет.

Саша стал навещать свою маму один. К ним домой свекровь, пусть реже, но все равно заявлялась, и дни ее визитов были для Кася худшими

в жизни. Но самое ужасное происходило, когда у Ольги Петровны случались так называемые сердечные приступы.

Саша искренне верил: мама тяжело больна. Кася, по профессии медик, пыталась ему объяснить, что эпизодическая гипертензия и тахикардия — не самые страшные проблемы. Но он все равно возил Ольгу Петровну по врачам, оплачивал все новые и новые обследования, отправлял в дорогие санатории.

А Кася давно заметила: давление у свекрови поднимается строго в определенные дни. Например, когда невестка играет важный турнир, а Саша за нее болеет. Или когда они изредка выбирают вдвоем в ресторан. Но муж категорически отказывался соглашаться с тем, что хитрая женщина свои сердечные приступы умело режиссирует.

Год назад — когда им в очередной раз пришлось бежать из ночного клуба к одру вполне себе румянской свекрови — Кася, наконец, высказала наблевшее. Вышли из квартиры Ольги Петровны глубокой ночью — уставшие, пропахшие корвалолом, измотанные слезами старухи. И у невестки с языка сорвалось:

— Хоть бы твоя мать уже сдохла — по-настоящему!

И тогда Саша — первый и единственный раз в жизни — ее ударил. В лицо. Кулак попал в глаз и поранил скулу.

Касю никогда прежде не били. И вдвойне было обидно, что свекровь все-таки добилась своего. Внесла в их отношения разлад — да какой!

Боль и обида захлестывали. Сначала Кася вообще думала: не просто развестись, но и жизнь мужу испортить. Пойти в травмпункт, зафиксировать побои, в полицию заявить. Но потом поостыла. Саша слал ей сообщения, умолял простить. Клялся, что разум помутился, аффект, больше никогда. «Ты знаешь мое отношение к маме. Я перенервничал. Сорвался. Прости».

Да и ей потерять его навсегда совсем не хотелось. Но напугать мужа следовало — чтобы в следующий раз неповадно было.

Поэтому на его сообщения она не отвечала. Переночевала у приятельницы, а на следующее утро отправилась за консультацией в центр помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия. Назывался он «Подруги».

Касю, вместе с ее выразительным синяком, там встретили ласково. Немедленно провели в уютную гостиную, усадили на мягкий диванчик. Потчевали чаем, смотрели с сочувствием, но слова говорили страшные. Уверяли, что, если ударил раз, обязательно будет бить снова. А закончится все может трагически.

Кася слегка обалдела от напора сотрудниц. Начала защищать Сашу, говорить, что они прожили три года, и прежде никогда муж ее пальцем не трогал. Но «Подруги» продолжали насесть:

— Быстро собирайте документы и переезжайте к нам, в наше убежище. Тут комфортно — комнаты на двоих, полный пансион. А мы поможем вам зафиксировать побои и получить максимум имущества при разводе.

— Я... я должна подумать. — Кася уже не знала, как сбежать отсюда.

Тогда одна из женщин вдруг велела своим товаркам:

— Оставьте нас.

Те немедленно повиновались.

А дама (на ее бейджике значилось только имя — Юлия) произнесла:

— Вижу, вы пока не готовы к решительным действиям.

— Нет.

— Надеетесь, что насилие больше не повторится? И очень зря. Волк, коли попробовал крови, будет алкать ее снова и снова. Я могла бы вам привести десятки примеров, когда женщины надеялись на лучшее — но в итоге становились инвалидами или погибали. Но вы все равно не станете меня слушать.

— Никакой Саша не волк! У человека затмение случилось. Я сама виновата, что его довела.

— Никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя оправдывать мужчину, если он поднял руку на женщину.

— Знаете, так и пробросаться можно!

— Воля ваша. Возвращайтесь к своему тирану. Но хотя бы будьте готовы защищаться, когда он ударит вас снова.

— Каким образом? — хмыкнула Кася. — Записаться на карате?

— Зачем? — хладнокровно отозвалась Юлия. — В честной схватке с мужчиной женщина всегда проиграет. Есть более тонкие способы.

— И какие именно?

— Например, одна из наших подопечных угостила своего мужа самогонем. Плохо очищенным, но очень крепким, под шестьдесят градусов. А когда его развезло, предложила отдохнуть в теплой ванне. Его начало тошнить. Выбраться не смог. Утонул.

— Вы это всерьез говорите?!

— Никаких телесных повреждений, яда в крови или иных доказательств вины. Пил сам. Утонул сам.

— Э... спасибо, конечно, — с опаской посмотрела Кася на Юлию.

Но та несколько не смутилась и продолжила:

— Нельзя позволять себя унижать. Когда жизни женщины грозит опасность, хороши любые средства.

Полуянов выслушал рассказ с большим интересом.

Криминальную хронику — в силу специфики работы — он просматривал регулярно. Сходу смог вспомнить несколько несчастных случаев — все они случились с мужчинами, что находились в состоянии глубокого опьянения. Уснул с сигаретой. Задохнулся выхлопными газами в гараже. Выпал с балкона десятого этажа... Интересно, остались ли у погибших счастливые вдовы?

— Вдруг эта Юлия меня вспомнит? — жалобно взглянула на него Кася.

— И что?

— Ну, это ж она мне подсказывала! Как с мужем несчастный случай устроить!

— А зачем женщине из центра по борьбе с семейным насилием создавать вам проблемы? — усмехнулся Дима. — Я думаю, она просто порадуеться, что вы послушались ее совета и избавились от домашнего тирана.

— Да Юлия-то не выдаст, наверное. Тут скорее во мне проблема. Я ведь по жизни не очень умная, не всегда знаю, где лучше промолчать. И когда мы с Сашей помирились, я ему все рассказала. Как меня в этом центре прессовали, предлагали к ним в приют уйти. И про идею с несчастным случаем тоже. Он был в шоке от того, какие советы борцы с домашним насилием дают. А вдруг Сашка свекрови об этом разболтал? Они с ней многое обсуждали.

— Не думаю, что мужчина стал бы рассказывать подобное матери. А если и рассказал... — Дима легко и незаметно перешел на «ты»: — Чего тебе бояться? Время смерти установлено. Ты в Питере была. Тело обнаружила почти через сутки.

— Ну... — Кася запунцовела. — Ольгу Петровну такие мелочи не смутят. Она все силы приложит, чтобы меня обвинить.

— У тебя есть билеты и свидетель. Против этого не попрешь.

— Так она скажет, что я специально уехала и наняла кого-то! — в отчаянии выкрикнула Кася.

— А ты кого-то наняла?

— О, господи! Нет, конечно! Но...

— Что?

— Так Денис ведь. Нинка про него на всю страну растрепала! И Ольга Петровна может подумать, что я его попросила. Или он сам решил таким образом за меня заступиться...

— Итак, на сцену выходит Денис. Это твой партнер по миксту? Или вас связывали более теплые отношения?

— Дима, у вас сейчас такой тон, как у этого типа противного из полиции... Мне сразу холодно стало. — Кася хлюпнула носом и сложила ладошки в умоляющем жесте: — Вы такой умный, хороший! А я — глупая и совсем

запуталась. Спрашивайте, конечно, что хотите! Я постараюсь держать себя в руках.

— Так в каких отношениях ты с Денисом? — сухо спросил Полуянов.

— Ну... мы вместе микст играем, уже второй год. Я всегда хотела, чтобы мы были просто друзьями. Но Диня... он в меня, кажется, влюблен.

— Кажется — или влюблен?

— Влюблен. Он мечтал, чтобы мы были вместе.

— А ты его тоже любишь?

— Он мне нравился больше, чем Саша, — честно призналась Кася. — Но уходить к нему я не хотела, хотя Диня очень настаивал.

— Куда звал? Вместе жить или замуж?

— И туда, и туда, — потупилась она. — Мы с ним сначала просто в теннис вместе играли. Ну и, так... Иногда целовались, я его поддразнивала... но ничего такого. А год назад он увидел у меня тот синяк на лице, спросил — откуда? Я скрывать не стала, призналась, что Сашка ударил. И тогда у Дениса просто крышу сорвало. Убить рвался, морду набить — ну, как обычно мужчины. Мне надо было его как-то успокоить. Вот и получилось, — она покраснела, — что переспали. С тех пор... он меня конкретно обхаживать начал, уговаривал, чтобы я от Саши ушла. Я сначала даже правда думала уйти. Диня — классный, с ним весело. Но у нас с Сашей все-таки семья. И жили мы неплохо.

— То есть ты спала с обоими, но оставалась с тем, кто выгоднее.

— Дима, вы меня прямо за какую-то совсем сволочь держите, — искренне обиделась Кася.

— Но Александр действительно богаче и перспективнее.

— Зато у Дини свое производство, сеть магазинов и никаких поклонниц. Тут не только в деньгах дело. С Сашей мы уже прожили несколько лет, и я убедилась: хороший, порядочный, удобный в быту человек. С ним надежно. А Денис — он такой шепутной, любит выпить, дурака повалить. Кто знает, как такой в семейной жизни себя поведет?

— Кася, ты в театральный готовишься?

— Чего?

— Хотя зачем тебе туда? И так артистка высший класс. Я смотрел сегодня твое выступление на ютубе — почти складно звучало. А сейчас выясняется, что там ни слова правды!

— Дима! Ну, я ведь сказала вам, что сама запуталась. И я не все вру. На счет вот этого синяка, например. — Она коснулась уже почти незаметной отметины на щеке. — Я на корте упала. Там кто-то воду разлил прямо у сетки. Я резко дернулась к мячу, поскользнулась, потеряла равновесие — и грохнулась так, что на другую сторону перелетела. Похоже, сильно ударились, до сотрясения мозга. Поэтому и турнир плохо сыграла.

— Был я сегодня на этом корте. Его хозяин, Ваграм, утверждает, что никакой воды там не было.

— А что ему еще остается? — запальчиво произнесла девушка. — Признаться, что все правила нарушает, и у него полный бардак? Врет, будто уборка и дезинфекция после каждого! А на самом деле — клиенты один за другим. Предыдущие игроки, небось, разлили. А может, крыша протекает.

— Ваграм сказал, что раньше на его корте никто не падал, ты первая.

— Саша тоже видел, что я поскользнулась. Орал на этого Ваграма, что тот за кортами не следит.

— Надо было сфотографировать эту лужу.

— Разве до того было! У меня кровь, Сашка вокруг суетится. А Ваграм, под шумок, к сетке сходил и пол вытер тапкой — я видела. У него домашние были, мягкие, такие легко воду впитывают.

— Но других свидетелей-то нет.

— Теперь нет, — печально опустила голову Кася.

— Судя по твоему лицу, ты еще что-то скрываешь, — устало произнес Полуянов.

— Ну, просто все против меня сложилось! Я сначала хотела турнир не играть, но утром проснулась — вроде ничего, слабость не сильная. Решила, что разойдусь, разбегаюсь. Умылась холодной водой, синяк затонировала и поехала. А на турнире Диня в мужской сетке участвовал! Как синяк мой увидел, опять его понесло. Что я сама упала, никак не верил, немедленно рвался с Сашкой отношения выяснять. Еле остановила.

— Тем же способом, что и раньше? — усмехнулся Дима.

— Да, — простодушно отозвалась Кася. — Мы в перерыве между матчами в тренажерку ходили. Она сейчас пустая.

— Когда ты задумала ехать в Питер? — сменил тему Полуянов.

— Мы с сестрой давно договорились, билет я за неделю взяла.

— Твой Денис знал, что ты на следующий день уезжаешь?

— Да. Еще все рвался мне бизнес-купе оплатить, чтобы никаких контактов с вирусом. Но я отказалась, конечно.

— А про привычку твоего мужа слушать музыку в ванной он тоже знал?

— Ну... может быть, я когда-то упоминала.

— И ключи от твоего дома у него были...

— Нет! Нет! Зачем бы я давала ему ключи?

— Но ты все равно опасаясь, что несчастный случай устроил Денис. Верно?

— Я не знаю, — всхлипнула Кася. — Но он реально психанул из-за этого синяка. А ключи от дома я потеряла... где-то полгода назад. Саше ни-

чего не сказала, просто сходила в металлоремонт, сделала дубликат. И только сейчас вспомнила, что потеряла их именно в тот день, когда мы с Денисом встречались.

— Да... При подобном раскладе тебя запросто могут признать соучастницей или даже заказчицей.

— Дима, не пугайте меня! Мне настолько тяжело было покаяться перед вами! Лучше посоветуйте, что мне делать в этой ситуации.

— Как ты сама считаешь, Денис мог убить?

— Ну... я все, конечно, сделала, чтобы его успокоить, но Диня... он такой — если чего в голову вбил, то все.

— А ключи он мог украсть?

— Не знаю.

— В вашем коттедже видеонаблюдение есть?

— Есть, только Саша его не включал, когда дома был. Считал, что бессмысленно.

— И когда ты вернулась, дверь была заперта?

— Да, и дверь, и калитка. Все как обычно. Замки целы, признаков взлома нет. Следов у забора тоже. Полицейские проверяли, но как-то вяло. Да и дни дождливые были.

— В ванной действительно никаких следов борьбы?

— Нет.

— Синяков, ссадин на теле?

— Дима! Я же испугалась безумно и не разглядывала! Но заметила, что лицо под водой — спокойное, даже счастливое. Меня очень это испугало. Он явно мертвый, но словно бы улыбается.

— А как у Александра было с алкоголем?

— Всем бы так! Полный контроль. В артистической среде это редкость. Но Сашу мама лет с шестнадцати учила знать свою меру и всегда ее соблюдать, независимо от обстоятельств.

— Мера — это сколько?

— Да совсем чуть-чуть: бокал или рюмка. Изредка — две.

— От него пахло, когда ты нашла тело?

— Пахло... Слегка. Но я не приняховалась. Поймите же, мне очень страшно стало! — Ее глаза снова наполнились слезами.

Да, Кася — особа лживая, и женскими секретами владеет в совершенстве — все эти слезки, комплименты, восхищенные взгляды. Дима видел ее насквозь и невольно подумал: зря, очень зря он поехал к ней извиняться...

Что скрывать: Лике куда больше нравилось, когда Кася была несчастной, беззащитной сироткой.

Двоюродная сестра появилась в ее жизни двадцать лет назад. Родители дали девочке вычурное имя Кассандра просто потому, что «дурака решили повалить». Сами они закончили жизнь бесславно. Отец попал под поезд. Мама, как считалось, умерла от сердечного приступа, но в Ликиной семье всегда говорили: «Допилась». А Касю (когда думали, что дети не слышат) называли «типичным пьяным зачатием». Хотя сама Лика не видела в сестре генетических несовершенств. Подумаешь, простейший стих по два часа учит и в дробях плавает! Зато мальчишки хвостом ходят. У нее самой наоборот: отличные оценки, а внешность — самая заурядная. Мама всегда говорила, что жизнь их рассудит. Мол, красота — явление преходящее, а ум — это навсегда.

Кася с превеликим трудом смогла поступить в местное медучилище. Лика — покорила университет в Санкт-Петербурге. Касе с первого курса приходилось биться за кусок хлеба — мыть в больнице полы, выносить за старухами судно. Лика могла полностью сосредоточиться на учебе. Королевой красоты по-прежнему не была, но интересные знакомства появились.

Кася, едва окончив училище, тоже покинула их городок. Лика звала в интеллигентный Питер, но сестра предпочла Москву, где возможностей больше. Устроилась на работу в поликлинику, сняла даже не комнату, а угол. Жаловалась, что не высыпается. С удовольствием приезжала к Лике в гости — той родители купили в ипотеку «однушку».

Лика не понимала, как можно быть настолько амебой, чтобы работать в физиотерапии, включать старушкам «магнит» или электрофорез, получать гроши и ни к чему не стремиться? Она всячески подталкивала сестру выучиться — хотя бы на фельдшера. Какой-нибудь сертификат массажистки получить. Сделать пусть минимальную, но карьеру.

Впрочем, Кася слово «карьеру» понимала по-своему и в один из приездов гордо доложила, что устроилась на работу в психушку. Да не в государственную, а в крутую частную клинику. Имеет теперь униформу, трансфер, ресторанное питание, сосновый воздух, а главное — перспективы.

— Какие могут быть перспективы в сумасшедшем доме? — расхохоталась Лика.

Но Кася рассказала, что народ в лечебнице собрался чрезвычайно интересный: актеры, крутые блогеры, музыканты. Болезни у всех, в некоторой мере, «аристократические», с тяжелыми психическими расстройствами сюда не брали. Главный врач наставлял ее:

— Уколы — дело десятое. Человеческий фактор в сто раз важнее. Особенно с нашими социопатами.

Кася правила игры легко усвоила: она пила с пациентами чай, играла с ними в «дурачка» и монополию, с трепетом и пиететом слушала новые

песни и главы из книг. Флиртовала, а иногда вступала и в более близкие отношения — в надежде, что именно здесь и встретит своего принца.

— Не женится богема на медсестрах, — предупредила Лика.

— В обычной жизни нет, — согласилась сестра. — Но в клинике они несчастны, небриты, в спортивных костюмах. А я — ангел, облегчаю им страдания.

— У тебя зарплата какая? — поинтересовалась Лика.

Кася назвала очень приличную сумму.

— Ничего себе! За то, что в шашки с больными играешь?

Сестрица смутилась, но все-таки раскололась. Главный врач во время собеседования сразу предупредил: если пациент захочет любви — в физическом смысле — отказывать ему не обязательно. Влюбленность, флирт и секс для больных — важная часть психотерапии.

— То есть ты фактически проститутка?

Кася всхлипнула:

— Не называй меня так! Никто не заставляет обязательно с ними спать. Я могу сама выбрать и сплю — только с кем хочу.

— Но все знают, что ты доступна. Точно не будет дураков жениться, — предрекла Лика.

И ошиблась. Замуж девушки вышли в один год. Анжелика — за подающего надежды однокашника по аспирантуре, родом из Питера. Кася — за одного из своих пациентов. Был он актером, служил в неведомом театрике в столичных Кузьминках.

Ликина свадьба проходила в ресторане на Невском. Касино торжество — в убогой «стекляшке» под названием «Мечта». Касин избранник показался Лике довольно милым. Но к нему прилагалась абсолютно несносная мамаша, невротическое расстройство в анамнезе, да и зарабатывал актер гроши, поэтому особо завидовать было нечему.

Девушки — пусть теперь и обремененные семьями — продолжали общаться.

Лика окончила аспирантуру, завела визитную карточку с титулом «Ph.D» и устроилась на работу в крупную финскую компанию. Платили неплохо, но эксплуатировали жестко: постоянный контроль, аттестации, конкуренция.

Ее муж тоже работал, но о сногшибательной карьере не мечтал и особо не пахивался. Поэтому, хоть машины себе купили и в отпуска за границу ездили, все равно приходилось экономить.

А Касин актер вскоре после свадьбы пошел в гору. В сериале прогремел, по телевизору постоянно мелькал, фан-клуб у него, дом в ближнем Подмоскowie. Сестра ушла с работы. Считалось, что ведет хозяйство, но вечно, как ни позвони, торчала на теннисном корте.

Мама утешала: «Пропоеет свое лето красное стрекоза. Бросит ее актер». Но Бардин продолжал оставаться Касиным супругом, интрижек на стороне не заводил, и зависть потихоньку начала просачиваться в Ликино сердце. Сколько можно ждать торжества справедливости!

Но обид она не показывала. Кася по-прежнему приезжала в гости, своим положением не кичилась, преданно смотрела двоюродной сестре в рот, на комплименты Ликиного мужа отвечала суровым взглядом.

Да и не выкинешь из жизни двадцать лет, что бок о бок прожили!

Сейчас тоже хватало общих тем. Кася жаловалась: ее актер вечно на съемках, дома скучища, и свекровь изводит. Лика, в свою очередь, жаловалась на своего: увлекся йогой, постоянно посещал какие-то курсы, а однажды уговорил Лику поехать в Индию за новыми впечатлениями. Она исплевалась: домики без удобств, еда невкусная, культурная программа сплошь по буддийским храмам.

В дальнейшем супруг ездил оздоравливаться один, а когда случилась пандемия, не смог выбраться с Гоа. Лика хлопотала, караулила анонсы вывозных рейсов, но вскоре поняла: муж абсолютно не горел желанием возвращаться в «чумную» Россию.

Брошенная жена в самоизоляции быстро заскучала. От телевизора и ужинов в пустой кухне тошнило. И когда Кася в разгар карантина вдруг попросилась в гости, только обрадовалась.

Искать утешения у Бога Ольга Петровна даже не пробовала. Не скатиться окончательно в пропасть депрессии и отчаяния ей помогало лишь одно — жажда мести. Черное, беспросветное горе теперь в сердце до гроба, но она не сомневалась: когда виновные будут наказаны, станет существенно легче.

Полицейские продолжали кормить ее байками про несчастный случай, но женщина ни на секунду не верила, что ее Саша — молодой, здоровый, разумный, сдержанный, почти непьющий — мог заснуть в ванне и утонуть. Она была уверена, что к гибели ее единственной отрады, тем или иным образом, причастна ненавистная Кася. С самого начала — едва только взглянула в лживые, глупо распахнутые глаза, мать почувствовала: не с добром в их семью пришла эта девица.

Пусть на совести правоохранителей останутся бездействие и бесконечные отговорки, что следственные действия в карантин затруднены. Сама Ольга Петровна решила наплевать на режим самоизоляции. Но прежде следовало выработать план действий.

Начала она с того, что внимательно посмотрела передачу Могилева. На следующий день выслушала Касины жалкие оправдания в ютубе. Шатких

мест, на ее взгляд, в обороне невестки имелось немало, и свекровь с наслаждением приступила к осаде.

Наиболее подозрительной ей казалась внезапная поездка Кассандры в Санкт-Петербург. Да, невестка каталась в Питер и раньше, примерно раза три в год. Но почему отправилась туда сейчас — без особой цели и в самый разгар пандемии? Именно в тот день, когда погиб Саша. Да еще о своих планах в социальной сети оповестила, причем чрезвычайно развязно:

«Эй, вы, изолированные! Не устали в четырех стенах сидеть? А поездо — ходят. Самолеты — летают. Я вот в свой любимый Питер собралась. Жаль, конечно, что Мариинка закрыта, но подпольный ресторан сестричка найти обещала».

Едва Кася свой наглый пост выложила, как Ольга Петровна сразу же возмутилась, даже Сашеньке звонила — тогда живому-здоровому. Но сын не предчувствовал беды и беззлобно ответил:

— Да пусть развеется.

И ничего ей не подсказало сердце-вещун. Как теперь себя корила, что не поехала тем вечером к сыну!

Полицейский уверял, что алиби у вдовы железное. Билеты настоящие, сестра подтвердила, что Кася была у нее. Авиакомпания даже видео предоставила — как пассажирка в самолет садится.

Ольга Петровна и сама склонялась к мысли, что невестка специально уехала, чтобы от себя подозрения отвести. А черное дело кто-то другой совершал — по ее заказу.

Полицейские от версии про наемного убийцу отмахнулись. Сама она тоже пока не понимала, каким образом ей вычислять исполнителя, поэтому начать решила с самого простого.

Никто (в том числе сын) не знал, что Ольга Петровна вела на Касю и ее окружение скрупулезное досье. Убийственного компромата в нем, к сожалению, не имелось — иначе бы давно предъявила сыну и добилась развода. Но полезной информации за четыре года набралось много, поэтому сейчас зря тратить время не пришлось — телефон Касиной двоюродной сестры Ольга Петровна знала и быстро набрала номер Анжелики.

Звонок застал ее на коврике для йоги, и Лике пришлось поставить занятие на паузу. Она взглянула на определитель — номер незнакомый, вроде московский.

— Алло?

— Анжелика Андреевна?

— Да, это я. А вы, простите?

— Это Ольга Петровна. Мама Александра Бардина.

— Ой. Я... э... — пролепетала Лика, — примите, пожалуйста, мои искренние соболезнования.

Она ждала, что женщина, только что потерявшая сына, разрыдается, но та лишь сухо отозвалась:

— Благодарю. — И деловито спросила: — Я могу задать вам несколько вопросов?

— Да. Пожалуйста.

— Скажите, Кассандра к вам действительно приезжала?

— Э... что вы имеете в виду?

— Только то, что спросила, — отрезала безутешная мать. — Моя бывшая невестка утверждает, что вечером двадцать шестого апреля и утром двадцать седьмого она находилась в Санкт-Петербурге. Это так, или вы ее покрываете по-родственному?

— А зачем мне ее покрывать? — нервно хихикнула Лика.

— Откуда я знаю.. Она могла напеть вам в уши любую слезливую историю. Или деньгами предложила поделиться.

— У Каси нет своих денег.

— Не скажите. Кассандра, конечно, любила всем рассказывать, какая она бедная: у нее лично нет ни копейки, злая свекровь вынудила ее подписать брачный контракт, а сына уговорила написать завещание не в ее пользу. Но доступ ко всем счетам и картам Сашеньки у нее имеется. Да и завещание она будет оспаривать — как наследница первой очереди.

— Что вы от меня хотите? — потребовала Лика.

— Правду. Кася действительно приехала двадцать шестого апреля на «Кондоре» отправлением в девятнадцать ноль-ноль? Вы ее встретили, она ходила с вами в ресторан, ночевала в вашей квартире?

Вот это матушка у Александра! Лика поневоле прониклась к женщине уважением. Но сотрудничество с Касиной свекровью в ее планы никак не входило, потому она твердым голосом отозвалась:

— Разумеется, Кася приезжала. Я ее встретила около одиннадцати вечера на Московском вокзале, мы вместе поужинали. В ресторан не ходили — решили, что дома уютней и безопасней. А на следующий день я отвезла ее в Пулково.

Ольга Петровна не узнала ничего нового, но трубку положила с радостным чувством. Что-то не чисто здесь, слишком уж старательно Анжелика прикидывалась дурочкой. Может, конечно, она дурочка и есть, и глупость в их семье — черта фамильная. Однако в досье значилось: Касина двоюродная сестра окончила бюджетный факультет университета (куда совсем не просто поступить), защитила диссертацию, работает у финнов на при-

личной должности. Это вам не медсестричка. Запросто может вести собственную игру.

Но как заставить Анжелику сказать правду? Звонить полицейским, настаивать, чтобы проверили, не покрывает ли Касю двоюродная сестра? Но доказательств-то никаких. А с подозрениями правоохранительные органы ее уже отшили.

Поехать к Кассандре, потрянуть ее? Попробовать расколоть? Будет упираться, а скорее — просто не пустит на порог. Это раньше можно было отодвинуть плечом и войти. Сейчас и дверь не отопрет — формально они больше не родственники.

Пасть в ноги теннисисту Денису, чтобы согласился поговорить? Но если тот в сговоре с Касей, то уж точно не станет откровенничать с матерью своего соперника. Да если и не в сговоре — тоже ее пошлет.

А может, отправиться в коттеджный поселок, где жил Саша? В дом не заходить, но пообщаться с соседями? Не может быть, что никто ничего не видел!

Публика в поселке не слишком дружелюбная, даже между собой не особо здоровались. Но среди особняков и коттеджей каким-то чудом остался раритет — деревянный домишко. Проживала там одна бабуля, которая вечно торчала у окна и наблюдала за всеми. Знакома с ней Ольга Петровна не была, но, когда навещала сына, запомнила ее.

Она вернулась к письменному столу, включила компьютер и зашла на портал городских услуг. Официально пожилым разрешалось выходить только до ближайшего магазина, и она боялась, что пропуск ей банально не выдадут, но решила попробовать. Выбрала графу «поездка в личных целях», ввела адрес — Касин дом в Подмосковье, номер своей машины — и немедленно получила высочайшее дозволение.

Денис Ивашов в очередной раз набрал Касин номер и снова услышал, что абонент недоступен. Симку вынула? Или внесла его в черный список?

Он прошелся по квартире. На журнальном столике пылился давно забытый городской телефон. Домработница предлагала отключить, но Денис решил оставить. Абонентская плата невеликая, вдруг пригодится.

Вот и понадобился — он набрал Касин номер с него. В этот раз — длинные гудки, но трубку снова не взяли. Стерва! Значит, точно: его мобильник заблокировала, а другим отвечает — в зависимости от номера на определителе.

Угораздило его влипнуть! Как хорошо было просто играть с ней микст. Бегаёт быстро, вид товарный, мужики завидуют, что еще надо?

Но когда увидел свою партнершу с разбитым лицом, поддался проклятой жалости. Думал, просто утешит, поддержит, но сам не заметил, как

втрескался по уши. Хотя ему понятно, что Кася с ним просто играла. И нужен он ей был как жилетка — на злого мужа поплакаться.

Или все-таки она его любит?

Денис насквозь видел своих сотрудников, легко разгадывал козни налоговой и подставы поставщиков, но что творится в Касиной голове — до сих пор до конца не понимал. Она все время была вроде как и с ним, и сама по себе. Клялась, что мечтает разойтись с нелюбимым мужчиной и уйти к нему, но разорвать якобы ненавистные узы не торопилась. Казалось ему истинной женщиной — очень красивой и не способной к многоходовкам, но сейчас, несомненно, отстаивала собственные интересы. Денис только никак не мог понять, в чем они заключаются. Между ними все кончено? Или Кася просто боится общаться с ним, когда тело мужа еще не предано земле?

Он много раз порывался просто поехать к ней домой и задать вопрос в лоб, но — никуда не ехал: вдруг только хуже сделаешь и потеряешь ее навсегда? А без Каси Ивашов своей жизни больше не представлял.

Нина Щеглова в детстве обожала игру «казаки-разбойники», прятки, и нынешнее карантинное время словно вернуло ее в счастливые школьные годы. Как интересно — делать то, что запрещено, но при этом не слишком рисковать.

Ей нравилось состоять в секретном теннисном чате. Пробираться в спортивный клуб, крадучись. Брать уличную одежду из раздевалки с собой на корт — вдруг придется срочно скрываться?

При этом она понимала: лично ей особо ничего не грозит. Пропуска якобы в лечебное учреждение можно хоть каждый день получать. Место назначения никто не проверял, но Нина перестраховывалась. Каждый раз, когда планировалась игра в новом месте, выбирала на карте ближайшую к корту коммерческую клинику, записывалась туда к первому попавшемуся врачу — и под это дело организовывала себе документ. А если вдруг облава — спортклуб, конечно, круто прижмут, как с «Подмосковными зорями» случилось. Но лично ей — только штраф в несколько тысяч выпишут, и то не факт. Можно пережить.

Зато сколько новых возможностей! Одиноких мужчин в теннисе всегда имелось немало, а во время пандемии — еще больше прибавилось. Каждый день в чате появляются новые аватарки, одна краше другой. Нина каждую увеличивала и внимательно разглядывала. Раньше не смотрела, что лысый или седовласый — со всеми играла. А сейчас можно и покочевряжиться.

Когда в тайную теннисную группу добавили еще одного новичка по имени Дмитрий, Нина тоже долго рассматривала фото. Снимок на аватарке

был сделан против солнца, лица особо не разглядишь, но фигура приличная, и ракетка в руках дорогая.

Теннисное сообщество хорошо тем, что здесь можно безбоязненно назначать свидания незнакомцам. И когда новенький пригласил ее личным сообщением поиграть, Нина поломалась только для приличия. Тем более что галантный мужчина предложил корт не пополам, как принято, а самому оплатить.

Утром после завтрака Полуянов сразу удалился в кабинет. А часа через два явился с вопросом:

— Надь! А моя сумка теннисная где?

— На антресолях. Я сразу убрала, когда все закрыли.

Дима молча достал и повертел в руках ракетку. Встал в профиль к зеркалу, живот втянул, плечи расправил — настоящий атлант!

Надя явно занервничала, и он улыбнулся:

— Надюшка, да расслабься ты! Я с Щегловой играть иду. Помнишь, у Могилева после меня выступала?

«Сроду не поверю, что ты для этой фотомodelьки несостоявшейся прихорашиваешься», подумала Надя, но добиваться от любимого правды не стала. Помогла найти шорты с майкой и носки в тон, достала из обувного шкафчика кроссовки и, как бы между прочим, спросила:

— Продвигается дело?

— Пока не очень, — поморщился он.

— Давай, помогу чем-нибудь, а то я со скуки скоро умру.

— Нет-нет, даже не думай! Сегодня в Москве больше двух тысяч человек заболели. Сиди лучше дома.

— А сам идешь в теннис играть, — укорила Надя.

— Корт большой. Вирус пролетит мимо, — отмахнулся Полуянов.

Надя смотрела в окошко, как он идет к машине: спина прямая, походка танцующая. Дима выглядел, как человек, которого ждет интересный день. А ей опять в квартире киснуть и бояться остаться одной — навсегда.

Когда Нина вышла на корт, ее ждало разочарование. Внимательнее надо было аватарку разглядывать. Она-то ожидала таинственного, богатого, неженатого и перспективного незнакомца, а получила — уже известного ей журналиста Полуянова. Тоже, конечно, видный парень, но охотиться бесполезно. Клуша при нем зубастая, с такой тягаться сложно. Это Щеглова еще на телепередаче Могилева поняла.

Но не возвращаться же домой! Просто поиграть с симпатичным парнем на халяву тоже неплохо. А вопросов его она не боялась, ей скрывать нечего.

Может, счет ему выкатить — за то, что вопросы свои будет задавать? Тысяч хотя бы на десять? Но Полуянов и так безропотно оплатил корт, три новые банки мячей принес и ей отдал, да еще проиграл. Поэтому Нина решила его пожалеть, дать интервью бесплатно.

Говорить пошли после игры в пустой буфет, обтянутый желтыми лентами. Проскользнули под ограждение, уселись. Галантный Полуянов смог скрасить неприкаянно пустые столы — извлек из теннисной сумки натуральный сок из супермаркета, дорогие конфеты, фруктовый салат в лотках.

— Вы такой заботливый или много узнать хотите? — томно улыбнулась Нина.

— А что ты особо знаешь? — усмехнулся Дима.

— Ну... я вообще-то поняла, кто Бардина убил. Только, пожалуйста, без диктофона. Мне неприятности не нужны.

— И кто?

— Диня. Денис Ивашов.

Дима сглотнул, оживился, но голос сделал равнодушным:

— Зачем ему?

— По классике. Из-за любви! Он же по Каське сох, как щенок, просто смотреть тошно. Все приказы ее выполнял. Тряпка, а не мужик.

— Почему у Могилева об этом не сказала?

— Так там я строго по техзаданию.

— Это как?

— Мне редактор четко велела: про Дениса только упомянуть, но не педальировать. Он Касин партнер по миксту, симпатия у них, а про то, что роман — ни звука. Типа, просто друзья.

— Вы настолько подробно твое выступление оговаривали? — удивился Дима.

— Как иначе? У меня по договору полная оплата, только если я неукоснительно сценарию следую.

— Тебе за участие денег дали?!

— Ну да. Двадцаточку подняла в легкую. Это не считая всероссийской славы.

— Ничего себе! А как ты вообще на эту передачу попала?

— Редакторша позвонила и предложила.

— Что за редакторша? Как зовут?

— Милена, фамилии не знаю. Такая пожилая, на мужика похожа.

— А когда именно тебе позвонили?

— Где-то часов в пять. Сказали немедленно в Останкино ехать, чтобы успеть на грим и все обсудить.

— Ты спросила, откуда у них твой телефон?

— Милена сказала, что в теннисном клубе дали.
— Он же официально закрыт!
— Но телефоны-то работают. Администраторы дома сидят, отвечают. В клубе все знают, что мы с Касей — приятельницы.
— Как интересно! А что конкретно тебе по сценарию надо было сказать? Нина начала перечислять:
— Главное — про Каськин синяк: что она врет, будто на тренировке упала. И обязательно подчеркнуть, что об корт так удариться невозможно.
— А про Дениса?
— Про Дениса тоже разрешили, но очень аккуратно. Чтобы его адвокаты потом программе судебный иск не вчинили.
— И тебе нормально было — говорить, что велят?
— Что такого? Я же не врала. Синяк год назад у Каси был. Денис с Бардиным тоже ссорились, это весь клуб видел. А сейчас она врет, что на тренировке упала.
— Ты не любишь ее?
— Не-а. Ненавижу халявщиц. Ну и завидно, конечно, немного. Муж — актер, любовник — бизнесмен крутой. И оба из-за нее грызутся. Мне бы так!
— А Кася могла убить мужа?
— Нет, конечно. Но в сговоре с Диней быть — вполне. Уехала в Питер — типа, алиби. Ему дала ключи от дома, рассказала, что у мужа ритуал — вечером ванну принимать в наушниках. Диня в нужное время пришел — и соперника грохнул. Ну, или нанял кого-то. Он человек богатый, может себе позволить.
— Но почему ей было просто не развестись, если такая любовь?
— Этого не знаю. Наверное, хотела богатой вдовой стать и дом себе оттяпать. А может, благородный мститель Диня воздать Бардину по заслугам захотел.
— За что?
— Ну, тот ведь на его королеву посмел руку поднять. Говорю тебе, у Дини на почве Каськи крыша совсем съехала. Луну был готов для нее с неба достать. — Нина вздохнула печально: — Жаль, мне такие мужики не попадают.

Кася прежде никогда не страдала бессонницей, но сейчас просто не знала, куда деваться. Народные средства не помогали, рецепта на снотворное не было, и она уже которую ночь металась на своем диванчике до пяти утра. В спальню, на второй этаж, по-прежнему не поднималась — боялась. Она всегда считала их дом дружелюбным, спокойным пристанищем. Когда муж уезжал на съемки, без проблем ночевала одна. А нынче

постоянно: то шорохи, то скрипы, или еще хуже — шаги осторожные. Сашина душа, что ли, здесь? Никак не успокоится? Она прежде не верила в сверхъестественное, но сейчас пряталась под подушку. А в сон проваливалась, только когда рассветало, и просыпалась поздно, совсем разбитая. Брела на кухню варить кофе и чувствовала, что руки дрожат, словно у алкашки. Только после второй чашечки хоть как-то расходилась — и сразу начинала в ужасе ждать очередной страшной ночи. Поскорее бы Сашу похоронили! Может, тогда легче станет.

Но сегодня с самого пробуждения день пошел кувырком. Кася пошла в кухню, поставила турку на плиту, выглянула в окно — и сразу мороз по коже. На улице, возле их забора, припаркована машина свекрови. Что нужно проклятой бабке?

Забыв про кофе, она накинула куртку, приоткрыла дверь, выглянула — никого. Прошла к калитке, разглядела сквозь щель машину — внутри пусто. Вообще непонятно.

Вернулась домой, заперлась на засов, снова посмотрела в окно и увидела, как свекровь вполне бодрой походкой дефилирует по улице со стороны соседского дома справа. Зачем она сюда приезжала? И почему лицо довольное, взгляд почти торжествующий? С кем она общалась? Что выведала?

Машина Ольги Петровны резко сорвалась с места. Не успела Кася облегченно выдохнуть, как на улице снова послышался шум мотора. «Джели». О, боже! Кажется, это авто уже стояло в ее дворе — среди тех, что понаехали после того, как Кася сообщила о смерти мужа.

Машина остановилась там же, где парковалась свекровь. Водительская дверца распахнулась, и из салона выбрался мужчина. Вглядевшись в его лицо, Кася сразу узнала оперативника, который с ней уже общался, и, не дожидаясь звонка домофона, сразу отперла калитку.

Незванный гость (имени его Кася не помнила) вошел в дом и, взглянув на хозяйку без искры сочувствия, спросил:

— Вы чего-то боитесь, Кассандра Михайловна?

— Спать вообще не могу, — честно призналась она. — В доме шорохи. Постоянно кажется, что это Сашины шаги.

— Может быть, это совесть? — слегка усмехнулся мужчина.

— Не надо меня подлавливать, — возмутилась Кася. — Я уже говорила. Саша — мой любимый муж, лучший в мире мужчина. И я бы никогда...

— Я знаю, — перебил ее оперативник. — Вы сами — никогда. Алиби себе отличное обеспечили. Но в Москве оставался Денис Ивашов.

— И что? — Ее щеки сразу полыхнули.

— В прошлый раз вы не упоминали, что у вас есть любовник. Почему?

— Я... я не собиралась скрывать, но вы не спрашивали. А мне стыдно было признаваться.

— Вы также с пеной у рта уверяли, что врагов у супруга нет. Никто не мог желать ему зла. В каких отношениях находились ваш покойный муж и Денис?

— В нормальных.

— Да неужели?

— Саша... он ревновал, конечно. Но в разумных пределах.

— Однажды при свидетелях Денис поклялся убить вашего мужа.

— Будто сами не знаете: тот, кто грозит, никогда ничего не сделает, — парировала Кася и тут же перешла в контрнаступление: — Почему мы вообще говорим об убийстве? Я, Сашина законная жена, до сих пор не знаю, отчего он погиб! Вы установили, наконец, причину смерти? С какой стати ему было тонуть?!

— Предварительное заключение: несчастный случай. Но у следствия остались вопросы. Поэтому до результатов химико-токсикологического исследования разрешения на похороны не будет.

— И как долго это будет тянуться?

— Обычно две недели. Но так как погиб известный человек, постараются побыстрее. Вы сами хотите узнать истинную причину смерти?

— Да... конечно... Я не верю, что Саша мог просто утонуть.

— Кстати, ваш любовник Денис знал, что вы в день смерти мужа уехали в Санкт-Петербург?

Притворяться смысла не было.

— Знал. Об этом многие знали. Я на фейсбуке об этом написала.

— У Дениса есть ключи от вашего дома?

— Конечно, нет!

— А вы свой комплект не теряли? Никому не отдавали с целью копирования или просто так?

Журналисту Полуянову признаваться было легко, а у этого глаза холодные, змеиные. Но речь о собственной жизни идет, поэтому молчать нельзя.

— Да, я теряла ключи. Примерно полгода назад.

— Где?

— Не знаю. Обнаружила, что их нет, только дома.

— А где в тот день были?

— У косметолога. В двух магазинах. В теннисном клубе.

— Ивашов там тоже присутствовал?

— Да... Мы играли микст, а потом пили кофе в буфете.

— В половую связь вступали?

Она покраснела, но врать снова не стала:

— Д-да.

— Где?

— Д-денис квартиру снимал. На сутки. В доме рядом с клубом.

— Вы, конечно, перед уходом из квартиры ходили в душ и сумочку с собой не брали.

— Да, но Денис бы никогда в нее не полез!

— Не волнуйтесь так, Кассандра Михайловна. Лично вас никто пока не обвиняет. А мужчины должны сами свои проблемы решать. Проводите меня к столу, я должен записать ваши показания.

— Денис не убийца! Он нормальный, порядочный человек! — продолжала горячиться она. — И вообще, почему его подозревают? Вы что, обнаружили в ванной комнате его ДНК?

Полицейский загадочно улыбнулся, но больше ни на один ее вопрос не ответил. Быстро заполнил протокол, дал Касе подписать и на прощание пообещал:

— Мы скоро с вами опять увидимся.

Она захлопнула за ним дверь, задвинула засов и без сил опустилась на пол. Что у них на Дениса? Подозрения или факты? И что у них — на нее?

Касе страшно хотелось заварить свежий кофе, спокойно сесть в кресло и постараться все проанализировать. Но она даже турку не успела вымыть — снова отвлекли. На этот раз телефон.

— Але, — слабым голосом произнесла в трубку Кася.

— Слушай, сестричка, — ответил голос Лики, — я тут все обдумала и решила наш с тобой договор расторгнуть. У меня появилось к тебе новое предложение. Исключительно деловое.

Поначалу Дима планировал повидаться с Ниной, а потом сразу поехать к Кассандре, задать еще несколько вопросов по делу. Однако после встречи с Ниной он решил повременить с визитом. Кася вчера, конечно, очень старалась выставить себя невинным ангелочком-овечкой. Мол, ездила в гости к сестре, а если мой любовник в это время убил мужа, то я абсолютно не в курсе.

Могло ли такое быть? И мог ли Денис Ивашов вообще демонстративно отправить Касю в Питер, а сам расправиться с ее супругом?

Поступок, на первый взгляд, неразумный и опрометчивый. Зачем богатому и успешному добиваться женщины столь затейливым способом? Тем более действовать настолько очевидно, практически в лоб? Денис — серьезный бизнесмен, такие не совершают глупости во имя любви. Но Полюянов вспомнил Касю, ее худенькую шейку, глазищи, что затягивали, словно в болото, и подумал: ради такой девушки на многое можно ре-

шиться. У самого в груди щемило — хотя всегда считал, что беспомощные фарфоровые глупышки совершенно не в его вкусе. Черт его дернул поехать извиняться и остаться на диетическую шарлотку!

А что, интересно, доблестные полицейские по поводу Ивашова думают?

Он с немалым трудом дозвонился до уже знакомого следователя. Выслушал, что половина отдела на карантине, по факту смерти актера проводится тщательная проверка, и никаких заявлений следствие делать пока не готово. Пришлось прикрываться Савельевым, напоминать про немалую должность своего друга на Петровке, а также про собственные регалии. Под конец Дима заорал:

— Я у вас крохи прошу! Сложно сказать, где был Ивашов в ночь убийства?

И добился-таки ответа: любовник Каси двадцать шестого апреля с двадцати ноль-ноль и до следующего утра находился у себя дома, в элитном жилом комплексе на северо-востоке Москвы. Видеокамеры с подземной парковки подтверждали: «мерседес» бизнесмена весь вечер и ночь простоял в гараже. Консьерж тоже сообщил, что мимо его стойки Ивашов не проходил.

— Он там живет и, конечно, знает, где камеры. Мог проскользнуть через черный ход, через парковку, — предположил Полуянов.

— Я не стану комментировать ваши доморощенные версии, — меланхолично выдохнул следователь. — А если они будут опубликованы, привлеку вашу газету за клевету.

На этом разговор завершился. Но Диме показалось, что Ивашовым следствие интересуется. Действительно, тот запросто мог или сам убить или киллера нанять.

И даже если Кася не знала о планах любовника, все равно выглядела она сейчас некрасиво. Муж мертв, Дениса вдова изящно подставляет, и ему, Диме, глазки активно строит.

Стало стыдно, что он так легко попался на крючок. Дело, конечно, бросать нельзя, но стоит держаться подальше от этой Каси. Все вопросы он ей уже задал, ехать к ней домой вовсе не обязательно.

Но только принял решение — зазвонил телефон. Кассандра. Легка на помине.

Пришлось ответить.

Голос девушки звучал на фоне дорожного трафика:

— Дима! Простите меня, пожалуйста, что вас отвлекаю. Но я ушла из дома.

— Куда? — вырвался глупый вопрос.

— Не знаю, — простодушно отозвалась Кася.. — Сейчас я просто еду по Кольцевой. Без всякой цели.

— И в чем смысл?

— Я не могу больше оставаться там. Решила уехать куда глаза глядят.

— Езжай. Счастливого пути, — сухо произнес Полуянов.

Она не обиделась и молящим голосом произнесла:

— Мне некуда ехать. Хотела спросить: вдруг у вас есть какая-нибудь дачка, квартирка, где я могу спрятаться? Ненадолго — пока все не уляжется?

Наглость вдовы зашкаливала. Но логичный вопрос — с какой стати он должен ей помогать — Полуянов задать не успел, так как Кася тихим и покаянным голосом пробормотала:

— Дима. Я вас обманывала. Я в беде. В большой беде. Давайте встретимся, и я расскажу вам правду. Всю-всю.

Расчет Ольги Петровны на женскую солидарность оказался верным, и в ветхом домике, со всех сторон затертом коттеджами, ее встретили приветливо. Хозяйка избушки — одинокая старуха — немедленно кинулась заваривать чай, выставляя на стол застарелые сушки. Она глядела на несчастную мать с жалостью и бесконечно повторяла:

— Ой, горе-то!

Ольга Петровна позволила себе дать волю слабости и с наслаждением заплакала. Но когда собеседница в десятый раз повторила: «Молодой! Красивый! Такая беда!» — решительно ее оборвала:

— Давайте не будем дальше растревать мою рану. Я хочу знать, отчего на самом деле погиб мой сын. Помогите мне, пожалуйста.

— А как я могу вам помочь? — растерялась старуха.

— Мне говорят, что Саша заснул в ванне и утонул, но я в это не верю. Я много раз сюда приезжала и видела, что вы часто сидите у окна. Поэтому умоляю вас, скажите, в день его смерти — двадцать шестого апреля — вы ничего подозрительного не видели?

— Божечки! — перепугалась пожилая женщина. — Сыночка вашего, что ли, убили?! А вроде говорили, несчастный случай!

— Я не знаю, что на самом деле случилось. Но хочу выяснить. Давайте, пожалуйста, вместе вспомним! Это было воскресенье, всего два дня назад.

— Воскресенье, — с глупым видом повторила бабка.

— Кася в тот день уехала в Санкт-Петербург, поезд в семь вечера. За ней должно было приехать такси примерно в пять или в пять тридцать.

Старуха задумалась, потом неуверенно отозвалась:

— Да вроде приезжало. Желтое. С белыми шашечками.

— Кася с чемоданом была?

— Нет, кажется... Только сумочка.

— Саша ее провожал?

— Нет. Со двора сама вышла.

— А дальше... в этот день... кто-то в дом заходил?

Бабкин рот приоткрылся, на губе вспенился пузырек слюны.

«В маразме, похоже. Никакого толку», — вздохнула про себя Ольга Петровна.

Но старуха вдруг абсолютно разумным голосом произнесла:

— Боюсь я рассказывать вам. Вдруг померещилось. У меня ж катаракта на оба глаза.

— Пожалуйста, говорите!

— А потом с милиции придут, станут бумаги совать, чтоб подписывала. Как я буду, если не уверена?

— Умоляю вас! Скажите!

— Или Каська меня зарежет.

— Что?

— Да вышла я во двор. Уже поздно было, где-то после десяти вечера. Слышу, шаги на улице. В щелку выглянула — вроде Кася. А потом пригляделась, смотрю, нет, не она. Паренек. Так что и рассказывать не о чем. Обозналась я.

— Нет-нет! Это очень важно! Вы видели, откуда и куда этот паренек пошел?

— Со стороны остановки мимо моего дома, а потом за угол завернул.

— Вам же виден вход в Сашин дом. Он туда... не входил?

— Нет! Мимо прошел! А через минуту где-то с улицы соседней машина выехала. Может, его ждали как раз.

— Номер запомнили?

— Да разве я разгляжу!

— А марка? Цвет?

— Большая. Черная.

— Как был парень одет?

— Курточка серая. Джинсы. Кепочка на глаза надвинута.

— Почему вы решили, что это Кася?

— Тощий, и вроде походка издали знакомая показалась. Но когда мимо проходил, я присмотрелась: нет, не она. И вообще не женщина, а парень.

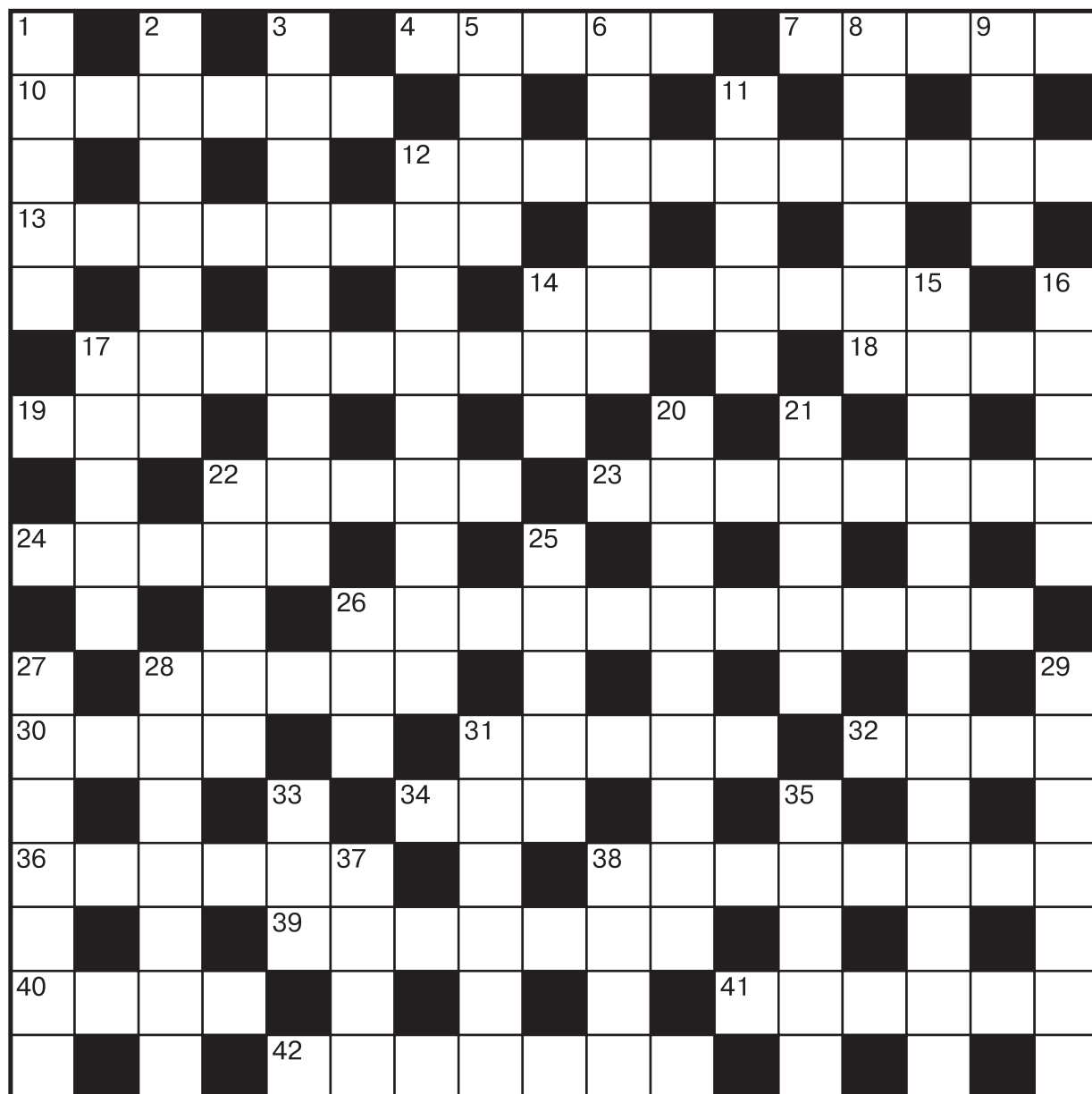
— А лицо его сможете описать?

— Да не вижу я лиц! — всплеснула руками старуха и запричитала: — Вот, сказала на свою голову. У меня ж один глаз два процента, а второй пятнадцать! Не видела я никого! И парень — то случайный прохожий был!

Но луч надежды, что ярко засиял в сердце Ольги Петровны, уже было не погасить. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Что ловит хоккейный вратарь? **7.** Накидка Зевса. **10.** Первый русский ученый, получивший Нобелевскую премию. **12.** Часовой у рубежей Отчизны. **13.** Где шасси выпускают? **14.** Какой политик ездит по ушам избирателей? **17.** Какой пролив римляне

в древности называли Геркулесовы столбы? **18.** Мера мощности лампочки. **19.** Триллерные ощущения. **22.** Какого управдома угораздило быть похожим на Ивана Грозного? **23.** Любимая лодка у туристов. **24.** О каком народном танце с иронией упоминают герои «Свадьбы

в Малиновке»? **26.** Спорт, чье название переводят как «скольжение по ветру». **28.** Грешный недостаток. **30.** Мера пульса. **31.** Что рок-музыканты презирают? **32.** Магические карты. **34.** «Говорильня» в Интернете. **36.** «Гончий пес океана» для англичан. **38.** Самая знаменитая в мире «фабрика грез». **39.** Сочинитель фельетонов. **40.** Банкетные данные. **41.** Кто из наших генсеков дослужился до генералиссимуса? **42.** Черновой ... рукописи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бронзовый статус. **2.** Охупкин из комедии «Волга-Волга». **3.** Режиссер Федор ... получил неуд на вступительном экзамене по литературе в МГИМО. **5.** Обитатель молекулы. **6.** Перекус из фастфуда. **8.** Депутат Государственной думы, ставший свидетелем того, как император Николай II подписывал документ о своем отречении от пре-

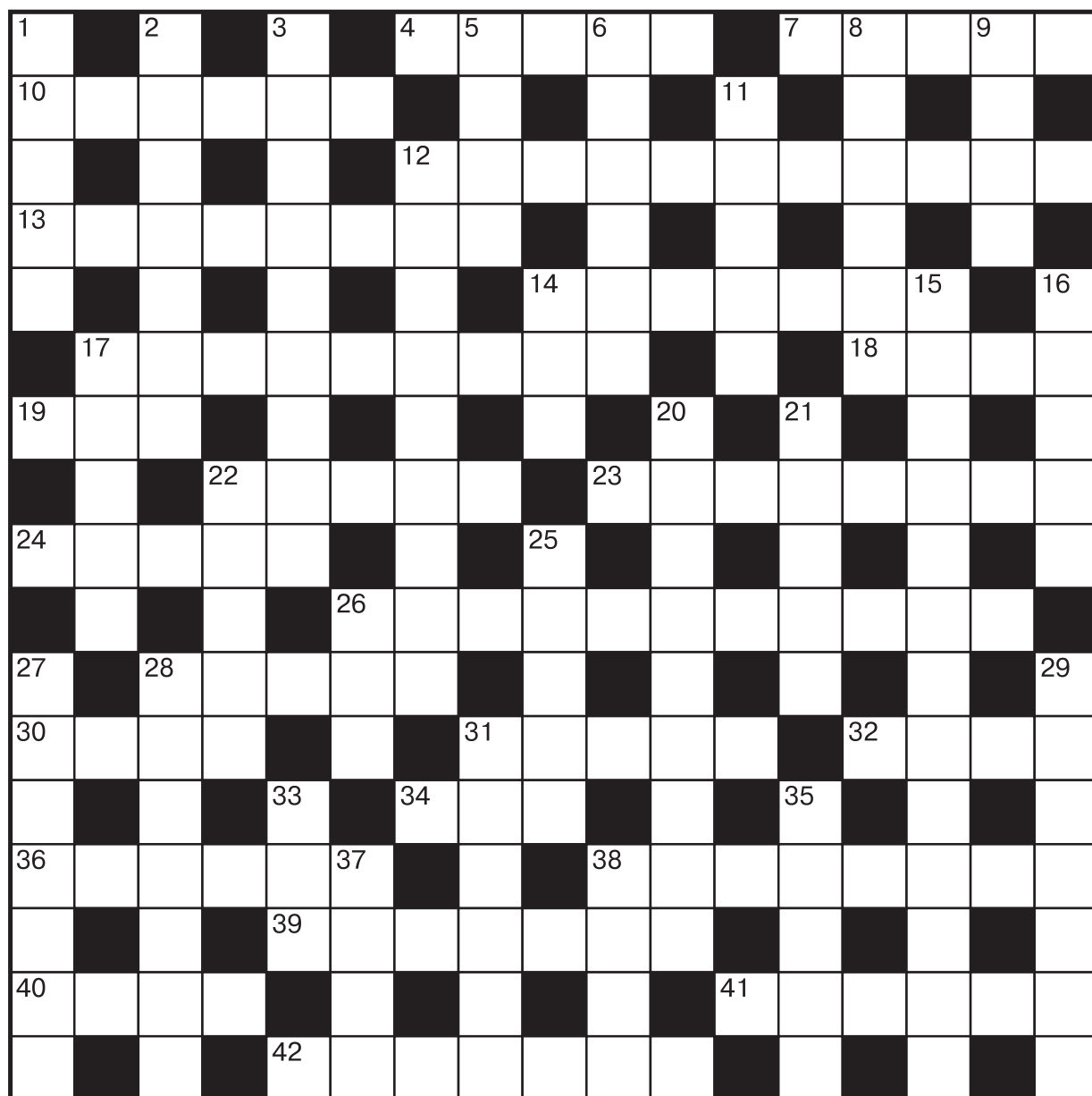
стола. **9.** Внедорожник толстосумов. **11.** «Быстроногий олень» из романов Фенимора Купера. **12.** Кто в монастыре «на испытательном сроке»? **14.** Разряд у дзюдоистов. **15.** Кто из чемпионов мира по шахматам также блестяще играл в бильярд и пинг-понг? **16.** Что подразумевает кукиш? **17.** Совецательный ... **20.** «Каска для пальца». **21.** Из-за страсти к ней полководец Олоферн в буквальном смысле потерял голову. **22.** Пожарный шест. **25.** «Дура с сердцем и без ума такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца» (классический роман). **26.** Бык для распашки земли. **27.** Специя для теста индийских пирожков. **28.** Кто исповедуется врачу? **29.** Один из «пяти врагов покоя». **31.** Итальянский закрытый бутерброд. **33.** Доводит до греха. **35.** «Нельзя поднимать людей с колен, покуда ... нужна холопу». **37.** Декор для картины. **38.** «Музыка чемпионов».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Дуэль. **7.** Шанс. **10.** Терапия. **12.** Даугавпилс. **13.** Небосклон. **15.** Микадо. **16.** Венок. **18.** Тиберий. **19.** Зло. **24.** Биссектриса. **25.** Лазурь. **26.** «Захер». **27.** Центр. **30.** Клип. **34.** Каре. **35.** Буревестник. **37.** Поло. **39.** Брюллов. **41.** Миоглобин. **42.** Носик. **43.** Вилка. **44.** Райзман. **45.** Скунс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Жеребец. **2.** Паровоз. **3.** Диско. **5.** Уран. **6.** Лиго. **8.** «Адидас». **9.** Суслов. **11.** Авгий. **12.** Доминиканец. **14.** Бессмертник. **15.** Миска. **17.** Кларк. **20.** «Артек». **21.** Осетр. **22.** Алекс. **23.** Изгиб. **28.** Набоб. **29.** Резон. **31.** Публика. **32.** Бетон. **33.** Биограф. **36.** Архив. **37.** Поезд. **38.** Лиман. **40.** Волк. **41.** Милн.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто стал старейшей из актрис, когда-либо удостоенных премии «Оскар»? **7.** Первый, кто родился в Антарктиде. **10.** Вклад «вдовы Клико» в производство шампанского. **12.** Словесный плод без запаха и вкуса. **13.** С каким минералом связано открытие ли-

тия? **14.** Крысиный яд. **17.** Как называет себя Швейцария на своих почтовых марках? **18.** «Получка» от судьи. **19.** Насадка для швабры. **22.** Рубище на дервише. **23.** Кто возглавлял УЕФА до Мишеля Platини? **24.** Армянский творог из пахты. **26.** Где возвели первый в Англии

крестообразный в плане храм? **28.** Гладиатор с дротиком. **30.** Демон у индусов. **31.** «Неиствующая» вакханка. **32.** «Погубитель» Парижской коммуны. **34.** Винная мера у голландцев «во времена оны». **36.** На каком злаке делают настой, чтобы снимать усталость ног после долгой ходьбы? **38.** Второй из афинских архонтов. **39.** Хижина в горах Азербайджана. **40.** С каким отелем связан уход в лучший мир Коко Шанель? **41.** Первый, кто дважды летал к Луне. **42.** Бразильская пальма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Старший сын Константина Великого, посланный отцом на казнь. **2.** «Леонардо да Винчи Древнего Египта». **3.** «Болотный вереск». **5.** Марийский кефир. **6.** Одежда палестинок с шёлковой вышивкой. **8.** Кубинская ящерица.

9. Тип средневекового замка «... и бейли». **11.** «Мы читаем, чтобы знать, что не одиноки» (классик). **12.** Чьи плоды окрестили «сорочьи очи»? **14.** Столица с фонтаном Мавра. **15.** Кто оживил Щелкунчика? **16.** Танцевальный ритуал очищения у японцев. **17.** Гений «новой волны», снявший свою жену в семи фильмах. **20.** Где происходят скачки из мультфильма «Подводная братва»? **21.** Всё самое отвратительное. **22.** Медицинский шарлатан. **25.** Элемент техники прыжка с шестом. **26.** Кого назначил начальником гномов Николай Гоголь? **27.** «Неформальный клаксон» из иврита. **28.** Ежегодная велогонка в Испании. **29.** «Таинственный металл» Атлантиды. **31.** «Стальное дерево». **33.** Самое высокое из деревьев семейного сада Агаты Кристи. **35.** «Великан» среди спартов. **37.** Грим трубочиста. **38.** Богиня мира у древних римлян.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Астат. **7.** Биск. **10.** Лемишка. **12.** Паддингтон. **13.** Игнимбрит. **15.** Аквата. **16.** Гинем. **18.** Трирема. **19.** Рюб. **24.** Гластонбери. **25.** Грааль. **26.** Эйкру. **27.** Чувал. **30.** Меир. **34.** Чудо. **35.** Зурракапоте. **37.** Тьма. **39.** Пузанок. **41.** Дистрифик. **42.** Лилия. **43.** Цуйка. **44.** Роммель. **45.** Цехин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Геоглиф. **2.** Бифитер. **3.** Акиба. **5.** Скат. **6.** Аиди. **8.** Иштван. **9.** Кеннан. **11.** Шнека. **12.** Пирилейки. **14.** Проскрипция. **15.** Амфод. **17.** Мюзле. **20.** Обруч. **21.** Аркад. **22.** Нгома. **23.** Хафиз. **28.** Вульф. **29.** Лошак. **31.** Рукавки. **32.** Креол. **33.** Стетсон. **36.** Турул. **37.** Томми. **38.** Милле. **40.** Киже. **41.** Дики.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22002

СМЕНА

Дорогие читатели!

Плая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций.

Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви». Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый
конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
- Вторая премия** — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала
- Третья премия** — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№2 февраль 2022